



ISSN 2227-4413

ВЕЛИКОРОССЪ

Литературно-исторический журнал

№4(14) 2014

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Адрес:
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:
8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3



ПАМЯТЬ

Юрий ПОЛЯКОВ
Истоки народного подвига4

Сергей КОБЕЛЕВ
Отец Глеб102



ПОЭЗИЯ

Людмила ЩИПАХИНА
«Лучом, крестом и знаменем...»26

Анатолий АВРУТИН
«Вберу я Русь в зрачки... И не согнусь я...» 56

Светлана ГОРОШИЛОВА
«Проторю своих тропок немало...»98

Марина ЧИЧЕРИНА
«Что чувствую, открою по секрету...»106

Инесса ИЛЬИНА (ФЁДОРОВА)
«Затрепещет белым флагом парус в море
голубом...»111

Тамара ЛИСИЦКАЯ
«Обнажаю души непокой...»121

Сергей ЛЕБЕДЕВ
«Говорю спасибо Богу за мгновение полета...» 136

Инна МУХИНА
«И горнего воздуха чистый глоток...»143

Анатолий ПЯТОВ
«А от радости ввысь воспарить...»151

Надежда ТЕРЕНИНА
«Улыбнись по-доброму, прохожий...»158

Виктор ШЕСТОВ
«Седая моя, овдовевшая Русь...»178

Лариса САМБУРСКАЯ
«Да будет же вовек благословенна...»184

Екатерина НОВИКОВА-СТАНКЕВИЧ
«Душа ко Господу спешит...»186

Анатолий УВАРОВ
«Шумы, гуди, бурная зима!...»188

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№4(14) 2014
Выходит четыре раза в год

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель:
Макеева С.Г.

Издатель:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»

Подписано в печать 18.12.14.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ 8738.

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2014
© Авторы, 2014

📖 ПРОЗА

- Владимир КРУПИН**
Владимир – Красное Солнышко36
- Светлана ЗАМЛЕЛОВА**
Купчиха Кокорева. Отрывок из романа
«В некотором Царстве...»67
- Алексей МУХИН**
Дядя Митя. Рассказ86
- Василий КУЗНЕЦОВ**
Голова. Юмореска109
- Екатерина ГЛУШИК**
Немного о стихах Ахматовой. Рассказ113
- Юлия АЛЕКСАНДРОВА**
Рассказы139
- Александр ГАНИН**
Ожидание. Поэтическая сказка
для взрослых146
- Василий ПОЛЯКОВ**
Рассказы155
- Евгений ТАТАРСКИЙ**
Один общий враг, три сорта предателей
и здравый смысл. Рассказ160

🎂 ЮБИЛЕИ

- Лев АННИНСКИЙ**
Неутихающая боль. О первой научной
биографии Н.А. Островского49
- Игорь ФУНТ**
«Вперёд, в штывки, за коммунизм!»130

🌀 СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Юрий ЯХОНТОВ**
Общеславянское государство
вандалов78

📖 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Юрий РЫЧЕНКОВ**
Ворон (история одного перевода)124



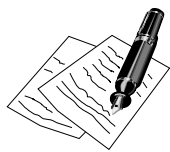
Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

Сегодня, наверное, уже для всех очевидно, что мир стоит на пороге новых перемен и новых испытаний. Предчувствие чего-то значительного уже давно носится в воздухе. Невозможность жить по-старому заставляет народы стран и континентов, презрев жалкое материальное благополучие, восставать против существующего миропорядка в чаянии новых смыслов. Далеко не всегда этот протест имеет цивилизованное выражение, далеко не всегда порывы народов исполнены истинно высоких целей, более того – порой эти цели иррациональны и безумны, но это уже другой уровень проблемы. Главное, что подлинная, живая жизнь вступает в свои права, сокрушая на своём пути «либеральную» демагогию и лицемерие буржуазного мироустройства. Мир устал от продажности всего и вся и ныне яростно требует возвышенных обоснований своего бытия – бытия, в котором есть место вещам и категориям, не имеющим денежного выражения. Этот запрос, так или иначе, проявляется сегодня повсеместно на планете, и его уже невозможно нейтрализовать идеологической терапией и «либеральным» терроризмом. Россия, заявив о своих правах на Русский Мир и на собственные национальные интересы, столкнулась с невиданным за последние годы моральным и санкционным давлением, последствия которого мы ещё, возможно, не ощутили в полной мере. «Цивилизованный» Запад убедительно показал, что не остановится ни перед чем в стремлении подчинить Россию своей воле и не допустит какого бы то ни было славянского единства. Происходящее сегодня в отношениях между Россией и Украиной заставляет многих пересмотреть установки, бывшие прежде незыблемыми. Это, в свою очередь, ставит перед Русским Миром новые весьма болезненные вопросы и вынуждает искать ответы на них...

В нынешней смутной ситуации журнал «ВЕЛИКОРОССЪ» продолжает стоять на позициях славянского братства и защиты интересов России как нации и государства. Приглашаем к сотрудничеству единомышленников с талантливыми и честными произведениями. Поздравляем с наступающим Новым годом и желаем в новом году счастья, благополучия, хорошего настроения и новых ярких открытий на страницах журнала «ВЕЛИКОРОССЪ»!

Иван ГОЛУБНИЧИЙ
Кандидат филологических наук
Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики



ПАМЯТЬ

Юрий ПОЛЯКОВ

Истоки народного подвига

Предисловие

Мы все выросли на плечах гигантов. Таким гигантом в исторической науке был и оставил стране выдающееся творческое наследие академик Ю.А. Поляков. Он был признанным лидером историков-демографов, но ещё не получили заслуженной оценки его вклад в изучение истории Великой Отечественной войны, воспоминания и размышления на эту тему.

Он много сделал для прояснения проблемы людских потерь в эти годы, анализа состояния советского общества, мотивах его поведения и настроений в условиях испытаний, вызванных войной. В свою работу, посвящённую этой теме, он вложил не только силу убеждений учёного-патриота, но и знания современника и участника этих событий. Так случилось, что и в начале карьеры и на её вершине самые яркие в его памяти страницы войны связаны со Сталинградской битвой. В 1943 году он, студент МГУ, принимал участие в организации работ по восстановлению Сталинграда, разрушения которого произвели на него неизгладимое впечатление, а в 2003 году выступил на «чрезвычайном вечере» в Вашингтоне, посвящённом 60-летию Сталинградской битвы. Вход был платным, но в зале – яблоку негде упасть. Итогом была телеграмма организаторов вечера, полученная в Москве: «Благодарим Вас! Программа завершилась очень успешно, потому что в ней принимали участие выдающиеся учёные. Вы помните, как все присутствующие в зале встали и устроили Вам овацию. Такое случается крайне редко».

Мы неоднократно бывали с Юрием Александровичем в командировках по стране и за рубежом. Особенно запомнились поездки в США, куда нас пригласили для обсуждения фильма о холодной войне, который готовил член британского парламента Ф. Уайтхед, убедительные аргументы Ю.А. Полякова в дискуссии с пережившим его



Юрий Александрович Поляков (1921-2012) – выдающийся советский и российский историк, создатель научной школы, специалист в области новейшей истории России, исторической демографии и исторической географии. Доктор исторических наук, академик РАН. Научное наследие – свыше 650 публикаций, в том числе десятки монографических исследований, посвящённых переломным периодам отечественной истории: Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР, восстановительному периоду, истории советского крестьянства. Принимал участие, в сотрудничестве со специалистами Госкомстата СССР, Министерства обороны СССР и МГУ в исчислении людских потерь за годы Великой Отечественной войны. В память об учёном в Институте российской истории РАН открыт мемориальный кабинет, проходят научные чтения «Мир глазами историка».

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ

на несколько месяцев сыном В.А. Антонова-Овсеенко и, конечно, поездка в загадочную Китайскую Народную Республику, где по приглашению Академии общественных наук КНР приняли участие в дискуссиях о войне и обществе.

Несколько слов о личном. Мы многие годы были друзьями с Юрием Александровичем и его ангелом-хранителем Александрой Яковлевной, тоже историком со своими твёрдыми и сегодня взглядами и убеждениями. В искренних отношениях, за которые я благодарен судьбе, дистанция между учителем и одним из его соратников была естественной и понятной.

Наше творческое содружество получило новый стимул с выходом в свет в 2009 году распоряжения Президента РФ о подготовке и издании нового фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». Юрий Александрович согласился войти в состав Главной редакционной комиссии труда и выступил как автор в первом (2011 г.) и втором (2012 г.) томах с опорой на многие ранее недоступные исследователям документы и в свойственном ему блестящем стиле. Предлагаемый читателям рабочий материал Ю.А. Полякова, подготовленный для этого труда, публикуется впервые.

О.А. Ржешевский,
заслуженный деятель науки РСФСР



Академическое удостоверение



Награды Ю.А. Полякова

Вопрос об истоках и закономерностях победы Советского Союза над нацистской Германией и её союзниками – один из главных и трудных в историографии войны. Ответы на него содержатся в исторической литературе послевоенных десятилетий. Однако эта литература по своей сути и направленности неоднородна. Так, в официальных документах, коллективных трудах, монографиях и диссертациях, брошюрах и статьях на эту тему, увидевших свет преимущественно до 80-х годов, содержится немало глубоких и верных суждений, не утративших своего значения и в наше время. Вместе с тем при чтении этих работ создаётся впечатление, что многие мысли, факты, даже фразы – о советском патриотизме, незыблемой дружбе народов, руководящей роли партии, превосходстве социалистической экономики, прочности советского общественного строя – перекочёвывали из одних статей, книг, учебников, диссертаций в другие. При этом постепенно ослабевали критический анализ, научная доказательность, аргументация и, как следствие, снижались авторитет таких трудов и их эмоциональное воздействие на читателя.

Во второй половине 80-х годов картина стала меняться. Получили распространение взгляды, противоположные привычным. В моду входило односторонне тенденциозный подбор фактов – главным образом о военных неудачах и поражениях, сомнительные подсчёты людских потерь, обращение позитивного в негативное, настойчивые попытки принизить значение победы над фашизмом, умалить её величие. Стало популярным ставить на одну доску агрессора и его жертву, затушёвывая тем самым освободительный, антифашистский характер Великой Отечественной войны. Часто анализ событий войны с усердием, достойным лучшего применения, подменялся критикой пороков советской системы и характера народа, одержавшего великую победу. Тем самым игнорировалась необходимость дать верные ответы на ключевые вопросы: почему вражеские войска смогли дойти до Москвы и Волги и почему Советский Союз сумел выстоять и взять верх над сильным, коварным противником.

Конъюнктурное освещение истории Великой Отечественной войны, обусловленное как идеологическим влиянием, так и профессиональной неподготовленностью и нравственной неустойчивостью части исследователей, нанесло ощутимый вред её объективной разработке. Нас не могут удовлетворять неполные, а подчас и неточные ответы, содержащиеся в трудах первых сорока послевоенных лет, на многие вопросы. Антинаучна и вредна распространившаяся в конце прошлого и начале нынешнего столетия в средствах массовой информации тенденциозная, дилетантская критика военных усилий СССР.

Изменившиеся социально-политические, экономические, геостратегические и другие условия требуют не ортодоксальных взглядов, а рационально взвешенного, беспристрастного подхода к изучению означенной важной темы. В данном очерке на основе конкретно-исторического анализа рассматриваются источники неодолимости советского народа в годы войны, его духовной силы, определившие преимущество СССР над противником, его победу над фашизмом. При этом учитываются характер Великой Отечественной войны, эпоха, в которой она велась, сопоставляется общественный строй СССР и других воевавших стран.

Что защищали советские люди?

Победу СССР в Великой Отечественной войне обусловила группа взаимосвязанных факторов. Они неодинаковы по своему характеру и значению. Поэтому недопустимы переоценка одних, недооценка или игнорирование других. Бесспорно, существенную роль сыграли пространства страны, её огромные материальные и людские ресурсы, помощь союзников, просчёты противника. Но главная заслуга принадлежит советскому народу. Именно он сплотился перед общей бедой, забыв или отодвинув в тень свои обиды и невзгоды.

На борьбу с германским нашествием поднялись все: стар и млад, мужчины и женщины, все нации и народности СССР. М.М. Пришвин 5 июля 1941 года записал в своём дневнике: «Весь народ поднялся» [1]. Чем же был вызван такой взрыв патриотизма советских людей?

Вопрос этот сегодня чрезвычайно запутан. Прежние, ставшие стереотипами постулаты о том, что народы СССР защищали «советскую социалистическую Родину», «идеалы социализма», в результате распада республик утратили во многом прежнюю убедительность, а новых, достаточно вразумительных ответов пока не дано. Несомненно, что поставленный вопрос требует всестороннего рассмотрения.

Патриотизм – это любовь человека к Родине, его способность и в горе и в радости быть вместе со своим народом. В годы Великой Отечественной войны и после её окончания чувство патриотизма достигло своего наивысшего накала. Стремление отстоять независимость страны, родную землю, свой очаг было неукротимым. И это не случайно, ибо патриотизм нашего народа имеет глубокие исторические корни, обладает устойчивой социальной природой и опирается на прочные традиции. Советские люди ощутили огромную опасность, которую нёс германский фашизм, развязавший 22 июня 1941 года неспровоцированную, несправедливую войну.

Фашизм угрожал многим государствам и народам. Но степень нависшей опасности была отнюдь не одинакова. Для таких государств, как Великобритания, Франция, США, поражение во второй мировой войне означало коренное изменение соотношения сил в мире, перекройку геополитической карты, потерю части собственной территории, колоний, зон влияния, источников сырья и рынков сбыта. Иными словами, для крупных западных держав речь шла о национальном и геополитическом поражении. Однако их социально-политическое устройство и демографическое состояние, как свидетельствует опыт оккупированных агрессором стран Европы и Азии, осталось бы прежним.

Иное дело Советский Союз. Для его народов поражение в войне могло быть не только национально-государственной, но и социальной катастрофой. Оно привело бы к отторжению значительных территорий и раздроблению СССР, превращению ряда регионов в колонизационное поле с насильственной германизацией одной части населения и переводом в разряд неполноценных людей – другой. При этом не только в ходе завоевательного похода вермахта, но и в процессе реализации замыслов, рассчитанного на длительный срок, предусматривалось целенаправленное уничтожение населения до желательного для захватчиков уровня.

Планы руководства нацистской Германии в войне против Советского Союза очевидны и никем из историков не оспариваются. Многочисленные

документы и факты истории свидетельствуют: при подготовке «войны мировоззрений» против Советского Союза имелось в виду нечто большее, чем военно-стратегическое планирование. На совещании высшего командного состава вермахта 30 марта 1941 года Гитлер не оставил никаких сомнений в том, что речь идёт о «борьбе на уничтожение». В соответствии с этим в военных директивах подчеркивалось, что война против России должна вестись «с неслыханной жестокостью». Верховное командование вермахта уже тогда заявило о своём согласии с тем, что рейхсфюрер СС будет «самостоятельно и под личную ответственность» выполнять «особые задания фюрера» в районе боевых действий сухопутных войск. За действия против «вражеских гражданских лиц», как отмечалось в указе о военном судопроизводстве от 13 мая 1941 года, «не будет обязательного преследования, даже если деяние является военным преступлением или проступком...». В планах по хозяйственной деятельности и продовольственному снабжению в захваченных областях для многих миллионов людей была предусмотрена голодная смерть. «...Несомненно, будут голодать десятки миллионов людей», – констатировалось на заседании госсекретарей 2 мая 1941 года. В документе «Экономический план “Ост” от 23 мая 1941 года» читаем: «Несколько десятков миллионов человек на этой территории станут лишними и умрут или будут вынуждены переселиться в Сибирь» [2].

Совершенно очевидно, что речь шла о судьбе Советского Союза, о том, быть нашему Отечеству или погибнуть. Вероятно, какие-то территории СССР сохранили бы видимость независимости. Но во всех случаях неизбежным было уничтожение социально-экономических основ и политических порядков, существовавших перед войной.

Советские люди поняли это уже в самом начале войны. И тогда стало ясно, что большая, единая Родина – не только сумма «малых территорий». Осознание этого объединило в общей ненависти к врагу и общем порыве людей различного социального происхождения и положения, все нации и народности Советского Союза – русских и казахов, украинцев и грузин, белорусов и узбеков.

Одна из главных причин всенародного подъёма, готовности в борьбе до победного конца состояла в том, что граждане СССР в своём большинстве были приверженцами социальной справедливости. Они получали право на труд, бесплатное образование и здравоохранение, на отдых и доступ к достижениям науки и культуры. Подобной ситуации не было и не могло быть ни в одной стране Запада, подвергшейся нацистской агрессии. Подтверждением тому является пример Франции, которая оказывала сопротивление агрессорам всего лишь 40 дней, поскольку политическое руководство страны и народ не стали единой силой, противостоящей фашистской Германии.

В Советском Союзе, напротив, доминанта общественного настроения, общественного мнения, общественного сознания военных лет представляется несомненной – война против оккупантов справедлива, поэтому необходимо приложить силы для достижения победы. Аргументация здесь легка и в то же время затруднительна. Сам по себе этот настрой был настолько очевидным, что не требовал каких-либо подтверждений. Отсюда и сложность: убеждать, что сопротивление врагу являлось всенародным, долгое время считалось равносильным тому, что говорить, будто белое есть белое, а чёрное – чёрное.

Аксиома не нуждается в доводах, однако надо обосновать, что мы имеем дело именно с аксиомой. Но установить ту истину, что большинство народа

осознавало необходимость сосредоточения всех сил для разгрома врага, вряд ли можно путём каких бы то ни было социологических опросов. Об этом свидетельствует только поведение людей, в котором и проявляется массовое сознание. Безусловно, в нём преобладал государственный патриотизм, ибо система ценностей советского строя, как уникального тогда в мире жизнеустройства, разделялась большинством населения. Однако неправомерно замалчивать тот факт, как это зачастую делалось ранее, что имело место и иное отношение к войне, которое выражалось по-разному. Например, на оккупированной территории антисоветские и пронемецкие настроения нередко выливались в пособничество и сотрудничество с врагом. На всей основной территории страны они не могли, естественно, проявляться открыто, ибо их носители карались бы по законам военного времени.

Были и такие среди советских людей, которые открыто не выступали против участия в освободительной войне, но вместе с тем всячески стремились отсидеться в тылу, уклонялись от фронта, а если, вопреки своей воли, одевали военную форму, то при удобном случае дезертировали. Поражения своей стране и победы Гитлера желали разного рода националистические элементы, выходцы из господствовавших в дореволюционное время классов и социальных групп, противники советского строя (их называли «пораженцами», хотя этот термин и не получил распространения). Не стоит забывать, что война началась, когда не прошло ещё и четверти века со времени революции и гражданской войны, и страна пережила потрясение от необоснованных репрессий. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что накануне гитлеровского нашествия в СССР вошли три прибалтийские республики, Бессарабия, западные территории Белоруссии и Украины. Определённая часть их населения была настроена против советской власти.

Подобным настроениям в известной мере способствовали раскулачивание и выселение отдельных категорий сельских жителей в северные и восточные районы, связанная с арестами обстановка подозрительности и страха. Эти явления, а также определённые изъяны советского строя породили у части населения своеобразную раздвоенность сознания, о чём писал в конце своей жизни К. Симонов: «...тогда одновременно существовало словно не одно, а два соседних и разных времени. Одно явное и понятное, с полётами через полюс, с революционной помощью Испании, с ненавистью к фашизму, с пятилетками, с работой до седьмого пота, с радостной верой, что выше и выше поднимаем страну, с любовью и дружбой, с нормальными людскими отношениями; и тут же рядом – только ступи шаг в сторону – другое время, страшное и с каждым днём всё более необъяснимое...» [3]. Эту сторону истории государства и народа невозможно замолчать или забыть. Но в военную пору люди сплотились во имя обороны Отечества, защиты ценностей, подавляющему большинству понятных и близких.

Социально-политический строй воспринимался гражданами как законный и естественный. Юридически он закреплялся принятой конституцией и всеобщими выборами в Верховный Совет СССР, в республиканские и местные советы. Люди были уверены в прочности государства и убеждены в правильности поставленных партией и правительством ближайших и перспективных целей.

Преобладающая часть населения считала политическое устройство страны и условия жизни, несмотря на многие очевидные недостатки,

справедливыми, одобряя принципы и тенденции социального развития. В этом убеждало вошедшее в быт бесплатное образование и медицинское обслуживание, практически бесплатное жильё и т.д. и т.п., очевиден был и рост международного авторитета СССР [4].

Невысокий по сравнению с западными странами уровень жизни объяснялся без особого труда: народ совершил в отсталой стране революцию, ликвидировал эксплуататоров, отразил натиск интервентов, преобразовал страну, создал современную индустрию. Нарастающая угроза войны обусловила проведение широкомасштабных мер по укреплению обороноспособности государства. Всё это требовало неимоверных усилий и затрат, направленных в конечном счёте на достижение светлой цели – построение социализма, создание общества социальной справедливости.

Гражданам импонировало, что во всех звеньях государственного, партийного, хозяйственного, военного аппарата преобладали представители трудовых слоёв, которые получили реальную возможность «выйти в люди» – стать профессорами и доцентами, артистами и писателями, офицерами и генералами, инженерами и руководителями предприятий, советскими и партийными деятелями. Положительно воспринималось и отсутствие явной безработицы, всемерно демонстрировавшееся уважение к людям труда, к их производственным достижениям, не говоря уже о почете, которым окружали ударников и стахановцев. Таким образом, поддержка народом советского строя имела достаточно определённую идеологическую и социальноэкономическую базу.

На протяжении почти двух десятилетий основой воспитания советских людей были идеи марксизма-ленинизма. Лейтмотивом в системе образования, в работе общественных организаций, средств массовой информации была неизбежность победы социализма во всём мире, подчеркивалось, что СССР является оплотом трудящихся всех стран в их борьбе против эксплуататоров. Это глубоко проникло в сознание масс, и готовность выступить в защиту угнетённых народов была достаточно велика. Идеи освобождения, установления равенства и братства людей труда упали на благодатную почву – вера в историческую миссию России, призванной приносить благо другим народам, была традиционно сильной.

Со второй половины 30-х годов главным в идеологической работе стала пропаганда понятия Родины и Отечества, объединяющего граждан страны. Ядром Родины была Русь, сплотившаяся, как потом, в годы войны, будет записано в гимне, все народы в нерушимый союз. Всемерно культивировалась мысль об их исконной дружбе, необходимости совместной борьбы против иноземных захватчиков.

Обращение к этим идеям, к историческому опыту защиты Отечества не было случайным. Готовность советского народа отстаивать своё прошлое и будущее была неразрывно связана с тысячелетней историей России, евразийскими особенностями её культуры, формировавшейся в условиях постоянной борьбы с врагами на Западе, Востоке и Юге.

Таким образом, в основе любви к Родине советских людей лежало не высокомерие и презрение к другим народам, а стремление к дружбе, равноправию, уважительности, желание помочь им встать на путь национального раскрепощения. Об этом говорилось в одном популярном стихотворении, написанном в 1939 году:

*Мы шагнули от наших границ,
Не для того, чтоб нас боялись,
Не для того, чтоб падали ниц,
А – во весь рост выпрямлялись.*

Возможность и эффективность сочетания национальных и интернациональных интересов убедительно показали испанские события 1936–1939 гг. СССР помогал республиканской Испании бороться против итало-германской агрессии, укрепляя тем самым собственную безопасность. Но одновременно эта поддержка порождала надежды на социалистические преобразования на Пиренеях. И события в районе Халхин-Гола, и воссоединение Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии с советскими республиками, и вхождение Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР воспринималось как решение двуединой задачи: укрепление СССР и освобождение трудящихся от капиталистического гнёта.

Во время войны идея защиты Советского Союза приобрела большое значение. Она ассоциировалась и с освобождением оккупированных территорий СССР, а также народов Европы от фашистского ига, и с решающей ролью Советского Союза в спасении человечества. Победа СССР, рост его авторитета на мировой арене подчёркивали величие и мощь советского государства. Этому способствовало и то обстоятельство, что к концу войны антифашистское движение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы стало приобретать народно-демократический, социалистический характер.

Чаще всего встречающееся суждение – советский народ защищал своё Отечество, Россию от чужеземного вторжения – правильно, но неполно. Это стремление свойственно всем народам. Но в СССР исторически сложилось так, что патриотизм отдельных народов стал неотделим от признания русских «старшим братом» и «чувства семьи единой». Каждый народ, спасая себя от порабощения, вместе с другими народами защищал единую Родину – Советский Союз, в составе которого узбеки и казахи, татары и чуваша, многие другие народы обрели свою государственность, создали свою промышленность, получили возможность для развития своего языка, национальной культуры, подготовки национальных кадров и т.д.

Во всех союзных республиках, подвергшихся оккупации, шла активная борьба против захватчиков. Регионы, расположенные в глубоком тылу, приняли эвакуированные предприятия. В составе «трудовой армии» находились граждане Средней Азии и Казахстана, которые были призваны через военкоматы, но по разным причинам не направлены на фронт. Они работали на стройках и промышленных предприятиях Урала и Сибири. В самую тяжёлую пору войны были созданы национальные воинские формирования. Первое из них – 201-я латышская стрелковая дивизия вступила в бой под Москвой в декабре 1941 года. 13 ноября 1941 года ГКО принял решение о создании национальных воинских частей и соединений в республиках Средней Азии, Казахстана, Башкирии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Чечено-Ингушетии [5]. В целом и бойцы национальных формирований и воины разных национальностей, сражавшиеся в частях Красной Армии, внесли свой вклад в разгром врага.

В конце войны депортация калмыков, крымских татар, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев и некоторых других народов ослабили доверие к национальной политике руководства страны. Однако нельзя забывать, что депортация осуществлялась под флагом возмездия за пособничество

оккупантам. На волне тогдашней всеобщей ненависти к фашистским захватчикам в определённой степени удалось самортизировать негативное воздействие этих противоправных и аморальных действий. Отметим, что подобного рода меры были обусловлены спецификой военного времени: они широко применялись и в других государствах, в частности США и Великобритании, где, как известно, не было ни Сталина, ни Берии.

О характере и направлении формирования общественного сознания в СССР в годы войны, развитии идей и чувств патриотизма можно судить по докладам, сделанным Сталиным в это суровое время. Они, являясь своего рода идеологическими ориентирами, в то же время в концентрированном виде отражали настроения большинства народа.

3 июля 1941 года Сталин в своей первой после начала войны речи, произнесённой публично, подчёркивал мысль об угрозе нашему социально-политическому строю: враг «ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности... свободных народов Советского Союза» [6]. 6 ноября 1941 года он говорил о силе и прочности советского строя, о «нашем социалистическом государстве» [7]. Сталин охарактеризовал царский режим как реакционный, при котором попирались права рабочих, интеллигенции, а также нерусских народов, устраивались «средневековые еврейские погромы» [8]. Национал-социалистическая партия Германии была названа партией «империалистов», притом наиболее хищных. Аналогично были названы нацисты в докладе 1 мая 1942 года [9]. И в дальнейшем оценка сущности гитлеризма давалась в таком же духе.

Положения о советском строе, его достижениях постоянно проходили через сталинские материалы в течение всей войны [10]. Пожалуй, к концу её им даже стало уделяться больше внимания. В ноябре 1944 года Сталин отмечал: «Социалистический строй, порождённый Октябрьской революцией, дал нашему народу и нашей армии великую и непреодолимую силу» [11].

В социально-политическом контексте следует рассматривать и многочисленные высказывания Сталина о дружбе народов, рождённой социалистическим строем. «В советском патриотизме, – указывал он, – гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза» [12]. В его выступлениях неизменно упоминалось имя Ленина, подчёркивалась роль Коммунистической партии в сплочении всех наций и народностей, населяющих огромную территорию СССР [13].

В самый критический момент войны – осенью 1941 года – появился тезис об особой роли русского народа. 6 и 7 ноября в выступлении на торжественном собрании и в речи на параде Сталин говорил о великой русской нации – «нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова...». Напомнив о «мужественном образе наших великих предков», он назвал имена и выдающихся русских полководцев – Суворова и Кутузова [14].

Ведущей, особой роли русского народа придавалось в ходе войны всё большее значение. Она неизменно подчёркивалась в многоплановой пропаганде. Особенно отчётливо о ней было сказано в выступлении Сталина на приёме в честь командующих войсками 24 мая 1945 года.

Понятие «старший брат» в годы войны воспринималось как само собой разумеющееся. Решающий вклад русского народа в достижение победы был налицо. К тому же первым заговорил о «старшем брате» не русский, а грузин.

В ходе войны всё большее отражение в официальных материалах получила идея освобождения народов от нацизма. Высказанная вначале как одна из главных целей Отечественной войны, эта идея по мере приближения войск Красной Армии к границам СССР и вступления их в пределы восточноевропейских стран наполнялась конкретным содержанием.

Отметим также, что пропаганда уделяла постоянное внимание единению славянских народов. Это было особенно важно потому, что большинство славянских стран оказалось под пятой нацистов. Исключение составляли Болгария и Словакия, но в Словакии в 1944 году вспыхнули широкие антифашистские восстания, а в Болгарии значительное партизанское движение облегчило в сентябре 1944 года бескровное вступление на её территорию Красной Армии.

Патриотическому настрою среди верующих способствовали положительные изменения во взаимоотношениях государства и церкви, поддержка Русской православной церковью и духовенством других конфессий справедливых целей войны, что к тому же придавало ей «респектабельность» за рубежом [15]. 22 июня 1941 года патриарший местоблюститель митрополит Сергей обратился к верующим с посланием, в котором призывал их помнить «не о личных опасностях, а о священном долге перед Родиной и верой». В поздравительной телеграмме Сталину в связи с 25-летием Октября он приветствовал его как «богоизбранного вождя» [16]. В мае 1942 года в Уфе совещание при центральном духовном управлении мусульман приняло обращение к верующим с антифашистскими призывами [17]. Служители мусульманской и иудейской конфессий вместе с православными поддерживали дух верующих, внушали уверенность в победе, собирали пожертвования в помощь фронту.

Осенью 1943 года Сталин встретился с иерархами Русской православной церкви, и по его инициативе был создан Совет по делам Русской православной церкви. Наладились отношения и с другими конфессиями.

Таким образом, все народы СССР, практически все слои населения страны воспринимали войну против третьего рейха как войну справедливую, священную, Отечественную. Их сплочение было обусловлено отчётливым пониманием смертельной опасности, нависшей над страной, над каждым её гражданином. То, что в тылу было немало обывателей и в грозное время заинтересованных лишь в собственных выгодах, также коллаборационистов на оккупированных территориях, не меняло всенародного характера войны против нацистской Германии. И это сплочение обеспечило победу СССР. «Никогда ещё 180 млн. жителей, – писал французский военный историк Р. Гудима, – населяющих 22 млн. кв. км советской территории, не были столь тесно связаны общей судьбой. Никогда ещё представители различных профессий не были так крепко спаяны, как в эту войну. Рабочий на заводе, крестьянин в поле, выдающийся писатель и художник, артист армейского театра, священник, стоящий во главе партизан, все – мужчины и женщины, как в тылу, так и на фронте и даже за линией фронта – все работали для победы» [18]. Трудно не согласиться с мнением зарубежного историка.

Главным в настроении советского общества в годы войны было желание отдать все силы для разгрома оккупантов. Не вызывало сомнения, что фашизм – это расизм, который несёт народам СССР порабощение. Стремясь к мировому господству, он угрожает уничтожением самой цивилизации. В газетах, по радио приводилась масса фактов о зверствах нацистов. Идеологическая работа партии была направлена на воспитание у воинов и трудящихся ненависти к фашизму и его носителям.

Писатель Борис Горбатов написал статью в форме письма к товарищу. Под названием «О жизни и смерти» она была опубликована в «Правде» 17 ноября 1941 года. В ней есть такие примечательные слова: «Нет в моём сердце сейчас ни страха, ни смятения, ни жалости к врагу – только ненависть...».

В укреплении чувства ненависти к нацистам в годы войны существенную роль сыграл ряд обстоятельств. Бесспорно, главное в них то, что войну против СССР начала Германия, войска которой вероломно вторглись на его территорию. Этот факт народ никогда не ставил под сомнение. Враг напал, враг уничтожает всё живое и неживое, рвётся всё дальше и дальше, страну надо защищать, спасать.

Вспомним 1812 год. Тогда по мере отступления русских «дух озлобленности против врага», как писал Л.Н. Толстой, всё более и более охватывал людей [19]. Так и по мере отступления Красной Армии чувство ненависти к интервентам непрестанно усиливалось. Чем дальше продвигались войска вермахта, тем глубже осознавалась смертельная угроза для страны и сильнее становилось сопротивление врагу.

До войны в СССР знали Германию как страну, давшую миру И. Гёте, Ф. Шиллера, Г. Гейне, К. Маркса, Ф. Энгельса, Р. Вагнера, А. Эйнштейна, К. Либкнехта, К. Цеткин, Э. Тельмана, других выдающихся поэтов, композиторов, учёных, революционеров. Но советские люди плохо знали ту Германию, в которой была установлена нацистская диктатура. В предвоенное время мало издавалось антифашистской литературы и снималось соответствующих фильмов. Антигитлеровская пропаганда не носила достаточно эффективного характера, а после подписания пакта о ненападении в августе 1939 года она практически прекратилась.

Сильное воздействие на психологию, умонастроение людей оказала практика осуществления грабительских планов германских правителей. Уже вскоре после начала войны население воочию убедилось в жестокости и беспощадности оккупантов. Основным средством насаждения «нового порядка» они избрали массовый, ничем не ограниченный террор. Какое-либо разбирательство их преступлений, тем более судебное, отсутствовало. Военный комендант, чиновник, эсэсовец или гестаповец, офицер или солдат был и «законодателем» и «судьёй». Вся захваченная территория была покрыта сетью концлагерей, тюрем и гетто. Граждане СССР, оказавшиеся в фашистской неволе, использовались на самых тяжёлых работах, а содержались как рабочий скот.

Советские воины видели сожжённые деревни Полесья, Полтавщины, Смоленщины, Брянщины, Подмосковья, места расстрелов мирных жителей, виселицы с повешенными партизанами, осквернённую Ясную Поляну и т.п. Непосредственность восприятия усиливала эмоциональный настрой.

Безусловно, гитлеровцы обращались с местным населением России, Белоруссии, Украины, Молдавии куда более жестоко, чем, например, с чехами или французами. Но и там безжалостность врага породила неутраченный гнев. Лидице в Чехии, где в 1942 году были расстреляны все мужчины посёлка, Орадур-сюр-Глан во Франции, где в июле 1944 года эсэсовцы уничтожили 642 мирных жителя, стали символами жестокости. Англичане не подверглись оккупации, но и они пострадали от воздушных налётов, а к концу войны – от ударов ракет Фау-1 и Фау-2. В СССР были сожжены тысячи деревень, уничтожены миллионы мирных граждан, подверглись бомбардировкам сотни больших и малых городов. С советскими пленными немцы обращались куда

безжалостнее, чем с гражданами других государств. Поэтому волна ненависти к врагу нарастала с каждым днём. Это чувство усиливала целенаправленная агитационно-пропагандистская работа партийных комитетов и организаций, органов советской власти, комсомола, профсоюзов.

Лозунг «Смерть немецким оккупантам!», как повседневный газетный девиз, заменил лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Во многих центральных газетах были введены рубрики: «Проклятие и смерть немецким палачам», «Ненависть к врагу», «Не забудем, не простим», «Мы отомстим» [20]. В «Правде», «Известиях», «Красной звезде», в местных и фронтовых газетах помещались подборки писем жертв и очевидцев из оккупированных районов. В печати появилось много сообщений о варварских разрушениях городов, посёлков, деревень. Известный украинский писатель П. Тычина писал на страницах «Правды»: «Никогда не утихает во мне чувство ненависти к фашистским захватчикам, сжёгшим моё село Пески!» [21].

В разоблачении агрессоров существенную роль сыграла Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию фашистских преступлений на территории СССР, созданная в 1942 году в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР. В ее состав вошли видные общественные деятели, учёные, писатели. Комиссию возглавлял первый секретарь ВЦСПС Н.М. Шверник. Для содействия Чрезвычайной комиссии создавались соответствующие комиссии на местах.

Для определения ущерба, причинённого оккупантами, было привлечено 7 млн. человек: рабочих, колхозников, служащих. Акты о злодеяниях составлялись также в воинских частях и партизанских отрядах. Было подготовлено около 4 млн. подобных документов [22]. Чрезвычайная государственная комиссия опубликовала сотни сообщений о бесчинствах гитлеровцев в различных районах страны. Материалы были широко обнародованы благодаря работникам музеев, организации передвижных выставок, проведению лекций и бесед.

На настроение воинов, всех советских людей большое влияние оказывала наглядная агитация. Многие художники участвовали в оформлении «Окон ТАСС», рисовали антифашистские плакаты, иллюстрировали лозунги. Один из самых известных плакатов военного времени, созданный художником В.Б. Корецким, изображал женщину с ребёнком, к которым тянется окровавленный штык со свастикой. Слова плаката буквально обжигали: «Воин Красной Армии, спаси!».

В результате небывало масштабной пропагандистской работы возрастала ненависть уже не столько ко всему фашистскому, сколько к немецкому, как таковому. Слова Сталина в февральском приказе 1942 года о том, что «гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остаётся» [23], не изменили направленности идеологической работы. Германия стала изображаться как исконный враг России, всегда стремившийся поработить русских. Доказывалось также вековое превосходство русских над немцами: «русские прусских всегда бивали»; «что русскому здорово, то немцу смерть». Широчайшее распространение на фронте и в тылу получила презрительная кличка «фрицы». Эта концентрация негатива в отношении беспощадного врага была неизбежной, ибо требовалось, чтобы каждый своим существом осознал: борьба идёт не на жизнь, а на смерть. Практически в течение всей войны тема ненависти к врагу, обобщённо обозначенному в народном сознании как «немецко-фашистские оккупанты», призыв к мести за

совершённые захватчиками злодеяния были, несомненно, доминирующими. Поэты и прозаики в своих произведениях призывали убивать врага. К. Симонов писал в 1942 году:

*Так убей же хоть одного!
Так убей же его поскорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!* [24]

Ему в 1943 году как бы вторил М. Светлов:

*Я стреляю – и нет справедливости
Справедливее пули моей!* [25]

Мысль о том, что стрелять во вломившегося в твой дом врага – это высшая справедливость, стала главной. Об этом писали Л.М. Леонов в «Нашествии», М.А. Шолохов в «Науке ненависти», В.С. Гроссман в очерке «Народ бессмертен», И.Г. Эренбург в своих многочисленных публицистических работах.

По мере освобождения советских территорий «горючего материала» всё прибавлялось. А когда война перекинулась за пределы СССР, на польской и на других землях были обнаружены чудовищные свидетельства зверств нацистов – гигантские фабрики смерти в Освенциме, Майданеке, Трешлинке и других местах.

К концу войны ненависть к Германии, к немцам достигла своего апогея. В условиях, когда Красная Армия вступила в пределы Германии, такой накал мог иметь непредсказуемые последствия, порождая массовые расправы. К тому же надо было думать и о налаживании послевоенного сотрудничества с немцами. Ситуация, таким образом, резко изменилась. Потребовалось сделать новый поворот в идеологической деятельности и политике.

В конце войны начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Г.Ф. Александров выступил с критикой статей И.Г. Эренбурга за их резкий «антинемецкий характер», за то, что немцы изображались автором как «единая колоссальная шайка» [26]. В какой-то мере корректировка пропагандистской направленности помогла тогда несколько исправить положение, хотя разного рода эксцессов происходило немало. Как считают современные историки ФРГ, «не может быть неожиданным то обстоятельство, что немецкое население в последние месяцы войны подверглось эксцессивным актам мести. Имели место грабежи, поджоги, а также немало убийств и изнасилований. Правда, советское руководство вскоре попыталось пресечь бесчинства, но соответствующие приказы выполнялись... по-разному... Оккупационные власти в то же время обеспечивали население необходимым продовольствием, устраняли нанесённый войной ущерб, помогали переходу к самоуправлению, развитию культурной жизни» [27].

Чувство ненависти советских людей к поверженному врагу в массовом плане было обращено против фашистского руководства и различных звеньев нацистской системы. Оно не ослепило солдат, не превратило их в грабителей и разорителей. Оно не лишило их высоких нравственных качеств, напротив, обострило черты гуманизма. Красная Армия, освободив свою Родину, вступила на территорию других государств, в том числе и Германии, в силу военной необходимости не как агрессор. Имевшие место случаи несправедливого отношения отдельных солдат и офицеров Красной Армии к мирным жителям не могут опровергнуть того исторического факта, что армия победительница

была великодушна и добра к гражданам освобождённых от фашизма стран, включая и поверженный третий рейх.

Чувство ненависти к противнику во время войны являлось важным военным фактором на всех уровнях – от тактического до стратегического. Оно придавало воинам Красной Армии – от рядового до полководца – дополнительные силы, столь необходимые в тяжёлом ратном труде, как в обороне, так и в наступлении, стало одной из предпосылок, определивших сначала изменение хода войны, а затем и разгром агрессора.

Политическое руководство фронтом и тылом

В многовековой истории не раз случалось так, когда страна, обладающая значительными материальными и людскими ресурсами и не уступающая противнику по численности войск, а иногда и превосходившая его, терпела поражение. Так, например, произошло с некоторыми государствами Европы во время второй мировой войны, прежде всего с Францией. Французская армия в 1940 году, равная по многим параметрам немецкой, капитулировала по существу без сопротивления. Для французского народа оккупация страны стала трагедией. Главная причина заключалась в том, что во Франции в то время не оказалось такого правительства, которое сумело бы опереться на народ, использовать в борьбе с внешним врагом силу духа своих сограждан, сплотить их в единое целое, укрепить армию и драться до победы.

В Советском Союзе, опираясь на патриотизм и чувство ответственности народа за судьбу страны, политическое руководство мобилизовало все силы страны, чтобы выстоять под ударом агрессора, изменить ход боевых действий в свою пользу и победоносно завершить войну. Советская государственная система выдержала суровую проверку, стала одним из источников силы СССР. Нельзя сказать, что в других странах не было сильной власти. Но в СССР организованность и целеустремлённость правительства оказались намного выше.

Руководство Советского Союза при уникальном разнообразии регионов страны, недостаточно развитой системе коммуникаций сумело обеспечить единство фронта и тыла, строжайшую дисциплину исполнения на всех уровнях снизу доверху при безусловном подчинении центру. Такая централизация в условиях войны играла, несомненно, положительную роль.

В отличие от других стран в СССР существовала лишь государственно-кооперативная форма собственности, благодаря чему власть держала в своих руках все экономические рычаги. Это позволило ей добиться максимального сосредоточения всех материальных ресурсов, провести быстрый перевод экономики на военный лад, осуществить небывалую по масштабам переброску на восток людей, промышленного оборудования, сырья из районов, которым угрожала немецкая оккупация.

Централизация политической и экономической власти давала возможность советскому руководству сосредоточить основные усилия на самых важных, решающих участках. При относительной ограниченности ресурсов «принцип ударности» сыграл в годы войны чрезвычайно важную роль. Девиз «Всё для фронта, всё для победы!» не остался только лозунгом, он воплощается в жизнь.

Эффективность предпринимаемых правительством шагов в огромной степени достигалась деятельностью Коммунистической партии. Единая,

массовая, хорошо организованная, построенная по принципу жёсткого централизма, дисциплинированная, она стала по существу важнейшим государственным инструментом.

Верховные власти в Германии также опирались на политическую организацию – НСДАП, что повышало их стабильность. Однако характер и механизм срачивания партии и государства в СССР и в Германии по своим социальным и идеологическим основам, направленности действий, по формам связи с народными массами и общественными организациями, а также по методам руководства войной были сугубо различными.

Вопрос о роли Коммунистической партии в войне очень «неудобный», если так можно выразиться, для современного исследователя, ибо он подвергался и подвергается изменениям конъюнктурного характера. Амплитуда оценок колеблется от сведения всех истоков народной силы по существу к одному фактору – организующей, мобилизующей, руководящей деятельности партии – до заявлений о её негативном влиянии на ход войны, поскольку-де она была антинародной, преступной, являясь опорой деспотической власти Сталина. Совершенно очевидно, что, исследуя историю Великой Отечественной войны, «не замечать» проблему, связанную с деятельностью Коммунистической партии, нельзя. Это было бы антиисторично и просто несправедливо.

Рассматривая вопрос о роли партии в борьбе советского народа против нацистской Германии, следует выделить ряд обстоятельств: организаторскую роль партии, её комитетов; политическую и идеологическую работу; воинский и трудовой героизм сотен тысяч коммунистов – от рядового до маршала, от рабочего и колхозницы до директора предприятия, наркома. Разумеется, в данном случае не уйти от оценки Сталина как партийного и государственного руководителя, его роли в войне.

При этом необходимо учитывать следующие моменты. Во-первых, ещё в предвоенные годы в значительной степени изменился состав партии, в рядах которой осталось всего 6 % коммунистов, вступивших в неё при жизни В.И. Ленина. Известно, что в 1937–1938 годах под репрессии попало три четверти всех членов ЦК, избранных в его состав в 1917–1934 годах, большинство руководящих кадров республиканского и областного звеньев, многие – из среднего и низшего звеньев, а также рядовые коммунисты. В партию пришло новое поколение. Это были главным образом молодые энергичные люди, полные оптимизма, беззаветно преданные делу строительства социализма. Но среди них находилось и немало карьеристов, приспособленцев, доносчиков, безликих и безынициативных чиновников.

Во-вторых, в предвоенные годы усиливались командно-административные методы руководства. В ЦК ВКП(б) разрослось образованное в 1938 году управление кадров, включавшее десятки отраслевых отделов. Они были созданы и в местных партийных органах. Управление экономикой осуществлялось через секретарей и отраслевые отделы партийных комитетов. Партаппарат в целом играл определяющую роль в жизни страны.

В годы войны эта тенденция достигла своего апогея. Как уже отмечалось, преимущество СССР было обеспечено, прежде всего, в результате деятельности партийных комитетов. Возглавило перестройку страны на военный лад политбюро ЦК ВКП(б), по существу оно принимало решения, часть из которых оформлялась как указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления Государственного комитета обороны или как совместные постановления СНК, Президиума Верховного Совета и ЦК ВКП(б), при этом

Государственный комитет обороны представлял собой узкий состав политбюро ЦК ВКП(б).

Не было ни одного крупного или даже незначительного события в стране, которое прошло бы мимо внимания этого всеисильного органа, принявшего за годы войны 9971 постановление – в среднем 7 на каждый день военного лихолетья [28]. И это не считая многочисленных телеграмм, устных распоряжений, резолюций на документах и т.п., исходивших от председателя и членов ГКО. Все постановления, касавшиеся назначений на руководящие должности, военного строительства, обеспечения армии и т.п., подписывал Сталин. Под распоряжениями по вопросам функционирования народного хозяйства стояли также подписи Молотова, Берии, редко Микояна. Принятые документы рассылались тем, кого они непосредственно касались: наркомам, секретарям обкомов, уполномоченным ГКО. В каждом постановлении, распоряжении давалось конкретное задание, порой до мельчайшей детализации, особенно в приложениях. В прифронтовой полосе создавались местные чрезвычайные органы – городские комитеты обороны (более чем в 80 городах).

Партийные комитеты проделали огромную организаторскую и военномобилизационную работу. Члены ЦК ВКП(б) возглавляли руководство многих важнейших участков как уполномоченные ГКО, члены военных советов фронтов.

В первые шесть месяцев войны на фронт было направлено около 8,8 тыс. членов ЦК ВКП(б), секретарей ЦК компартий союзных республик, краевых, областных, городских и районных комитетов, ответственных работников партаппарата, слушателей высших партийных учебных заведений. Вооружённые силы получили большой отряд коммунистов и лучших комсомольцев в качестве политбойцов – рядовых красноармейцев и краснофлотцев. 27 июня 1941 года политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об отборе коммунистов для усиления партийно-политического влияния в войсках: 12 обкомов обязывались выделить для этой цели в течение трёх дней от одной до десяти групп по 500 человек в каждой. После соответствующей военной подготовки они направлялись в действующую армию. За первое полугодие войны в части и соединения армии и флота прибыло 1,1 млн. коммунистов и 40 тыс. комсомольцев [29].

Для перевода народного хозяйства на военные рельсы был расширен институт отраслевых секретарей и институт партторгов, а на селе созданы политотделы МТС и совхозов. Коммунисты возглавили строительство оборонительных сооружений, стали ядром ополченческих формирований. На оккупированных территориях партийные организации, ушедшие в подполье, развёртывали партизанское движение.

Такая перестройка деятельности партии привела к усилению централизма и значительному свёртыванию коллективных методов руководства, ужесточению партийной дисциплины. Нарушение уставных норм работы произошло прежде всего в высших звеньях партии. Из элементов демократического централизма соблюдался полностью лишь один – безусловная обязательность решений высших органов для низших. Партийные комитеты в краях, областях, городах, районах также перешли на чрезвычайные методы управления, взяв на себя административно-хозяйственные функции.

В годы войны не состоялось ни одного съезда ВКП(б)*. 2 октября 1941 года было принято решение политбюро о созыве пленума ЦК. Однако через неделю по настоянию Сталина его отменили. Отказ от проведения пленума в тот момент, когда враг рвался к Москве, пожалуй, можно оправдать. Но пленумы ЦК не проводились и позже, за исключением единственного – 27 января 1944 года, который обсудил вопросы организационного характера, подлежащие рассмотрению на сессии Верховного Совета. Пленум признал правильным уже принятое ранее политбюро ЦК ВКП(б) решение заменить старый государственный гимн «Интернационал» новым – «Союз нерушимый республик свободных», а «Интернационал» сохранить как гимн ВКП(б) [30].

Но не замерла партийная жизнь на местах. Здесь проходили пленумы, собрания актива, действовали выборные органы, проводились отчеты. Работали первичные организации.

В целях мобилизации сил и средств на отпор врагу партия перестроила систему идеологической работы, в первую очередь пропаганду. Главной задачей было сплочение и единство фронта и тыла, партии и народа, людей всех национальностей, классов и социальных групп перед лицом смертельного врага.

Силу пропаганды оценил ещё Наполеон. Именно ему принадлежит мысль о том, что пять газет могут сделать куда больше, чем хорошо вооружённая 100-тысячная армия. Надо подчеркнуть, что в годы второй мировой войны во всех воевавших странах пропаганда играла огромную роль. Видимо, никогда прежде она так глубоко не воздействовала на массовое сознание. По сравнению с первой мировой войной расширились её возможности, разумеется, за счёт радио, волны которого доходили до самых отдалённых уголков. Регулярно оперативно передаваемая по радио информация значительно повышала эффективность влияния на общественное мнение.

В СССР Коммунистическая партия создала всеобъемлющую систему пропаганды. Полностью сосредоточив в своих руках руководство идеологической работой, ЦК ВКП(б), другие партийные органы сумели мобилизовать на борьбу с врагом максимум возможных резервов. На вооружение были взяты все средства духовного воздействия на армию и население – устная агитация, печать, литература и искусство.

Большое внимание уделялось своевременной и целенаправленной информации. Уже 24 июня 1941 года постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР было создано Советское информационное бюро во главе с А.С. Щербаковым. На Совинформбюро возлагались руководство отражением международных событий и внутренней жизни Советского Союза в печати и по радио; организация контрпропаганды против немецкой и другой вражеской агитации; освещение военных действий на фронтах, составление и опубликование сводок по материалам Главного Командования [31].

Для связи с зарубежьем при Совинформбюро были образованы новые общественные организации – антифашистские комитеты советских женщин, советской молодёжи, советских учёных, Всеславянский комитет, еврейский антифашистский комитет. В то же время власть не допускала никакой самостоятельности в создании новых общественных организаций, все подобные попытки встречали резкий отпор.

* Со времени последнего, XVIII съезда, который состоялся в марте 1939 г., до XIX съезда в октябре 1952 г. прошло 13 лет.

Центральное радио работало более 18 часов в сутки на 70 языках народов СССР и на 28 иностранных языках [32]. Было показано 400 номеров «Союзкиножурнала», 65 выпусков «Новостей дня», 24 «Фронтовых киновыпуска», 67 короткометражных и 34 полнометражных документальных фильма («Разгром немецких войск под Москвой», «Ленинград в борьбе», «Сталинград» и др.) [33].

Из-за нехватки бумаги и других трудностей число газет, выходивших в стране, и их тиражи по сравнению с довоенным временем значительно сократились. Так, в 1942 году вместо 8806 газет выходила 4561, а их тираж сократился с 38 до 18 млн. экземпляров. Но к концу войны выпускалась уже 6455 газет с разовым тиражом в 23 млн. экземпляров [34].

В искусстве ведущими темами стали патриотизм, ненависть к гитлеровским оккупантам, массовый героизм советских людей в тылу и на фронте, на захваченных врагом территориях, справедливость защиты Отечества. В годы войны вышли такие и поныне известные произведения, как «Волоколамское шоссе» А. Бека, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «Дни и ночи» К. Симонина, «Непокорённые» Б. Горбатова, «Фронт» А. Корнейчука, «Зоя» М. Алигер, «Василий Тёркин» А. Твардовского, отдельные главы книги М. Шолохова «Они сражались за Родину», главы «Молодой гвардии» А. Фадеева. Советских людей вдохновляли произведения А. Толстого, Н. Тихонова, К. Федина, А. Суркова, Л. Соболева, М. Светлова, В. Василевской, М. Шагинян, В. Инбер, О. Берггольц, С. Маршака, И. Эренбурга, М. Бажана, П. Бровки, С. Вургуна, Д. Джамбула, Я. Коласа, В. Лациса, М. Танка, П. Тычины и многих других писателей и поэтов. За годы войны было издано около 170 млн. экземпляров художественных произведений [35].

Писатели создавали полные любви к Родине и уверенности в победе произведения, которые звали на самоотверженную борьбу, убеждали в силе и непобедимости советского государства и его армии, прославляли отечественных героев. Они находили слова испепеляющей ненависти к фашистам, рождали строки, исполненные горя и скорби по погибшим.

Произведения писателей и поэтов военной поры преисполнены оптимистической верой в торжество справедливости. Многие стремились сказать и о безмерных страданиях, выпавших на долю людей, осмыслить пережитое и причины народной трагедии, но, к сожалению, такие попытки не поощрялись тогдашним руководством партии и государства.

Большой популярностью в годы войны пользовались кинофильмы «Она защищает Родину», «Радуга», «Зоя», «Два бойца», «Секретарь райкома», «Человек № 217», «В шесть часов вечера после войны» и другие.

Свой вклад в победу внесли и советские композиторы. Огромный успех в блокадном Ленинграде имела получившая затем всемирную известность «Седьмая» («Ленинградская») симфония Д. Шостаковича. Особое место заняло песенное творчество. Призывным набатом звучала песня «Священная война», написанная композитором А. Александровым на слова поэта В. Лебедева-Кумача.

Широкий размах приобрело выступление на фронтах концертных бригад, в составе которых находились популярные певцы и актёры: М. Жаров, И. Козловский, Н. Крючков, М. Михайлов, А. Тарасова, М. Ладынина, Л. Утесов, К. Шульженко и другие. За годы войны 3685 бригад дали для воинов свыше 1,3 млн. спектаклей и концертов [36].

В военно-патриотическом воспитании усилилось тяготение к поискам глубоких исторических корней патриотизма, начиная с самых ранних периодов

истории Российского государства. Преимущество при этом отдавалось его военной и внешнеполитической истории, особенно периодам возвышения. На смену канонизированным героям гражданской войны приходят прогрессивные князья, цари и полководцы российской армии. Широко пропагандируется слава русского оружия начиная с Древней Руси. В 1942–1944 годах для офицерского состава были учреждены ордена имени выдающихся русских полководцев и флотоводцев. Популярными героями стали Иван IV и Пётр I, которые также были призваны оправдать жестокость сталинского режима. В исторической науке поощрялись работы, посвящённые их деятельности.

Можно констатировать, что мощная, всесторонняя пропаганда сформировала в сознании подавляющего большинства населения убеждённую в справедливости антифашистской войны, её целей и задач, необходимости мобилизации всех сил для спасения Родины, неизбежности жертв со стороны общества в целом и каждого гражданина, в несокрушимости советского государства. Осознание силы государства – особо важный стимул для его граждан. Народ должен быть убежден, что одержит победу над врагом. Эта уверенность вдвойне приобретала важность в дни тяжёлых поражений, когда противник захватил огромную территорию страны, вплотную подошёл к столице.

Если попавшие в окружение солдаты, понимая свою обречённость, продолжали сражаться, это означало уверенность в том, что их гибель не напрасна. В то же время среди оказавшихся в плену или в оккупации были и такие, кто служил немцам, считая, что Германия победит. Но большинство советских людей, даже находясь на захваченной агрессором территории, верили в победу Красной Армии. Без этой веры были бы невозможны сопротивление оккупантам, партизанское движение.

Отдавая должное бесспорным заслугам партийных работников, нельзя не сказать и об отрицательных моментах. Авторитет ВКП(б) в военные годы подрывал клановый характер её верхушки. Личная нечистоплотность некоторых партийных и советских чиновников, отсиживавшихся в тылу, их незаслуженные привилегии вызывали у фронтовиков гнев и презрение.

Но другая тенденция была, несомненно, преобладающей. Коммунисты и комсомольцы первыми шли в народное ополчение, истребительные батальоны, записывались добровольцами в действующую армию, организовывали партизанские отряды, антифашистское подполье.

Подавляющая часть коммунистов – генералы, адмиралы, командиры, политруки, солдаты и матросы – показывали пример мужества, достойного выполнения воинского долга. Трусость каралась не только отправкой в штрафные батальоны, в первую очередь она наказывалась исключением из партии. Маршал Советского Союза Н.И. Крылов, подчёркивая, как нужны были в войсках испытанные партийные вожаки, роль в то трудное время комиссаров, политруков, парторганизаторов, писал о них: «Вот уж для кого не могло быть на фронте иного места, кроме как в передовом окопе, в первой шеренге поднывавшихся навстречу врагу бойцов» [37].

ВКП(б) стала действительно воюющей партией, слившейся со сражающимся народом. За годы войны погибло свыше 3 млн. коммунистов. И тем не менее её численность по сравнению с довоенной увеличилась более чем на 1,6 млн. человек, достигнув к концу войны почти 6 млн. членов и кандидатов в члены партии. При этом около 60 % из них находились в рядах вооружённых сил [38]. Те, кто вступал в эти годы в её ряды, не мог, разумеется, рассчитывать на

«кремлёвские пайки» и другие привилегии. Право стать коммунистом определялось для солдат и офицеров поведением в бою, для тружеников тыла самоотверженной работой на заводах и в сельском хозяйстве. В это время были фактически сняты прежние ограничения на вступление в партию для детей кулаков, священников и других категорий «нелояльных к советской власти граждан», а кандидатский стаж сокращён до трёх месяцев по боевой характеристике.

В период войны принадлежность к партии для миллионов людей и в самом деле стала делом чести. Право на вступление в неё оплачивалось не только собственной кровью и потом, но и жизнью. Партийные ряды в ту пору в большей степени, чем в мирное время, пополнялись за счёт людей бескорыстных и честных. Конечно, и на фронте, особенно вдали от передовой, и в тылу было немало подонков с партбилетами в кармане. Но не они определяли облик партии в это трагическое время.

В оценках роли Сталина и его единовластия существует и, видимо, будет существовать разброс мнений: от «победы благодаря Сталину и советскому строю» до «победы вопреки Сталину и бесчеловечной системе». Одни предлагают увековечить имя Сталина «в граните, бронзе, даже в золоте» [39]. Другие считают, что имя Сталина нужно забыть, а его изображение убрать с медалей [40].

Как всегда, крайности далеки от истины, хотя, наверное, и они способствуют её поиску. Сталин – личность сложная, противоречивая, неординарная. И эпоха, связанная с его именем, неимоверно сложна и противоречива – трагическая и героическая.

Общепризнана вина Сталина за необоснованные репрессии военных кадров в 1937–1938 годах. Очевидно и то, что неадекватное восприятие изменений мировой ситуации в конце 30-х – начале 40-х годов и соответственно ему практические действия в сочетании с верой в свою непогрешимость на фоне лести, желания многих окружающих угадать мнение вождя и угодить ему нанесли немалый вред, особенно перед войной и в её начале. Сталин по существу игнорировал многие данные разведки о надвигающейся угрозе безопасности СССР лишь по одной причине: поступавшие сведения не соответствовали утвердившимся тогда политическим установкам и субъективным оценкам Сталина и его окружения по таким жизненно важным вопросам, как возможность войны с нацистской Германией и особенно относительно вероятных сроков её развязывания.

Вместе с тем сильная политическая воля Сталина, его целеустремлённость, умение организовать и дисциплинировать людей, ясно и понятно говорить с народом сыграли положительную, а порой и решающую роль. Не менее важная роль принадлежала Сталину как символу и гаранту незыблемости государственной власти, единства народов СССР и уверенности в победе.

* * *

В момент огромной опасности для себя советский народ особенно остро почувствовал связь с историческим прошлым своей страны, со всем человечеством. В его мыслях и делах сфокусировались потребности переломной эпохи. Её бремя он взвалил на свои плечи. День ото дня всё более мощной становилась решимость отстоять Родину, разгромить агрессора. Духовный подъём народа стал решающим фактором в борьбе с фашизмом. Воедино слились необходимость защиты Отечества и национальные чувства, религиозная вера

и вера в преимущество социалистического строя, в историческое предназначение Советского Союза.

На этой основе и в органической взаимосвязи с патриотизмом возрастала ненависть к агрессору. Она укрепляла моральный и боевой дух армии и народа, мобилизовывала их на разгром врага. В унисон с патриотизмом советских людей, их ненавистью к фашизму активно воздействовал и такой фактор, как руководство Коммунистической партии.

Все вместе эти факторы явились источником силы советского народа, его героического подвига и в конечном итоге залогом Великой Победы.

Примечания

1. *Пришвин М.М.* Дневники. М.: Правда, 1990. С. 301.
2. Война Германии против Советского Союза, 1941–1945: документальная экспозиция. Берлин, 1992. С. 41.
3. *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 288–289.
4. Пятидесятилетие Великой Победы над фашизмом: история и современность: материалы междунар. науч. конф., 27 сент. – 3 окт. 1995 г. Смоленск, 1995. С. 343.
5. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 85.
6. *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953. С. 13.
7. Там же. С. 22, 27.
8. Там же. С. 28.
9. Там же. С. 51.
10. Там же. С. 42, 78, 116–117, 118, 144 и др.
11. Там же. С. 144.
12. Там же. С. 160–161.
13. Там же. С. 88, 91, 177.
14. Там же. С. 30, 40.
15. Народ и война. 50 лет великой Победы. СПб., 1995. С. 247–254.
16. РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 163. Л. 1–3; Д. 324. Л. 106–107.
17. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9-е, доп. и испр. М., 1985. Т. 7. С. 459.
18. Великий подвиг советского народа. М., 1975. С. 210.
19. *Толстой Л.Н.* Собр. соч. М., 1987. Т. 5. С. 280.
20. *Кондакова Н.И.* Идеологическая победа над фашизмом (1941–1945 гг.). М., 1982. С. 139.
21. Правда. 1944. 22 июня.
22. Сборник сообщений Чрезвычайной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1964. С. 430.
23. *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 46.
24. *Симонов К.М.* Стихотворения и поэмы. М., 1982. С. 133.
25. *Светлов М.А.* Стихотворения, песни, поэмы. М., 1983. С. 134.
26. Правда. 1945. 14 апр.
27. Война Германии против Советского Союза... С. 251.
28. *Кнышевский П.Н.* Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 53.

29. История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1982. Т. 12, С. 70, 71.
30. Известия. 1944. 28 янв.
31. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). Изд. 8-е, доп. и испр. М., 1971. Т. 6. С. 14.
32. Партия и армия. М., 1980. С. 222.
33. Там же. С. 22.
34. Там же. С. 221.
35. Там же. С. 223.
36. Там же.
37. *Крылов Н.И.* Не померкнет никогда. М., 1969. С. 76.
38. Военно-энциклопедический словарь. М., 1983. С. 347.
39. Социалистическая индустрия. 1987. 24 мая.
40. Известия. 1988. 12 окт.

Редакция журнала ВЕЛИКОРОССЪ благодарит Институт Российской истории РАН, Отделение историко-филологических наук РАН, Научный Совет РАН по исторической демографии и исторической географии, составителя книги «Мир глазами историка: Памяти академика Юрия Александровича Полякова», Москва, 2014 – доктора исторических наук В.Б. Жиромскую за предоставленные материалы.





ПОЭЗИЯ

Людмила ЩИПАХИНА

Людмила Васильевна Щипахина – поэт, член Московской городской организации СП России. Родилась на Урале, в Екатеринбургe. Окончила Литературный институт им. М. Горького. Автор более тридцати книг стихов и полтора десятка книг переводов с языков народов СССР. Секретарь Правления Международной Ассоциации писателей баталлистов и маринистов. Член Исполкома Международного Сообщества писательских Союзов, Лауреат литературной премии им. Константина Симонова. Награждена орденами – «Дружба народов» и «Знак почёта», медалями. На стихи Людмилы Щипахиной написаны песни в содружестве с композиторами – Людмилой Лядовой, Вадимом Орловецким, Эдуардом Колмановским.

Живёт в Москве.



«Лучом, крестом и знаменем...»

События, происходящие в стране и мире, не оставляют равнодушными никого... А поэт, чья душа, как живая антенна, – улавливает с особой чёткостью неслышимое другими... И откликается, порой, ответными волнами переживаний. Из них складываются стихи. Поэзия времени... А лучшие из них – время переживут. Но и сегодня – слово поэта – в строю.

Русская идея

Не тяготясь нагрузкою,
Сквозь зыбкий свет и мрак,
Идею ищем русскую,
Национальный знак.

Не за поклон и премию,
Не за иную мзду...
Идея – стёрлась временем.
В огне, в смертях, в бреду.

Лучом, крестом и знаменем
Пребывшая всегда, –
Уж чуть заметным пламенем
Мерцает сквозь года...

Святых умов пророчество,
Веков священный труд...
А как ей имя-отчество?
И как её зовут?



Она зовётся – СОВЕСТЬЮ.
И с РАЗУМОМ в ладу:
«Трудиться – по способностям.
И благо – по труду».

Придёт поэт...

На всё, что смутно до сих пор,
Ищи в поэзии ответа...
Не зря на чушь и всякий вздор
Находятся слова поэта.

Пока умы святых голов
Натужно истину штурмуют,
Поэт напишет пару слов
И все проблемы зарифмует!

А коль тяжки твои грехи,
Прощенья нет – одна досада, –
Цитируй нужные стихи,
И всё уладится, как надо...

Да и в любви одной строки
Порой, довольно – вызвать чувство!
Поэт, дела твои крепки,
И благотельно искусство.

В идейных войнах – рядовой.
Ритм строчек – соразмерен с битвой.
Ты первый на передовой
С победным кличем и молитвой!

Как дальше сложатся года?
Что мир разъединит? Что свяжет?
...Не сомневайтесь, господа, –
Придёт поэт.
И всё подскажет...

Восславить могу! И проклясть!
Святым одарить убежденьем.
Я – женщина! Тайная власть
Дана мне судьбой и рожденьем.

Об этом мне весть подают:
Весна, в соловьином напеве,
На поле – пшеничный салют,
Грядущий ребёнок во чреве.

Бездонен души водоём
И щедры кормящие груди.
Я – женщина. В мире моём
Добро – продолжение сути.

Горит над жилищем звезда.
Искусен порядок в квартире.
Не зря для меня – красота
Есть способ присутствия в мире.

Высокому жару в крови
Служу я прилежно и верно,
Ведь, вечное чувство любви
Всей жизни моей соразмерно!

Из нежности соткан рассвет,
Обласкан, подсвечен лучами.
Но... острые клювы ракет
Всё чаще мне снятся ночами.

И, может, тебя потому
Порою пугаю я взглядом,
Что вижу в далёком дыму
Угрозу, чреватую адом...

Но знай же, – пока я сильна
Земля не покроется тенью!
В подоле моём – семена.
И вечно моё возрожденье!

И в небе моём – журавли.
И голубь на синем конверте.
Я – женщина, мать земли!
И символ её! И – бессмертье!

Друзьям

Друзья мои, у вас легка рука.
Ваш глаз не сглазит.
И известно тоже:
Когда хула слетает с языка,
Она ему досадна и горька...
Молчанье – легче. Истина – дороже.

Так чист родник, приближенный ко рту,
Что я глоток поспешный сделать трушу.
Зачем стряслось такое на роду?
Зачем я вникла в вашу доброту?
Пустила в сердце. И связала душу.

Общительности скрученная нить
Сухую отчуждённость распилила.
И вот учусь я с вами есть и пить.
И всё, что есть, и всё, что может быть,
Я меж собой и вами разделила.

Друзья мои, не тяжела ли вам
И верность ваша, и долготерпенье?
Угодно ли разумным головам
Простить моё пристрастие к словам
И от меня – принять стихотворенье?

Навеяло...

Не говори, что независим!
Не верь наивно в эту ложь!
Ты каждый миг у вечных истин
В суровой кабале живёшь.

Уже с рождения – зависим!
Хоть отрекаешься хитро.
От дел, от случая, от писем,
От стрелки, сломанной в метро.

От грозных рисков лихолетья,
Где дым войны горяч и густ...
Ты – в кабале проблем столетья.
Ты – в рабстве у прекрасных чувств...

Ты мерой глубины и выси
Сверяешь собственные дни.
Не говори, что – независим!
Смирись и голову склони.

Да будь ты неуч или профи,
Да будь ты трус или герой...
...Ведь иногда от чашки кофе
Зависит и судьба... Порой...

Осеннее

Под осенним крылом небосвода,
Там, где полдень в деревьях увяз,
Захлестнула меня непогода
Ваших хмурых, непристальных глаз...

Может быть, не предвидя ошибку,
И беспечностью этой правы,
Так опасно скупую улыбку
Обронили нечаянно вы...

И неясную жажду ответа
Вы зажгли, не заботясь о том...
Словно с неба упала комета
И меня зацепила хвостом.

Содрогнулся простуженно воздух.
В бесконечность ушли поезда.
И на Западе – тускло и поздно
Загорелась ночная звезда.

Ощущенье подземного гула
Прокатилось по облику дня.
Вечным холодом с юга подуло
И осыпало снегом меня.

В никуда полетел ниоткуда
Света дивного огненный сноп.
...Это, может быть, просто простуда...
Это, может быть, просто – озноб...

Последний герой

Игорю Стрелкову

Злой клевете не верьте!
Он и живой, и крутой!
...Этот священный смертник.
Этот последний герой.

В полдень боёв, и в полночь,
Волей незримых сил,
Мы тебе тоже в помощь.
Братством святых могил...

...Не охранит лукавый,
Ни приказ, ни закон,
Если русскую славу
Ставят теперь на кон...

Мало от нас зависит...
Слаб наш заслон и схран...
Только соборность мыслей,
Как всероссийский гром!

Видимо, не случайно
Нам предназначен бой...
Это русская тайна
В битвах – рядом с тобой...

Знаем, никто не первый,
И никто не второй...
Но спасает нас верный,
Русский –
Последний герой.

О пятой колонне

Надо сорвать вековую печать,
Хватит о пятой колонне молчать!
Ходит она по дороге кривой,
Тайный вредитель. И спрут мировой.

Вместо святого содружества наций,
Ей по нутру – торжество корпораций.
И по натуре ей – новенький «изм»,
Хитрый, секретный её глобализм...

Чёрная грязная, грозная сила
Тайно внедрилась и власть захватила.
Ею затеяны козни и войны.
Видно, такого мы нынче достойны...

Двое неравных: «элита» и быдло...
Правду искать – и смешно, и обрыдло.
Но чистоганом несутся поклоны
В банки всемирные пятой колонны.

Наша реальность, как лошадь хромая.
Так и живём мы, не всё понимая...
Дом покосился, разбито корыто.
Многое видим! Но большее – скрыто...

Совесь и праведность – наши награды.
Нас – миллионы, и тьмы, и громады.
Скоро ли станем в прекрасной дали
Светом Планеты и солью Земли!?

Воспоминания о Никарагуа (отрывок)

...Взлетают слова раскалённо
Сквозь взрывы, стрельбу и пальбу.
Каратели шлют батальоны.
Луис продолжает борьбу.

Сто раз бы он с жизнью расстался.
Смертельные шрамы на лбу...
Но не отступают повстанцы!..
Луис продолжает борьбу.

Он здесь, на виду, и в подполье.
Собратьев в атаку ведёт.
Он падает, корчась от боли.
И, корчась от боли, встаёт!

Под кроной разбитых орешин,
Во рву, на далёкой меже,
Быть может, он трижды повешен,
И трижды убит он уже.

Спросите о том у сограждан, –
Какую он принял судьбу?
И вам обязательно скажут: –
Луис продолжает борьбу!

Тыл

Вдалеке от всех сражений,
Но в невидимом строю
Мы – на страже убеждений,
В стратегическом бою.

Незаметно и заочно
Обретаем естество,
«Свой-чужой» – сверяя точно.
Точно зная – кто кого...

Может быть, ещё не скоро,
Но придёт желанный час...
Против нас – такая свора!
Но история – за нас!

Пусть от нас далече беды,
Мы как будто – в стороне...
Но в ТЫЛУ куют победы!
...На невидимой войне.

Компромисс

Если слышен гром угроз,
Если нам утёрли нос,
Мы – во всём покаемся...
Наш порыв – замолк и скис.
Мы идём на компромисс!
Просто – соглашаемся...

Компромисс – он «дипломат»,
Приоткроет двери в ад,
Где живут чудовища.
Страшно дать крутой ответ,
Страшно крикнуть слово «Нет!» –
Потерять сокровища...

Знает истину народ:
Смелость – города берёт!
Гонит неприятеля!
Но над Родиной повис
Этот жалкий компромисс...
...Нет подлея предателя!

О лже-право-защитниках (Непоэтическая зарифмовка на текущий момент)

Что же молчите лукаво,
Выродки от политики?
Оберегатели права,
Лживые право-защитники?

Лупят снаряды по щелям.
Смертные ноют раны...
Но расползлись по щелям
Мудрые тараканы.

Души – чернее сажи.
Всё ваше буйство – ложно!
На гонорары ваши
Город построить можно.

Пытки, взрывы, аресты –
Вместо людских законов.
Где же ваши протесты,
Рыцари микрофонов?

...Честь нам вовек награда
В клятвенно-верной связке!
...Как защищается правда –
Спрашивайте – в СЛАВЯНСКЕ!

Сегодняшнее

Вижу, лишь глаза на миг закрою,
Как, великой доблести достойны,
Погибают за Донбасс герои...
...Труссы – молчаливы и спокойны.

Все стенанья наши – бестолковы.
За неделей – тянется неделя...
Молимся за Игоря Стрелкова,
Чем-то он похожий на Фиделя...

Молимся с неуголимым гневом.
Молимся с беспомощной любовью.
Но земля горит под чёрным небом.
А поддержка – пища пустословью.

День дрожит от каждого фугаса.
Не заткнуть всёслышащие уши.
Копоть от пожарищей Донбасса
Засыпает пеплом наши души.

...За грядущий мир под небесами,
Храбростью добытый и любовью,
Долго отмываться нам слезами.
Долго нам отхаркиваться кровью...

Советский простой человек

Когда на освоенной суше,
Тоскливо становится вдруг, –
С надеждой наивные души
Летят на Планету-Фейсбук...

Здесь каждому смертному рады.
Вещай – и от счастья балдей!
Здесь служат, сражаясь за правду,
Солдаты высоких идей.

Доступней всех аудиторий,
И призрачней прочих надежд...
Здесь столько заумных теорий,
Что просто не хватает невежд...

Здесь – кладезь полезных советов,
И споров крутых – кутерьма.
Здесь столько великих поэтов,
Что сдвинуться можно с ума!

Здесь каждый пришедший – желанный.
А злобных видали в гробу!
Здесь каждый мудрец самозванный
Свою охмуряет толпу...

...На этот фейсбуковский раут
И я совершаю набег.
Простой, неприметный аккаунт...
«Советский простой человек».





Владимир – Красное Солнышко

Есть слова, без которых нельзя прожить, жизнь без которых будет пустой и напрасной. Это великие слова: Бог, Любовь, Отечество, отец, мама, бабушка, дедушка... Мы братья и сёстры друг другу: у нас один Господь, создавший небо и землю, одна родина, которая дана нам, как главный подарок всей жизни. Всё упало как с небес: и родители, и язык, на котором говорим, и эта речка, в которой купаемся, и лес, в который ходим за грибами и ягодами. И друзья, и соседи, и наша любимая школа, и учителя. То есть это наша родина.

Родина. А что это такое? А откуда она? Конечно, мы любим её и не представляем себя без неё, а, значит, надо знать её историю. Это знание – наша благодарность тем, кто создавал и защищал нашу любимую Россию

Для нас она лучше всех. Какая она красивая, какие в ней равнины и горы, леса и поля, какие по ней текут реки, какие моря и океаны плещутся у её берегов. Какие колокольные звоны оглашают её воздух. А, главное, какие в ней живут хорошие люди. Труженики, воины, строители. Кто же, как не они создали города, прокладывали дороги, возводили жилища и храмы. Кто же, как не они, защищали Россию от нападений врагов?

И у каждого из них есть своё имя: Иван, Мария, Екатерина, Георгий, Николай, Надежда, Ольга, Наталья, Анна, Сергей, Александр, Михаил, Елена, Светлана... Все имена прекрасны и значительны, но есть одно имя, которое объединяет всех нас. Это великое, удивительное имя: ВЛАДИМИР. Его прославил киевский князь, живший в конце десятого, в начале одиннадцатого веков. О нём и о том времени будет наш рассказ.

Лучше всех о Владимире сказал митрополит Илларион. Своё знаменитое «Слово о Законе и Благодати» он произнёс в киевском храме святой



Владимир Николаевич Крупин – родился 7 сентября 1941 года в селе Кильмезь Кировской области. Сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Окончив сельскую школу, работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты. Служил в армии в ракетных войсках. Окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте, в Московской духовной академии, в других учебных заведениях. Автор более 30 книг. Сопредседатель правления Союза писателей России. Живет в Москве.



Софии в присутствии князя Ярослава Владимировича Мудрого. Митрополит поставил русского князя Владимира вровень с великими святыми, с героями древности. Сравнивал его с равноапостольным великим императором Константином. Более того, называл Владимира русским Иоанном Крестителем и русским апостолом Павлом. Именно их подвиг – нести людям свет веры Христовой, продолжил Владимир.

Воины и пахари

На огромных просторах от северных и до южных морей, от Уральских гор до Балканских жили славянские племена.

В трудной жизни создавался характер русского человека. Более всего об этом могут нам сказать былины и летописи того времени. Есть былины и северные, есть и южные. Но и те, и другие, в большинстве своём, воспевают славные дела князя Владимира. Вот эта история, например, широко известна:

Напали на Киевскую Русь злые печенеги, стоят под стенами Киева, похваляются силой. Выставляют вперёд своего воина-силача, кричат: «Найдётся ли у русичей соперник ему?» Что делать? Послал князь гонцов-глашатаев спросить, кто сможет сразиться с печенегом? Не решается никто. Пришёл к Владимиру старик, говорит: «У меня, князь, в твоём войске четыре сына, но остался дома ещё пятый. Может, он выйдет против супостата?» И вышел юноша против огромного печенега. Тот смеётся, ибо юноша был среднего роста. Но так ухватил печенега, так сжал его и, подняв на воздух, грянул оземь. И устрашились печенеги, и побежали. Предлагал силачу князь великие дары за подвиг, но тот не взял ничего, и пошёл опять кожи мять.

Это летописное предание о Кожемяке. Но мало того, он настолько был любим народом, что о нём есть ещё и былина: «Поселился возле Киева страшный змей, много народу потаскал он в свою берлогу. Потаскал и съел. Утащил змей и царскую дочь...». Тогда пошли царь и царица просить Кожемяку спасти их дочь. «В ту пору мял Кожемяка враз двенадцать кож. Как увидел царя, испугался, руки у него задрожали, и разорвал он разом все двенадцать кож. Рассердился, что его испугали и ему убытку наделали, и выручать царевну не пошёл. Вот и придумал царь послать к Никите пять тысяч сироток, осиротил их змей, и просить спасти всю русскую землю от великой беды»... Победил Никита змея, «сделал соху в триста пудов, запряг в неё змея и провёл борозду от Киева до Чёрного моря, и в море загнал, да там и утопил. Сделавши святое дело, воротился Никита в Киев, стал опять кожи мять, не взял за свой труд ничего... Борозда Никитина и теперь кое-где в степи видна. Мужички кругом пашут, а борозды, в память о Никите, не распахивают».

Физическая сила и выносливость наших предков всегда была соединена с безкорыстием и добротой.

Вот былина «Вольга и Микула Селянинович» Микула – крестьянин, пахарь, «оратай-оратаюшко», а Вольга – воин. Вольга просит помощи у Микулы. Тот соглашается, но ему вначале надо спрятать свою «сошку за ракитов куст». Тяжела оказалась сошка и для пятерых, и для десятерых воинов, и даже для всей дружины. Микула одной рукой забрасывает сошку за ракитов

куст. Вот как силён крестьянин, хозяин земли. Микула сопровождает Вольгу, помогает ему, а потом возвращается землю пахать. То есть русские люди, когда надо, меняют плуг пахаря на меч воина, и не нужны им награды за то, что они защищают свою русскую землю.

Жалко, что дети сейчас мало читают былины, сказания, плохо знают историю. А ведь история – это наша главная радость, мы должны брать пример со своих великих предков.

Целый свод былин говорит о богатырях – защитниках Отечества. И они напрямую связаны с образом князя Владимира. Главный богатырь – это, конечно, Илья Муромец. Это не выдуманный герой былины, а настоящий, реальный человек, родившийся в селе Карачарове под Муромом. Он в конце жизни ушёл в монахи Киево-Печерской Лавры. Мощи его бережно хранятся в пещерах среди других, и всегда можно приехать в Киев и им поклониться.

Побеждал Илья и Соловья-разбойника, освобождал русских пленников, охранял вместе с другими богатырями границы Руси. Однажды «... собака Калин-царь подъехал ведь под Киев-град со своими войсками, с великими. Тут Владимир-князь да стольно-киевский, он по горенке стал похаживать, с ясных очушек роняет слёзы горючие, шелковым платком утирается. Говорит Владимир-князь да таковы слова: "Нет жива-то старого казака Ильи Муромца, некому стоять теперь за веру, за Отечество, некому стоять за церкви ведь за Божии, некому стоять за стольный Киев-град"».

То есть князь думает, что нет Ильи Муромца в живых, ведь он сам велел посадить его за малую провинность в погреб. Но нет – жив казак. Оказывается, его сберегли любящие его люди. И вот – князь торопится к Илье, просит прощения, умоляет встать «за Веру, за Отечество, за матушки церкви православные». И встаёт богатырь, и идёт на битву, и никаких обид не таит на князя, ведь он будет биться с несметной силой «собаки Калина-царя» не себя ради, не ради князя, а за родину, Русь Святую.

Родословная

Сам характер русского князя Владимира создавался под влиянием двух родных людей: бабушки Ольги и отца Святослава. Они были очень разные. Бабушка ещё до рождения внука окрестилась. Для этого она специально побывала в Константинополе – главном городе восточной Византии. И восприимчиком, то есть крестным отцом её, стал сам император. Бабушка возила внука на свою родину, на реку Пскову. Там ей было видение – три светлые луча спускались с небес. И бабушка предсказала, что на этом месте будет храм Святой Троицы. Так и вышло. И всегда, когда кто-то в России говорил: «Поеду (пойду) к Святой Троице», – то все понимали, что человек собрался во Псков. И в Новгороде они вместе побывали, и в Белгороде. И в Черниговской земле, на родине преподобного Антония, начальника (то есть начавшего, основавшего) русского монашества. Везде маленький Владимир видел, как любят бабушку, как она приветлива со всеми.

Во время его детства немного было в Киеве христиан, но были. И церковь была. Видел внук, как усердно молится бабушка, слушал молитвы.

А вот отец был другой. Владимир восхищался им. Лихой наездник, воин, охотник. Закалённый в походах, способный спать на сырой земле, владеющий и копьём, и мечом, и луком, он неустанно отражал нападения врагов на Русь.

Но главную разницу в них заметил и усвоил себе Владимир: его бабушку Ольгу люди любили, а отца, князя Святослава, боялись.

Рассказы о его битвах и походах дошли до наших дней. А воевать Святослав начал с пятилетнего возраста. Да, совсем был младенцем, когда киевляне вышли навстречу печенегам. Святослава посадили на коня, дали в руки маленький лук. Натянул Святослав тетиву, выпустил стрелку в сторону врагов. Стрелка упала у ног коня. Но воеводы сказали: «Князь начал битву, начнём и мы!».

Святослав – сын князя Игоря и Великой княгини Ольги. Они собиратели Киевской Руси, объединявшей племена славян (древлян, вятичей, радимичей...) от Волги (Итиля) до Дуная. Святослав отбивался от волжских хазар, половцев, воевал с болгарами, печенегами, защищая и укрепляя Русь.

Воевал и с греками. Вот сошлись их войска. Греки, желая хитростью выведать количество русских воинов, посылают грамоту, в которой говорят, что они не хотят воевать и готовы выплатить дань на каждого ратника и просят назвать их число. А русских всего десять тысяч. А греков сто. Святослав отвечает: «Нас двадцать тысяч». Греки радуются, значит, их в пять раз больше. И нападают. И тогда-то Святослав призывает воинов биться за Русь до последней капли крови. «Я буду в первых рядах и не пожалею своей головы». Отвечали ему воины: «Где твоя голова будет, там будут и наши». Именно тогда Святослав произнёс великую фразу: «Мёртвые сраму не имут». То есть покروются славой за свою героическую смерть.

И ещё одно его выражение осталось в народной памяти: «Иду на вы», оно означало, что Святослав не напал внезапно, не был коварен, предупреждал противника о своём приближении.

Труды круглый год

Взрослел Владимир в поездках по Руси с бабушкой или с отцом, или с дядей Добрыней. Зимой на санях по льду замёрзших рек, а летом дорогами становились эти же реки. Всюду встречали их с хлебом-солью, ведь княжеская власть защищала крестьян, рыбаков, плотников, охотников, бортников (пчеловодов) от нападений. Видел Владимир храбрых русичей в ратных подвигах, насмотрелся и в обычной жизни. Но обычной ли она была? Нет, и она была героической, полной тяжёлых трудов.

Сколько надо сил, чтобы вырастить хлеб. Расчистить поля, то есть срубить деревья, выкорчевать пни, распахать целину, засеять зёрна, вырастить, сжать колосья, собрать в снопы. Вывезти их, высушить, обмолотить, затем перемолоть зёрна в муку. Нужны при таких трудах и кони, и плуги, мельницы, хранилища. Нужно ещё заготовить на долгую зиму корм для животных, то есть накосить травы, насушить сена, сметать его в стога. И заготовить дрова для отопления домов, для бань. Выстроить конюшни для лошадей, хлева для домашних животных: коров, свиней, овец. У нас зимы долгие, не в Греции живём. И сколько всё это требует трудов? Не честь.

С малых лет трудились русские дети вместе со взрослыми. Для них даже наказанием было, когда их не брали с собой в лес или в поле. Или на рыбную ловлю. Тяжело вытаскивать невод, а выбирать рыбу из сетей в самый раз. Пусть на сенокосе не большие грабли, а маленькие грабельки, всё равно помощь. Воды из родника или колодца зачерпнуть пусть не полное ведро, а половинку, прополоть пусть не две грядки, а одну, для бани принести не охапку поленьев, а два или три, пусть, ведь всё это помощь, всё это на радость старшим. И ребёнок готовит к взрослой жизни.

Девочки лет с десяти умели прясть и ткать, шили. Вышивали узоры на полотенцах, скатертях. Нянчились с младшими. Прибирали в избе. Конечно, и игры у русских детей были. Состязались в силе, в выносливости, бегали наперегонки, плавали в реках и озёрах, лепили ранней весной снежных баб, а летом игрушки из глины. Никогда не сидели без дела. Слов даже таких: лень, скука, печаль не знали. На совместные труды шли с песней. Были всегда большими, смелыми. Но уж зато и вырастали сильными и умными.

Из варяг в греки

Государство не может жить, не общаясь с соседями, ближними и дальними. Оно от них зависит. С врагами воюет, с друзьями дружит. И торгует. Торговля вообще очень помогает развитию любой страны. Купцы везут в другие страны то, чем богата своя страна. А оттуда привозят то, чего нет у себя. Это взаимовыгодно. И познавательно. Как бы мы узнали о вере и обычаях других народов других стран, если б там не бывали?

Был знаменитый южный «шёлковый путь», проходивший из Китая через Индию, Пакистан, Ближний Восток, но был и северный, так называемый, путь «из варяг в греки», от Скандинавии через Ладогу, Днепр, Черное море до Византии. Главный город на пути – Киев. В него стекались богатства Русской земли. Всем была обильна Русская земля: меха, пушнина (соболя, белки, бобры, лисицы), мёд, воск, лён, конопля. Из льна выделялись прочнейшие, красивейшие ткани, а из конопли вились такие крепкие корабельные канаты, что порвать их не могла упряжка быков.

Однажды, ещё отроком князь Владимир проделал «греческий» путь. Отец и сам себя не берёт и сына закалял.

Весной в Киеве формировался караван судов. Главное судно древности – ладья. Она поднимала сорок-пятьдесят человек и несколько сотен пудов груза (пуд – это шестнадцать килограммов). Караван охранялся княжеской стражей, дружинниками. Как не охранять – приднепровские степи были полны «лихих» людей.

Флотилия, караван судов собирался ниже Киева, когда весенняя водополища, паводок, поднимали воду. Трогались в «греческий путь». А по пути очень тревожные места – днепровские пороги. Прибрежные скалы стискивают течение реки, оно становится стремительным, бурным, вода кипит, захлёстывает палубу, плыть опасно. Тем более с грузом. У тяжёлой ладьи большая осадка, может напороться дном, «брюхом» на камень и затонуть. Облегчали

её, перетаскивая грузы на себе. Есть запись о том, что иногда пеший путь составлял шесть тысяч шагов. Нагляделся юный князь на этот изнурительный многодневный труд. Почти без сна, с напряжением всех сил. Но не унывали, шутили, подбадривали друг друга.

Пороги имели свои имена. Много погубил кораблей и товаров порог Невьятецкий, то есть ненасытный, далее опасный Вольный праг, а там Вильный и другие. Ещё и постоянные набеги разбойников – сыроядцев. Так называли печенегов потому, что они ели сырое лошадиное мясо и мясо диких животных. Отбивались от них только у острова Хортица, будущего центра Запорожского войска.

Но вот, устье Днепра, море. Сейчас оно Чёрное, называлось раньше и Понтом Эвксинским и Русским. В нём большие штормы, крутые волны. Шли вдоль берегов. Попробуем представить круглосуточное сидение гребцов на вёслах, когда не было попутного ветра для парусов, или он вообще был встречным.

Приходили в Константинополь, столицу Византии, Царь-град. Дивились храмом святой Софии. Именно в нём приняла Святое Крещение княгиня Ольга. Посещали, конечно, царградские врата, на которые, в знак победы, Олег киевский прибил свой щит. Помните у Пушкина в «Песне о вещем Олеге»? «Твой щит на вратах Цареграда».

Конечно, сердце молодого князя было полно гордости за предков. Не думал он тогда, что на двадцать шестом году своей жизни он и сам примет византийскую веру, и вся, подвластная ему, Русская земля.

Перед рассветом

Больше, чем другие, воспеты в народном творчестве выдающиеся деятели России Александр Невский, Иван Калита, Димитрий Донской, Иван Третий, Иоанн Грозный, Пётр Великий, Александр Суворов. Но только одного из них, Великого святого равноапостольного князя Киевского Владимира, народ назвал и продолжает называть **КРАСНЫМ СОЛНЫШКОМ**.

В чём объяснение того, что так назвали только Владимира? А в том, что он принёс в Россию Веру Православную. Именно она сплотила Русь и создала Россию, страну, в которой мы живём. И без этой веры не было бы ни России, ни нас с вами.

Десятый век. Молодая Русь. Могучие леса, полноводные чистые реки, просторные пашни и пажити. Пашни – это поля, на которых вырастают хлеба, рожь и пшеница, овёс и ячмень, а пажити – это луга, на которых пасутся стада лошадей, коров и овец. Богатые ловли, то есть промыслы рыбы на реках и море. Большие семьи. Казалось бы, что не жить? Но постоянно идут ссоры, драки, даже войны. Почему? Все же русские, все говорят на одном языке. Но язык один, а вера разная. А без веры нет жизни, нет понимания её смысла. Кто верит в духов воды, в водяных, кто в русалок, кто в лесного лешего, кто ещё во что. Стояли по городам и селениям идолы: каменные, деревянные, медные, в Киеве даже серебряный идол Перун с золотыми усами. Идолам приносились жертвы. Жертвы кровавые. Резали животных, окропляли

идолов кровью. Думали, что смрадный, чёрный дым от сожжения трупов приятен языческим божествам. Иногда жертвы им, страшно сказать, были человеческими.

Потихоньку, полегоньку, но неостановимо пробивалось понимание необходимости единобожия, ибо языческое многобожие не сплачивало людей. «Наш бог лучше вашего!». И к чему это приводило? Только к новым ссорам. Тем более в памяти людей жила княгиня Ольга, бабушка Владимира. Она очень надеялась, что сын её, князь Святослав, тоже станет православным. Но победитель язычников: хазар, печенегов, половцев, сам он остался язычником, хотя веровать во Христа никому не запрещал.

Княгиня Ольга учила вере христианской внука Владимира. Он слушал бабушку, но авторитетом для него, конечно, прежде всего был отец. С ним он бывал и в походах, и на княжеских пирах. Закаляя тело, защищая Русь, Владимир мало заботился о своей душе. Понятие греха как будто не касалось его. И то сказать, был тогда обычай на Руси – рождался сын, отец клал у его колыбели меч и говорил: никакого наследства я тебе не оставляю, будет у тебя только то, что добудешь этим мечом. После смерти отца, борясь за престол, Владимир не остановился даже перед братоубийством. Коварно убил брата Святополка, взял в жёны жену его Рогнеду. Увы, таковы были нравы в дохристианской Руси.

Но, как сказано в Писании: не хочет Господь смерти грешника, но желает его спасения.

Второй Павел

Почему в своём «Слове о Законе и Благодати» киевский митрополит Иларион называет Владимира Вторым Павлом? Павел – это апостол Иисуса Христа. Он был рьяным иудеем, врагом Христа. Когда иудеи побивали камнями диакона первомученика Стефана, Павел (его звали тогда ещё Савлом) стерёг одежды убийц. Потом он был послан в Дамаск, чтобы и там преследовать христиан. По дороге он ослеп и услышал голос Бога, обращённый именно к нему. Пал на колени и каялся. Его привели под руки в Дамаск. Там он окрестился с именем Павла и прозрел, как говорится в «Деяниях святых апостолов» очами и телесными, и душевными. И вскоре во всей Палестине, во всём Средиземноморье узнали: ярый гонитель христиан стал пламенным борцом за веру христианскую.

Точно такой же путь проделал и великий князь Владимир. Гонитель христиан, язычник, многожёнec, мститель он превращается в воина Христова, в смиренного раба Божия.

Помогли в этом превращении и детские воспоминания о бабушке Ольге. А то, что посеяно в детстве, обязательно даст всходы. К тому же он был уже правителем огромной славянской страны, любил её, искал единую веру, которая бы объединила славянские племена, помогала им выстоять в этом враждебном мире. Он всегда помнил завещание бабушки сыну: изложенное позднее стихами поэта:

*Святослав, блюди Отчизну! Ухожу от брэнной жизни.
В память матери-княгини не пируй на шумной тризне;
Пусть мой дух не омрачает злой языческий обряд.
Надо мною пусть молитвы христианские творят...*

Первые жертвы

Подарки, приносимые языческим богам, были, в основном, животные, и дикие, и домашние. Никого не удивляли огромные костры, на которых сжигались трупы животных. Считали, что за эти жертвы «боги» пошлют на землю свои милости. Но были даже и человеческие жертвы. Кровью пропитался холм, на котором стоял идол, «бог» Перун с серебряной головой и золотыми усами.

Однажды киевляне вернулись из удачного похода и решили отблагодарить «богов». Жили в Киеве славяне, отец и сын, Иоанн и Феодор, они были христианами. Язычники Киева кинули жребий на того, кого надлежало принести в жертву Перуну. Выпало на сына Иоанна. Но на их пути встал Феодор: «Ваши боги – не боги, а идолы из дерева и камня. Они сделаны руками, что они могут? Ничего! Не отдам сына на бессмысленную гибель!» Толпа набросилась на христиан и их растерзала.

Известие об убийстве дошло до князя. Все в Киеве знали Иоанна и Феодора как людей добрых, приходящих всегда на помощь, помогавших нищим. И, может быть, впервые князь задумался, а нужна ли была такая жертва, кому она угодна? Богам? Но если боги поощряют убийство нужных Руси людей, хотят ли они добра Руси?

Выбор веры

Князь любил выходить на берег Днепра, глядел в безпредельные дали, вспоминал, как бабушка рассказывала ему про апостола Андрея, как он именно здесь установил на днепровской круче Крест и предсказал, что тут будет великий город. Да, город есть. А где Крест?

Владимир повернулся к сопровождавшим его дружинникам, боярам, к дяде своему, верному Добрыне. С ним он уходил от вражды братьев в Новгород и Швецию, с ним и вернулся:

– Что, Добрыня, что, братия, получается? Льют русские русскую кровь, мира даже между собой не видно. Неужели и дальше жить по пословице: «Живём в лесу, молимся пню»? Надо нам приходиться к единой вере. Иначе перессоримся. Надо?

– Надо! – одобрили князя его верные слуги. – Единая вера нужна, всех объединяющая.

– Но какую веру выбрать? И в Киеве и по окраинам много разного: католики, мусульмане, иудеи. И все свою веру выше других ставят.

Долго совещались и решили, что веру надо выбирать не с чужих слов, а по своему рассмотрению и в тех странах, где эта вера является основной.

И были разосланы мудрые, «нарочитые», люди в разные стороны.

К русскому князю шли на поклон и католики, и магометане, и иудеи. Всем хотелось заслужить внимание могущественного русского князя. Всех он выслушал, никого не перебивал. Долее всех говорил с греческим философом. О приходе Иисуса Христа, Сына Божия, на землю, о Его крестной смерти, о Воскресении, о вечной жизни, которую надо заслужить в жизни земной. О том, что самая большая сила на земле – это не физическая сила и не сила оружия, а любовь. Да, любовь. К Богу, друг к другу. И даже к врагам.

– К врагам? – изумился князь.

– Да, ведь и они люди, и они созданы по образу и подобию Божию, и они могут спастись через покаяние, исповедь, причащение. И, главное, не надо копить себе богатств на земле, надо копить сокровища на небесах. Как? Добрыми делами, заботой о нищих, прощением обид...

Разговор с греком

– **Н**о как любить Бога, Которого не видишь? – спросил Владимир греческого философа.

– Да, не видишь. Но ощутить Его возможно. Он рядом с каждым человеком. Ты ведь ни разу не видел своей совести, но она есть у каждого. А совесть – это голос Божий в душе. Разве тебе никогда не было стыдно за что-то плохое, сделанное другим людям, и разве ты всегда был прав?

– Не всегда, – соглашался Владимир, – но я ведь князь, а князю всё позволено.

– Для Бога нет ни князя, ни раба, ни воина, ни пахаря, все мы – создание Божие. Мы разные в жизни, но в одном, в главном, мы все равны, все мы смертны. Раз человек родился, значит, он умрёт. И от этого нигде не скрыться. Бог это как солнце. Как ни закрывайся от него, оно есть. Бог – это как воздух, он везде, мы дышим им, без него задохнёмся, но его не видим.

– Но живут же люди без твоего Бога.

– Живут? Как? Разве это жизнь? Кругом жадность, зависть, мстительность. Но всё равно Бог любит даже и таких грешников. Он создал человека, Он хочет его спасти. Но и человек должен хотеть этого, и надо торопиться. Ведь наша жизнь земная – искорка в ночи, а жизнь вечная – сияние солнца.

– Да, – отвечал князь, – мы верим в загробную жизнь. Мы провожаем своих убитых и умерших с почётом, кладём в могилы, в курганы всё, что нужно: оружие, золото, одежды...

– Как раз это совсем не нужно. Всё это сгниёт, изоржавеет, превратится в прах. Одно нужно – спасти бессмертную душу.

Всё золото мира не стоит одной души. Подумай, князь, какие были великие государства в прежние времена, какие дворцы, олимпиады, где это всё?

Слушал князь, внимал словам греческого философа, благодарил его, но всё-таки пока не выбрал никакой веры. Решил ждать возвращения послов.

Вернулись послы. Нет, не пришлась им по душе никакая вера, кроме греческой, православной. «Где мы во время службы были, – рассказывали послы, – не знаем, на земле или на небе... Велик Бог христианский!»

И начали часы русской истории отсчитывать новое время.

Крещение князя и венчание

Казалось бы, чего проще: выбрали веру, зовите батюшек, объявляйте народу повеление князя. Тем более, власть его была непререкаемой. Но Владимир не хотел принимать веру, которая, как он думал, ставила бы его ниже византийских императоров. Он хотел, чтобы киевский престол был равен цареградскому. Послал в Константинополь требование императорам – отдайте мне в жёны сестру вашу Анну. Они воспротивились – как так: христианка пойдёт за многожёнца и язычника.

Сть предание, что греки вначале пошли на хитрость – привезли вместо Анны красивую девушку гречанку. Но обман открылся. Летописи рассказывают, что Владимир осадил войсками главный греческий город в Крыму – Херсонес. Греки сопротивлялись, но Владимир перекопал трубы, по которым шла в город вода, и греки сдались. Он вновь повторил свои условия. Здесь, говорит летопись, Господь поразил Владимира слепотой. Когда плачущая и страдающая царица Анна прибыла вместе со священниками в Херсонес, Владимир даже не смог её увидеть. Анна просила его немедленно окреститься. Свершился обряд Крещения. «Во Христа креститесь, – пели священники, – во Христа облекохтеся». Этот обряд и поныне сохранился. То есть, мы не только погружаемся в купель, не только надеваем на себя нательный крестик, но и освобождаемся от первородного греха и всю свою жизнь посвящаем служению Христу.

Владимир прозрел и телесными очами стал видеть, и душевными, то есть узрел свет Христов. Он сразу вернул грекам захваченный Херсонес, освободил их от уплаты дани. Был свершён обряд венчания рабов Божиих Владимира и Анны. И Анна стала первой и единственной законной женой князя Владимира. Именно она родила будущих страстотерпцев, первых русских святых Бориса и Глеба, любимых детей Владимира.

На русском Иордане

В Киеве появился первый митрополит, грек Михаил. С ним прибыли и греческие священники. Но уже стали появляться и русские священники. Они ходили по домам, рассказывали о вере православной. Конечно, людям было очень непросто отказаться от привычного почитания каменных и деревянных

идолов-истуканов. Но что же эти «божества», вроде бы такие всесильные, напитавшиеся мясом и кровью, что же они не смогли даже самих себя защитить?

Владимир решительно приказал уничтожать места жертвоприношений, сносить идолов с постаментов и бросать их в Днепр. Главного идола Перуна тащили к берегу и били палками. Кому-то было и жаль его. Когда он поплыл по течению, некоторые бежали за ним и кричали: «Выдыбай (то есть выплыви), боже!». Верили, Перун вернётся, нет, он плыл и плыл как обыкновенное бревно.

И вот – солнечное утро, начало августа. Первый Спас, как он именуется. Накануне было объявлено всем: такова воля князя и дружины его: быть всем в белых одеждах на берегу Днепра и притока его Почайны. Священники отслужили главную службу веры Православной – Литургию и приступили к Крещению. Мужчины и женщины с детьми на руках входили в воды русского Днепра, как первохристиане в воды евангельского Иордана, в котором Святое Крещение принял Иисус Христос.

В великом умилении смотрел Владимир на обращающихся в христианство киевлян. Воздел руки к небесам и воскликнул:

«Господи Боже! Призри с небес и виждь и посети виноград сей, его же (который) насадила десница Твоя!».

Десятинна

Прибыли из Византии искусные мастера каменных дел. Помощники из русских людей учились у них и оказались так способны и переимчивы, что скоро по всей Руси стали возводиться каменные храмы. Одним из первых вознёсся к небу Десятинный храм. Как раз у того места, где свершалось Крещение. И улица стала называться Крещатик. А деньги на строительство выделил из княжеской казны сам князь. Десятую часть. Он хотел и больше вложить денег, но митрополит Михаил сказал, что именно такая, десятая, часть от доходов установлена издревле. Пожертвовать больше – расточительство, меньше – жадность. Десятую часть от своих доходов вносили на церкви и дружинники, и бояре, и купцы, и служивые люди. И бедные люди приносили свои копейки. И с такой скоростью строились церковные здания, что уже в начале следующего, одиннадцатого, века в одном только Киеве свыше трёхсот церквей. А по красоте сравнивали Киев с Константинополем и Римом.

Начались паломничества в Иерусалим, на Святую Землю. Загорелись у Гроба Господня русские лампы.

Владимир распорядился отдавать детей «в научение книжное». Великая польза есть в чтении книг и в письменности. Вначале школы были только при монастырях. Родители плакали, отдавая детей, но вскоре увидели, что дети их становятся умнее и лучше. Ведь, по тогдашнему убеждению, книги – это реки, напоющие мудростью Вселенную.

Вот не было письменности у половцев, у печенегов, у гуннов, и где теперь память о них, где их история? Всё занесло пылью веков.

Княжеские застолья

Любили предки наши праздники, общие застолья. И после Крещения застолья эти продолжались, но уже совсем иначе. Не было на них ни пьянства, ни объедания. Приходили на них с жёнами, с детьми. Христианство встало на защиту семьи и назвало её домашней церковью. С многожёнством было покончено. Обязательной стала молитва перед трапезой и после неё. Во время застолий вслух читались Жития святых, уже переведённые с греческого на славянский. Ведь со времени пребывания в России учителей славянских святых Кирилла и Мефодия прошло больше ста лет, и грамотность становилась всеобщей. Уже начинался письменный период русской литературы.

Но и устное народное творчество по-прежнему почиталось. Звучали песни, славящие подвиги предков. Все знали песни обрядовые, величальные. Трогательными были песни и сказания нищих-слепцов и калек переходящих, странников. Песни «Хождение Богородицы по мукам», «О храбром Егории», об Алексии – человеке Божиим, выучивались наизусть. Всегда в застольях было желанным присутствие гуслей. Струны гусель, как говорится в «Слове о полку Игореве», рокотали, воздавая хвалу героям прошедших времён. Бывалые люди рассказывали «о свычаях и обычаях» в других странах.

Нищелюбие князя было так велико, что он не только звал на княжеский двор всех: и старых и малых, и бедных и богатых, но и заботился о тех, кто по болезни не мог быть на пиру. Для них нагружали всякой снедью телеги и развозили угощение по домам. А еды всяческой было море: мясо домашних и диких животных, птица, рыба всяческая, овощи, грибы, ягоды, напитки свои и заморские. Но приходил пост Великий или Рождественский, Успенский или Петровский и менялось богатое кушанье на простое, постное. Но и тут было немалое утешение: всяческие каши, кисели, кислые щи, грибы, квасы медовые, караваи пшеничного и ржаного хлеба, пироги рыбные и капустные. А на потеху детишкам сушёный изюм, орехи, сладкие полоски вяленой репы и сахарной свёклы, мочёные яблоки...

К последнему причалу

Русичи сравнивали жизнь каждого человека с плаванием по морю, морю житейскому. Даже и хоронили иногда в гробах, похожих на лодку. Да, в море, как в жизни всё бывает: и затишье, и непогода, и солнце, и тучи. Но сколько ни плавай, последней пристани не миновать. А где она будет, нам знать не дано.

Корабль святого князя Владимира причалил в его любимом городке Берестове. Это недалеко от Киева. До этого князь долго болел. А заболел с горя, после кончины любимой жены Анны. Как будто она позвала его за собою. В это время любимые сыновья Борис и Глеб были в походах. Бояре хотели скрыть печальную новость и тело князя, завернувши в ковёр, ночью, тайно, привезли в Киев, в Десятинную церковь. Но разве скроешь такое огромное горестное событие. Плач и рыдание послышались во всей Русской земле.

Пятьдесят семь лет, всего пятьдесят семь исполнилось ему. И был он из этого срока двадцать шесть лет язычником, а тридцать христианином.

Осталось после него огромное государство. Но главное было в том, что люди этого государства стали христианами. То есть наполнились любовью друг к другу. К семье, к соседям.

Имя Владимир всегда любили в России. Среди сонма новомучеников Российских очень много пострадавших за Христа Владимиров. В годы гонений на Православную церковь они погибли, сохраняя для нас Иисуса Христа. И были прославлены в наше время, в канун празднования Тысячелетия Крещения Руси в 1988 году.

Будем молиться святым Владимиром о спасении нашей любимой России. И всегда будем возносить благодарение Великому князю киевскому Владимиру. С него началась и им продолжается история христианства в нашей любимой России.



ЮБИЛЕИ

К 110-летию
Николая Алексеевича Островского

Неутихающая боль

О первой научной биографии
Н.А. Островского

Предисловие

Николай Островский
в свободном познании современников

В 2014 году исполнилось 110 лет со дня рождения Николая Алексеевича Островского, писателя, чей роман «Как закалялась сталь», изданный 80 лет назад, стал любимым романом нескольких поколений.



Лев АННИНСКИЙ



Лев Александрович Аннинский – известный советский и российский литературный критик, литературовед. Родился 7 апреля 1934 г. в Ростове-на-Дону. Окончил филологический факультет МГУ. Был штатным сотрудником журналов «Советский Союз» (1956–1957), «Знамя» (1960–1967), «Дружба народов» (1972–1991 и с 1993, член редколлегии), «Литературное обозрение» (1990–1992), «Родина» (с 1992), «Время и мы» (1998, главный редактор), «Литературной газеты» (1957–1960), Института конкретных социологических исследований АН СССР (1968–1972). В настоящее время активно сотрудничает с журналами «Родина» и «Дружба народов» (авторские колонки). Автор около 40 книг. Занимался и изучением творчества советских писателей. Член Союза российских писателей, член жюри литературной премии «Ясная Поляна».

Живёт в Москве.

Многое в герое романа «Как закалялась сталь» Павле Корчагине от самого автора. И главное – его трагическая судьба. Но, как не раз повторял сам писатель, это не «биография комсомольца Островского», а обобщённый образ человека, который прошёл путь Преодоления, чтобы обрести смысл своего бытия. Смысл в том, что надо уметь жить «и тогда, когда жизнь становится невыносимой, сделать её полезной».

Документы свидетельствуют, что книга обрела свою биографию. В годы Великой Отечественной войны ею зачитывались фронтовики. К этой книге обращалось множество зарубежных читателей, чтобы понять, почему Россия победила в войне с фашизмом. Английский писатель и историк искусства Д. Линдсей подтверждал: «В его (Н.А. Островского) книге нет ни одной фальшивой ноты. Она заставляет гордиться званием человека».

Однако за последние 20 лет личность и судьба писателя, как и сам роман воспринимались неоднозначно. В 1990-х прошла буквально разгромная компания. Островского называли идеологом «тоталитарного режима», «большевистским мифом». Дискуссия о романе и его авторе велась не только в педагогическом сообществе, а в разных кругах, порой политизированных и далёких от знания материала.

Но время всё расставило на свои места. К роману обращаются вновь и вновь, а личность автора по-прежнему вызывает неподдельный интерес и восхищение.

В 2015 году Государственный музей – гуманитарный центр «Преодоление», носящий имя писателя, отметит своё 75-летие. Музей был создан в 1940 году как литературно-мемориальный. С тех пор и поныне здесь ведётся большая научная, исследовательская работа по изучению жизни и творчества писателя. Собран богатый документальный материал о биографии Н.А. Островского, формировании его личности, о том, как родился роман «Как закалялась сталь», ставший исповедью ещё совсем молодого человека, сумевшего пройти путь Преодоления и сохранить в себе нравственную чистоту в самых критических ситуациях войны и мира. Пример Островского, как мы знаем, особенно актуален для людей с ограниченными возможностями.

Музей прошёл большой путь: от музея одного писателя до многофункционального учреждения культуры. Сама история создавала и открывала различные перспективы и направления его деятельности. Тема «Корчагинские судьбы» трансформировалась в «Преодоление», что дало музею в 1990-е новое название.

Тогда же началось изучение дома, построенного по проекту М. Казакова в конце XVIII века, в котором находится музей, и его истории, в частности салона княгини Э.А. Волконской. Тема вызвала большой интерес у посетителей.

Сейчас особый момент для музея, особый рубеж – в музее-центре создаётся новая экспозиция. Она органично объединит все три эпохи истории дома в экспозиционном показе.

Центральное место – ядро новой музейной экспозиции составит мемориальный комплекс Н.А. Островского. Развитие нашего музея подтверждает, что каждое время даёт свой взгляд на писателя и роман. Наша задача – наиболее полно отобразить жизнь и творчество Н.А. Островского, его окружение, его значение в советское время и включить его в контекст российской культуры.

В 2014 юбилейном году Музей-центр выступил с инициативой вернуть роман в школьную программу по литературе и получил поддержку со стороны самых разных людей и организаций. Письмо подписано Союзом писателей и секцией литературных музеев ИКОМа и др.

Ведь роман Н.А. Островского читается как документальное повествование. Это панорама эпохи, горячей и жестокой, когда само время ставило человека в сложные ситуации, заставляя делать нравственный выбор. Изданная в 1932-34 гг. книга прожила большую жизнь. Она обрела свою биографию и вошла в «золотую сотню» книг XX века. Роман был издан на 56 языках мира тиражом более 70 миллионов экземпляров.

Доктор философских наук Ю.И. Бокань дал современную оценку феномену, притягивающему внимание человека к опыту жизни писателя Н.А. Островского и к его героям: «Н.А. Островский – герой на все времена... Феномен Николая Островского обладает многоуровневым конструктивным общецивилизационным потенциалом... Суть – опыт внутренней устойчивости личности в экстремальной ситуации».

Ромен Роллан назвал Николая Островского примером «победы духа над предательством индивидуальной судьбы». Роман и сегодня актуален для людей, которые в силу разных причин стали инвалидами, но имея тяжёлые недуги, не сломались, нашли своё место в современной жизни, не потеряли человеческого достоинства. На примере этих людей видно, что книга Н.А. Островского помогала и продолжает помогать в самые трудные моменты жизни и в самые тяжёлые годы для страны.

Роман продолжает пользоваться популярностью не только в России, но и за рубежом. Так торжества в Китае проходят под лозунгом «Павел Корчагин навсегда». Музей экспонировал в Пекине выставку «Герой на все времена», посвящённую жизни и судьбе Николая Островского и его героя.

В честь юбилея писателя в музее-центре прошла конференция «Николай Островский в свободном познании современников. Пути развития литературных музеев». В ходе конференции состоялся обмен опытом работы с коллегами из литературных и мемориальных музеев по поводу различных проблем развития музеев в современном мире: новые формы работы с посетителями, с людьми с ограниченными возможностями здоровья, комплектование и создание новых экспозиций.

4 декабря 2014 года в Музее-центре состоялась церемония вручения Международной премии Н.А. Островского лауреатам 2014 года. Премия была учреждена Музеем-центром в 2004 году к 100-летию Н.А. Островского. В 2009 году соучредителем премии стала Национальная ассоциация объединений офицеров запаса Вооружённых Сил (МЕГАПИР). С 2014 года в состав соучредителей вошёл Фонд содействия укреплению законности и правопорядка.

Премия присуждается в различных номинациях: «За мужество, крепость духа и творческие успехи в разных сферах деятельности», «За выдающиеся спортивные достижения», «За личное мужество и героизм воинов армии и флота, сотрудников правоохранительных органов, проявленные в обстоятельствах, связанных с риском для жизни при защите Отечества и жизни людей», «Лучшему педагогу, тренеру, наставнику детей и молодежи с ограниченными возможностями здоровья», «За активную популяризацию жизненного подвига и творчества Н.А. Островского, патриотическое воспитание детей и молодёжи».

К знаменательной дате Музей-центр подготовил и издал при поддержке Департамента культуры Москвы научную биографию писателя «Слишком мало осталось жить» Т.И. Андроновой. Название книги – слова восемнадцатилетнего Николая Островского из его личного письма к Людмиле Беренфус.

Умный, талантливый, красивый, выделяющийся среди своих сверстников («Наголову был выше нас всех»), в 18 лет неожиданно узнаёт о неизлечимой болезни, о том, что его скоро ждёт полная неподвижность.

Из книги читатель узнает, как, несмотря на приговор врачей, предрекавший ему скорую смерть, он прожил тридцать два года и, в невероятно тяжелых условиях, будучи абсолютно неподвижным и слепым, создал книгу «Как закалялась сталь», принёсшую ему мировую известность.

Книга Т.И. Андроновой – первая, как ни покажется это неожиданным, научная биография Николая Островского. В связи с этим интересен взгляд на это исследование Льва Александровича Аннинского, автора известной книги о романе Николая Островского, написанной в 60-х годах XX века.

О.И. Девичева,
директор Государственного музея-гуманитарного центра
«Преодоление» имени Н. А. Островского

Т. Андропова. «Слишком мало осталось жить»... Николай Островский. Биография. – М.: Государственный Музей-Гуманитарный Центр «Преодоление» им. Н.А. Островского, 2014. – 336 с.

Замечательная книга!

Она построена на огромном фактическом материале, накопленном за десятилетия изучения феномена Николая Островского в отечественной и зарубежной филологии (с привлечением новейших источников). Она безукоризненно выверена с научной точки зрения, выстроена логично, последовательно, сюжетно-целестремленно. Написана – плотно, густо. И притом – читается легко!

Не только потому, что автор владеет пером (что в этом академическом жанре случается нечасто), а более всего потому, что в драматичном материале тут нащупана глубинная нравственная антитеза, исследователь имеет последовательную точку зрения на судьбу героя и смысл его текстов, и эта точка зрения актуальна.

Актуальность эта в 30-е годы прошлого столетия отдавала скандальностью. Родился ли Николай Островский в «рабочей семье»? Или приписал это себе, скрыв, что на самом деле происходит от «верных слуг» царского отечества? Был ли он изначально «гаврошистым» сыном революционной улицы или был книжным мальчиком-аккуратистом, взявшим на себя роль уличного бунтаря? Участвовал ли в Гражданской войне или приписал себе эту заслугу? Эти вопросы, изначально отдающие провокационностью, при жизни прямо-таки висели над Островским (нашёлся блюститель революционной

нравственности, который при появлении первой повести Островского объявил её клеветой на советскую власть и требовал «Как закалялась сталь» изъять и запретить). Когда эпоха сменилась, и советскую власть стали хоронить, – такие же блюстители начали изымать Корчагина из списка героев, доказывая, что на самом деле его автор происходит не из низов, а из верхов шепетовского населения, и непонятно было, испытывали блюстители биографии от этого радость или злорадствовали.

Т. Андропова если и касается таких споров, то вскользь и с чувством отвращения. Она отлично знает фактическую сторону дела и то, почему факты сдвигались, в том числе и самим Островским. Да, в частном письме издателям он однажды приписал себе и рабочее происхождение, и участие в Гражданской войне – старался, чтобы повесть пропустили в печать, и он был в отчаянии, когда издатели самовольно опубликовали этот текст, предварив им публикацию, – а уж усердие истолкователей не заставило себя ждать.

Из каких кругов происходит Островский: из верноподданных или из бунтарских? Чем перетягивать сегодня туда-сюда этот идеологический канат, лучше привести факты. Дед писателя – героический участник русско-турецкой войны, инвалид и ветеран. И Коля Островский воспитывался в благополучной семье (относительно благополучной – дед был покалечен на войне). В доме соблюдались религиозные традиции, «крёстными» детей были учителя и священники»...

Как?! А враждебность к священнику в первой сцене корчагинского жизнеописания?! Так то корчагинское жизнеописание, а мы сейчас выясняем биографию его автора. Откуда разница? В этом главный вопрос.

Но сначала – факты. Был ли Островский книголюбом – изначально, пока война не отрезала от книг, или – изначально же – был непримирим к изнеженным умникам-интеллигентам? Можно ловить слово «интеллигент» в высказываниях писателя (продолжая перетягивание идеологического каната). А лучше – прочувствовать факты. 1914 год, обоз беженцев, подводы переполнены, возчики сбрасывают книги в грязь, десятилетний Коля вытаскивает их из грязи и кладёт обратно на подводы, а книги опять летят в грязь... Самое потрясающее – что много лет спустя Островский, знаменитый и тяжело больной, вспоминает этот эпизод своего детства с неутраченной болью.

Так из какой он семьи? Деда вспомнили. А отец? Госслужащий, спец по акцизным сборам, «сиделец казённой винной лавки». Хуже того: владелец земельного участка и дома, построенного на занятые деньги. И он же – после революции – грузчик, с трудом (трудом!) спасавший семью от голода. Так какое тут происхождение: буржуазное или пролетарское? У Корчагина – по душевному складу – пролетарское, конечно. Но автор-то Корчагина как к этому пришёл?

Участвовал ли в Гражданской войне? Власть менялась непрерывно, душа лежала к красным, к ним бегал, выполнял отдельные задания. Расклеивал листовки. Был курьером при ревкоме (пока в местечке был ревком). Но мобилизован в Красную армию – не был. Так был ли участником Гражданской войны? И да, и нет. Корчагин – да, был! А почему – это всё тот же главный вопрос...

Важнейший аспект жизнеописания Островского – его интернационализм. «В классовой борьбе нет национальностей, есть только принадлежность к классу...» Можно ограничиться такого рода высказываниями и потом гадать, не попытка ли это Островского примкнуть к идеологической догме

большевизма (и перетягивать всё тот же канат). Но лучше – держаться фактов. В семье – русские сроднены с чехами. С эстонцами. С детства вокруг – поляки, белорусы, евреи, латыши – интернационал естественный, природный, врождённый. И это на всю жизнь.

Поразительный эпизод 1918 года: поступление четырнадцатилетнего Николая в только что открывшееся в Шепетовке начальное училище. Узнав, что преподавание будет вестись на украинском языке, – что делает поступающий? Просит у учительницы книгу по истории культуры – на украинском языке! И дома совершенствует свою мову. Такая верность украинскому началу – тоже на всю жизнь. Обзаведясь радиоприёмником – уже в зрелости – слушает Харьков, «роднесеньку мову», чувствуя, как душа тянется на Украину. И украинцы – молодое поколение – первыми с восторгом принимают жизнеописание Корчагина! «Как закалялась сталь» немедленно переведена и издана по решению украинского комсомола. К юбилею на вопрос ЦК украинского комсомола, что бы Островский хотел получить в подарок, – отвечает: «Хочу книгу на родном языке и больше ничего» – в подарок получает от украинского комсомола пишущую машинку – первую в жизни. И от Г. Петровского подарок – патефон и набор пластинок с украинскими песнями.

Как писатель, реализовавший себя на русском языке, Островский на всю жизнь сохранил родственную связь с Украиной и её культурой. Т. Андронova внимательно описывает эту сторону душевного мира Островского, что особенно важно сегодня, когда киевская власть отчаянно культивирует русофобство. Не дождутся они ответного украинофобства, и Островский, которого русской культуре дала Украина, – тоже ответ на этот вопрос.

Теперь главный вопрос, возникающий при осмыслении жизни Островского: как в его душе выпестовался Павел Корчагин? И откуда тут разница.

Ответ Островского: «Семья – это несколько человек, любовь – это один человек, а партия – это 1600000 человек...»

Самое страшное – выпасть из народа...

Ещё вариант ответа:

«Я нашёл своё место в жизни нашей страны»...

В каком-то запредельном смысле – переключка с ахматовским: «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был». Но переключка достаточно далёкая: у Островского никогда не было ощущения, что он существует как бы автономно от народа, а потом с НИМ соединяется. Он всегда и бесповоротно не с НИМ, он – в НЁМ. А вот выпасть из народа – это драма, которая заставляет почувствовать единство – через ужас потери. Островского вырвала из народа неизлечимая болезнь – этим выбор его был окончательно предопределён: вернуться в строй. Ни о какой выгоде такого выбора Островский никогда не думал. Он был в строю изначально и вернулся – к самому себе. А изначально там было – сочувствие униженным, страдающим, готовность разделить общую боль, одолеть её. По Горькому! Это не ненависть к страданию, не презрение к боли, не жажда избавиться, а – готовность разделить страдание со всеми. При всей тысячелетней русской безудержности: со всем миром! И немедленно! А если что мешают – возненавидеть! Со всей силой любви.

Когда Мейерхольд решил поставить спектакль по книге о Корчагине, у некоторых свидетелей замысла возникло опасение, что спектакль получится трагическим...

Правильно! Потому что трагизм – в базе мироощущения Островского, и Мейерхольд это почувствовал. В отличие от блюстителей оптимизма.

Островский не мыслил себя вне трагизма эпохи, и преодолевал эту боль, как мог. Как позволяли ему силы.

Вся вторая половина его жизнеописания у Андроновой – бытийно-житейская летопись этой борьбы. Со всеми деталями тогдашней реальности. С тем, что надо было сводить концы. С тем, чего стоило обретение жилплощади. С тем, как надо было жить с револьвером под подушкой, железно удерживаясь от самоубийства. С тем, как было верить в великий смысл существования – на краю этого существования. Да ещё не терять при этом юмора.

Цитаты из писем и бесед Островского в этой отчаянной ситуации придают его жизнеописанию какой-то щемящий оттенок... Без тени жалости к себе. Но с ощущением трагической готовности выдержать всё.

«Держится ли Мадрид? (это о Гражданской войне в Испании)... А меня, кажется, громят...» (Это уже о собственной подступающей гибели).

Книга, повторяю, замечательная.





ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН

Анатолий Юрьевич Аврутин – поэт, переводчик, критик, публицист. Родился в 1948 г. в Минске, окончил Белгосуниверситет. Автор двадцати книг, изданных в Беларуси и России. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная», в 2005-2008 гг. – Первый секретарь Правления Союза писателей Беларуси. Глава Представительства русских писателей Беларуси при Санкт-Петербургском городском отделении Союза писателей России. Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской Академии наук и искусств. В 2011 г. название «Поэт Анатолий Аврутин» присвоено звезде в созвездии Рака. Произведения А. Аврутина изучаются в школах Беларуси по программе русской литературы.

Живёт в Минске.



«Вберу я Русь в зрачки... И не согнусь я...»

Как быстро всё это, как скоро!..
Уходит эпоха.
Мальчонка стоял у забора –
Тогда ещё кроха.

Гадал про концы и начала,
Вздывалась рубаха.
Над озером птица кричала –
Тогда ещё птаха.

Кричала светло и несмело
О вещей минуте.
А дерево солнца хотело –
Тогда ещё прутик.

Листочки в зелёных накрапах,
На листиках – жилы.
И были и мама, и папа
Тогда ещё живы...

Стоял тот мальчонка, не зная
Путей к пьедесталам.
И туча была грозовая
Лишь облачком малым...



Памяти друзей-писателей

Как летят времена! –
Был недавно ещё густобровым.
Жизнь – недолгая штука,
Где третья кончается треть...
Заскочу к Маруку,
Перекинусь словцом с Письменковым,
После с Мишей Стрельцовым
Пойдём на «чугунку» смотреть.

Нынче осень уже,
И в садах – одиноко и голо.
Больше веришь приметам
И меньше – всесильной молве.
Вот и Грушевский сквер...
Подойдёт Федюкович Микола,
Вспомнит – с Колей Рубцовым
Когда-то учились в Москве.

Мы начнём с ним листать
О судьбе бесконечную книгу,
Где обиды обидами,
Ну а судьбою – судьба.
Так что хочешь не хочешь,
И Тараса вспомнишь, и Крыгу...
Там и Сыс не буянит,
Печаль вытирая со лба.

Там – звенящее слово
И дерзкие-дерзкие мысли.
Скоро – первая книга,
Наверно, пойдёт нарасхват...
Там опять по проспекту
Бредёт очарованный Кислик
И звонит Кулешову,
Торопко зайдя в автомат.

А с проспекта свернёшь –
Вот обшарпанный дом серостенный,
Где Есенин с портрета
Запретные шепчет слова,
Где читает стихи только тем, кому верит
Блаженный...
Только тем, кому верит...
И кругом идёт голова.

Что Блаженный? – И он
 Перед силой природы бессилён.
 Посажу – и домой,
 Вдруг под вечер, без всяких причин,
 Позвонит из Москвы мне, как водится,
 Игорь Блудилин,
 А к полуночи ближе, из Питера,
 Лёва Куклин...

Неужели ушло
 Это время слепцов и поэтов? –
 Было время такое,
 Когда понимали без слов.
 Вам Володя Жиженко
 Под вермут расскажет об этом...
 И Гречаников Толя...
 И хмурый Степан Гаврусёв...

Не толкались друзья мои –
 Истоиво, злобно, без толку.
 И ушли, не простившись –
 Негромкие слуги пера.
 Вот их книги в рядок,
 Всё трудней уместаясь на полку.
 Там и мест не осталось,
 И новую вешать пора...

Стою на сквозняке... – Ты кто? – Аврутин...
 – Зачем ты здесь? – Достали шулера...
 Опять один в своей извечной смуте,
 Опять один – как завтра, как вчера.

Душа болит... Не много-то народу
 Стоит впотьмах с тревогой о душе.
 Кому на радость, а кому в угоду
 Мой голос тише сделался уже.

Душа болит... И слава не в зените –
 Солги, попробуй, строки выводя...
 «Отчизна иль дитя?» – вы мать спросите,
 И мать в ответ промолвит, что дитя...

И тот ответ правдивей и превыше
 Высоких слов, что в горький миг – пустяк.
 Стою один... Пустых словес не слыша...
 Стою один... Не понятый никак...

Снег покружится и ляжет...
 Молча покляжу сложу.
 Мать что-то грустное скажет,
 Я ничего не скажу.

Лишь карандашиком скрипну,
 Строчку отправлю в блокнот.
 Знаю – про девочку-скрипку
 Мать всё равно не поймёт.

Только в заветное спрячет
 Адрес... Шепнёт: «Не забудь...»
 Только неслышно заплачет,
 Я не заплачу ничуть.

Выйду... Ступлю на дорогу,
 Снегом умоется взгляд.
 Эта дороженька – к Богу
 Или от Бога назад?

Чуть оглянусь... И охрипнув,
 Мамино вспомню житьё,
 Вдруг неожиданно вскрикнув
 Тихое имя её...

Как всё-таки устроен мир! –
 Путь арестанта...
 А сзади вечный конвоир,
 Без вариантов.
 На суд, на дыбу, эшафот –
 В служебном раже.
 Один чуть в сторону шагнёт,
 Другой – туда же.

Один по тюрмам до седин,
 Второй – в запоях.
 Но путь-то в сущности один
 У них обоих.

Снова мокрый декабрь... Очертанья не резки...
 Тьма во тьму переходит, что хуже всего.
 Я не знаю, курил или нет Достоевский,
 Но вон тот, с сигаретой, похож на него.

Так же худ... И замызганный плащ долгополый,
 Не к сезону одетый, изрядно помят.
 Он в трамвай дребезжащий шагнёт возле школы,
 На прохожих метнув с сумасшедшинкой взгляд.

Что с того? Те же тени на стёклах оконных,
 Та же морось... И те же шаги за спиной.
 Но теперь на «униженных» и «оскорблённых»
 Все прохожие делятся в дымке сквозной...

Скупой слезой двоя усталый взгляд,
 Вобрал зрачок проулок законный.
 И снова взгляд растерянно двоят
 В биноклик слёз забившиеся клёны.

Через слезу до клёна – полруки,
 Пол трепетного жеста, полкасанья...
 Сбежит слеза... И снова далеки
 Вода и твердь, грехи и покаянья.

Вот так всегда...
 Как странен этот мир,
 Как суть его божественно-двойка!
 Вглядишься вдаль – вот идол... вот кумир...
 Взглянёшь назад – ни памяти... ни знака.

Всё ничейно... Поля? – Вот те на...
 А по-русски выходит «поляна».
 И высокое слово «страна»
 На две трети читается «рана».

Сердце Родины. Ширь да подзол.
 Хоть в «подзоле» всё чудится злое.
 Это кто к нам с небес снизошёл?
 «Снизу шёл»... Остальное пустое...

Всё рыдали княжны в теремах,
 Расшивали рубакам рубаху.
 Ох, Владимир ты свет Мономах,
 Что ж преемники дали-то маху?

Сколько взгляд ни мечи из-под век –
 Лишь устанут набрякшие веки,
 А тут всё не поймёшь – «человек»:
 О челе или, может, о веке?

Так вот, мучась, уйдём навсегда
 В мир, где больше ни боли, ни бреда.
 Помня – русское слово «беда»
 Всё ж две трети от слова «победа».

...И выдох мой пускай зовётся Русью,
 И пусть зовётся Русью каждый взгляд.
 Вберу я Русь в зрачки... И не согнусь я,
 Когда враги согнуться повелят.

А Русь моя пускай зовётся мною,
 Я – щит её, она мне – тоже щит.
 Я заболелю – скажется больною,
 Я возлечу – пусть тоже возлетит.

И будем мы парить над миром тленным,
 Парить в больной, раздумчивой тиши.
 Совсем одни, одни во всей вселенной,
 Лишь я и Русь... И больше ни души...

То ль душа солгала,
 то ль мятежное сердце озябло,
 То ль забытое чувство
 пробилось опять между строк,
 Но в холодной ночи
 Захотелось мороженных яблок...
 Всё, что впрок запасалось,
 опять оказалось не впрок.

Снова ветви гудят,
 будто струны гудят вековые,
 Снова рушится небо
 в немую озёрную гладь.
 Снова годы летят –
 По-самойловски «со-роковые», –
 И не в силах Всевышний
 иную судьбу ниспослать.

Что-то ухнет вдали...
 Бабий голос истошно завоет.
 И почти расколов
 бесполезную тушу Земли,
 Роком посланный рок
 принесёт нам своё, роковое,
 И обрушив столетья,
 лениво исчезнет вдали.

Больно сдавит в груди...
 Слабо пискнет испуганный зяблик.
 Вспомнишь очи любимой,
 что молвила тихо: «Не люб...»
 И останется привкус
 морозных антоновских яблок
 На обугленной коже
 холодных, запёкшихся губ...

Веранда. Полдень. Дождь отвесный.
 На всём напрасности печать.
 И мне совсем не интересно
 От женщин письма получать.

Хотя лежит на стуле венском,
 Не раз прочитано, не два,
 Письмо, где крупный почерк женский,
 Где очень грешные слова.

Грешил... Грешу... И словом грешным
 Меня случайно не пронять.
 Но этот голос безутешный
 Мне вдруг почувился опять.

Как не поверить этой муке,
 Не отозваться, не дерзнуть?
 А эти скрещенные руки,
 Напрасно прячущие грудь...

А этот ворот, ставший тесным,
 Ладонь, где жилки – на просвет?
 Веранда... Полдень... Дождь отвесный...
 И этим письмам – тридцать лет...

Тленом станут и эти смешливые губы,
 И медовая млечность мерцающих плеч,
 И улыбка, с которой юнец редкозубый
 Обещает навеки любовь уберечь.

Всё уйдёт, как вечернее солнце над клёном,
 Как сосулька на позднем изломе зимы,
 Как сиянье на Божьем челе просветлённом,
 Что четыре столетья тревожит умы...

Всё уйдет, как уходят аккорды и звуки,
 Но под модный мотив, что опять завели,
 Позабыв обо всём, чуть прозрачные руки
 На уже чуть прозрачные плечи легли...

Гудок. Погода ржавая.
 Темно совсем.
 «Не спи, вставай, кудрявая...»,
 Динамик. Семь.

Глазунья. Сени тёмные.
 Сальца не трожь.
 «Вставай, страна огромная...»,
 И ты встаёшь.

В любую непогодину
 Вперёд, за дверь.
 «Была бы только Родина...»,
 А что теперь?

Былая жизнь с невзгодами
 В смурной дали.
 «Ходили мы походами...»,
 К чему пришли?

И помыслы греховные,
 И в душах тлен.
 «Среди долины ровныя...» –
 Не встать с колен...

Не согрел кипятком,
 Да и водкой уже не согреться,
 Тепловожик угрюмый
 в тупик мой вагон отволокло...
 Что-то ноет в груди,
 но не сердце, а около сердца,
 Сердцу вроде не сроки...
 Хоть, впрочем, а где этот срок?..
 И в ладонную глубь
 Стылый лоб опуская знакомо,
 Всё спешу окунуться
 в мелодию прожитых лет.
 Вот я в детстве стою,
 но не в доме, а около дома,
 И над мамой мерцает
 Какой-то серебряный свет.
 Там дерутся грачи...
 Там ручки распевают стозвонно,
 Там нехоженых тропок
 побольше, чем в свете – сторон.
 Но сегодня я здесь –
 не в вагоне, а возле вагона,
 И подножка на уровне сердца
 Врезает перрон.
 Всё коварнее склон.
 Позади – буераки да ямы,
 И обида змеёю
 вползает в сердечный сосуд...
 Я останусь навек,
 но не с мамой, а около мамы,
 Там, где тихие сосны,
 да Вечность,
 да Праведный суд...

Только грохни ведром –
 отзовётся тоска мировая,
 Только стукни калиткой –
 земля затрясётся околь.
 И увидишь печаль,
 что шагает, забавы не зная,
 И увидишь страданье, что чуть улыбнётся
 сквозь боль.

Сколь платков ни нашей –
 будет Родина простоволоса,
 Сколь монет ни подай –
 будет пусто в усталой горсти,
 Сколь ни вешай замков –
 всё равно вдруг прорвётся без спроса,
 Сколь обид ни сноси –
 всё равно не промолвит: «Прости...»
 Да и что тут прощать? –
 Как живём, значит, так заслужили,
 Ведь цифирь не повинна,
 что вдруг умноженье забыл...
 Можно жилу порвать,
 но всё держится тут на двужилье,
 А сломаешь крыло –
 здесь от века взлетают без крыл...
 И не знаешь опять,
 то ли каяться, то ли молиться,
 Что за гул непонятный
 Идёт из-под сумрачных плит?..
 То ли стонет земля,
 то ль какая-то хищная птица
 Сквозь невымытые стёкла
 в глаза твои жадно глядит...

Стылый сумрак. Родина у дома
 Бесприютно спит на сквозняке.
 Мир изломан... Линия излома
 Бьётся синей жилкой на виске.

Тронешь за плечо – глаза откроет,
 Бросит на тебя безумный взгляд.
 И собака истоиво завоет,
 И от страха дети закричат.

И опять такое бесприютство,
 Что зрачки отталкивают свет,
 Что без научений и напутствий
 Только вьюга шамкает во след.

Только совесть к истине воздета,
 Да порою чудится – вдали
 Чей-то голос кличет Пересвета,
 А в ответ: «Все наши полегли...»

Здесь есть дорога, но нет пути...
 Питомец житейских бурь,
 Ты если сможешь вперёд идти,
 То только в закат и хмурь.

У здешних женщин который год
 Недобрый, тяжёлый взгляд.
 И сколько ты ни иди вперёд,
 В итоге придёшь назад.

Жестокий ветер шерстит лицо,
 Башку отрывая с плеч.
 И если сможешь шепнуть словцо,
 То следом отнимет речь.

Но всё глядишь в эту тьму опять,
 Лишь ропот лова в ответ.
 И остаётся одно – солгать,
 Солгать, что ты видишь свет.

Ложь... Ерунда... Полова...
 Огненная роса.
 Вскрикну... И брызнет слово
 С плачем на полчаса.

Будет гулять по кронам
 Света кудрявый луч.
 Хватит играть с патроном,
 Выстрели, но не мучь!

Чтоб от испуга птицы
 Дёрнулись в небеса,
 Чтоб прекратила длиться
 Чёрная полоса.

Чтобы протаял в насте
 Чёрный горячий пыж,
 Две параллели счастья
 С выемками от лыж...

Чтобы слова листая,
 В окна ломилась зря
 Только заря пустая,
 Проклятая заря...



Купчиха Кокорева

Отрывок из романа
 «В некотором Царстве...»



...Ну как это можно не рассказать об Аделаиде Пафнутьевне Кокоревой, когда без Аделаиды Пафнутьевны и Москва – не Москва! Да и как иначе, когда почтеннейшей и уважаемой всеми Аделаиде Пафнутьевне удалось переполошить не просто всю полицию Москвы, но досадить митрополиту и самому Государю!

Многие нелепые, а то и отвратительные происшествия зачин имеют самый, что ни на есть благонамеренный, а то и сиропитательный. Так было и в этот раз. Но сначала надлежит познакомиться с Аделаидой Пафнутьевной.

Следует знать, что в то время, о котором идёт речь, вдовая купчиха Аделаида Пафнутьевна Кокорева проживала в поместительном собственном доме не то в Барашах, не то на Воронцовом поле – к сожалению, более точных сведений не сохранилось. Так вот, помимо всего прочего, Аделаида Пафнутьевна являлась душеприказчицей своего супруга, оставившего ей изрядный капитал на устройство в Москве женской обители для вдов и сирот. Сама же Аделаида Пафнутьевна была женщиной нрава крутого, при этом богобоязненной и, сверх того, суеверной. Потому об устройении женской обители говорила не иначе как с умилением. А если пускалась в пространные рассуждения, то и со слезой.

Однако далее слёз дело отчего-то не шло. И все, кто знал Аделаиду Пафнутьевну, недоумевали: отчего это боголюбивая купчиха, имея нарочно на руках капитал, всё тянет с исполнением воли покойного супруга. Кое-что Аделаидой Пафнутьевной, правда, предпринималось. Слывя первой на Москве жертвовательницей и творительницей всяческих благ, Аделаида Пафнутьевна зналась с самим митрополитом, через посредство и с благословения которого была куплена и огорожена

Светлана Георгиевна Замлелова – родилась в Алма-Ате, детство прошло на берегу Карского моря в пос. Амдерма. Окончила РГГУ. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств. Автор книг прозы «Гностики и фарисеи» (повести и рассказы), «Посадские сказки», «Блудные дети» (роман) и др. Автор переводов французской и болгарской поэзии. Кандидант философских наук (МГУ им. Ломоносова), автор философской монографии «Приблизился предающий... Трансгрессия мифа об Иуде Искариоте в XX–XXI вв.»

Живёт в Сергеевом Посаде.



земля на Воронцовом поле. Случившиеся на купленной земле постройки – два каких-то деревянных инвалида – Аделаида Пафнутаевна распорядилась снести. Найденный тут же старик, скособоченный и откликавшийся на имя Павлиныч, определён был ею во вратарники. И как только возвели избушку рядом с воротами зарождавшейся обители, Павлиныч со своим нехитрым скарбом, состоявшим из деревянной посуды и неопределённого назначения тряпья, перебрался на новый адрес. Аделаида Пафнутаевна снабдила Павлиныча какой-то средневековой пищалью, наставлениями служить верно и тотчас о нём забыла. Как, по-видимому, и о будущих черницах, потому что с переселением Павлиныча обустройство обители прекратилось.

Но в помышлениях благих Аделаида Пафнутаевна бодрствовать не переставала, грезя о том, чтобы посвятить будущий монастырский собор Преображению Господню и заполучить таким образом яблочную ярмарку. А яблочная ярмарка, устрояемая по обыкновению в начале августа, притягивала в Москву такое количество яблок, что, казалось, ими можно было бы замостить все улицы первопрестольной.

Так, в раздумьях о соборе и яблоках прошло что-то около года.

Чем жил всё это время Павлиныч, в одночасье оказавшийся хозяином новой избы и пищали, доподлинно неизвестно. Как неизвестны источники его дохода, предшествовавшие новоселью. Известно только, что к своему назначению Павлиныч отнёсся в высшей степени серьёзно. И время от времени обходил огороженную под монастырь землю с пищалью в руках. Бывало, он выходил за ворота, присаживался тут же на сложенные грудой доски и спал, опершись на грозное своё оружие. Вид при этом Павлиныч имел самый трагикомический, внушая одновременно ужас и жалость, как и всякое несообразное, нелепое и неизъяснимое существо. Ведь снабдив Павлиныча пищалью, Аделаида Пафнутаевна совершенно запамятовала обеспечить старика обмундированием. И каково это было прохожим лицезреть вооружённого нищего! Полиция, впрочем, не волновалась, поскольку происшествий за Павлинычем не числилось, да и авторитет Аделаиды Пафнутаевны чего-нибудь да значил.

И надо же было случиться, что именно на Преображение, когда Москва бывала наводнена не только торговцами яблок, но и богомольцами, и просто празднующимися, для кого любые праздники оставляют яркие штрихи на сером жизненном полотне, так вот надо же было случиться, что именно в этот день Павлиныч вновь задумал переселиться. Только теперь уже безвозвратно. Старик умер во сне, сжимая в сморщенных, корявых пальцах ружьё, доверенное ему богатой купчихой.

Но тело Павлиныча, оставленное хозяином коченеть на досках, подобрали только на другой день. В ночь после праздника шёл дождь. А Павлиныч так и сидел со своей пищалью, и струи воды стекали с него, как с камня. Наутро на голову Павлинычу уселась ворона, клюнула старика с глухим стуком и принялась озираться. Проходивший мимо шарманщик сначала не обратил на Павлиныча особенного внимания. Но, чуть отойдя, вернулся, поражённый какой-то странностью, дать себе отчёт в которой он не мог. В это самое время ворона с криком взвилась, и шарманщик понял, что его поразило.

Когда же зашла речь о похоронах Павлиныча, бывшего одиноким, кто-то вдруг высказался в том смысле, что весь последний год Павлиныч существовал по печениям Аделаиды Пафнутаевны, подтверждением чему служили изба и пищаль. А потому и проводы Павлиныча в последний путь решено было

препоручить всё той же Аделаиде Пафнутаевне. И вот именно с этим вопросом 7 августа 18... года отправился к ней квартальный надзиратель Попцов.

С этого всё и началось.

На исходе был Успенский пост. И силы Аделаиды Пафнутаевны, истомлённой борьбой с чревоугодием, тоже были на исходе. А потому, когда ей доложили, что у ворот стоит квартальный надзиратель и желает взыскать с неё средства на погребение новопреставленного раба Божия Павлиныча, Аделаида Пафнутаевна только сдвинула в одну линию брови и спросила сурово:

– Что за вздор?.. Какой там ещё Павлиныч?!

Возможно, Аделаида Пафнутаевна и помнила, кто таков был Павлиныч. Но тут, что называется, нашёл на неё такой стих.

Когда же ей стали объяснять, что Павлиныч – это тот самый старик-нищий, которому она подарила ружьё для охраны будущего монастыря, Аделаида Пафнутаевна не выдержала. Впрочем, что же тут удивительного? Быть может, за полчаса до того Аделаида Пафнутаевна вдруг вспомнила о насельниках и слёзно им улыбнулась. А может, уже подсчитывала доходы от яблочной ярмарки. Как вдруг являются и требуют денег. Да ещё подсылают полицию. Словом, приходят и вводят в грех! Столько дней поста, и всё – даром! И Аделаида Пафнутаевна в одночасье пришла в состояние, знакомое всем вспыльчивым людям, умеющим на совершенно пустом месте взвинтить свой гнев пыльным столбом до самых небес. А дальше – горе тому, кто окажется на пути этой пыльной бури. Сначала у несчастной Аделаиды Пафнутаевны потемнело в глазах. А следом за тем в сердце своём она ощутила неколебимую твёрдость и горячее удовольствие от сознания собственной твёрдости. Приход квартального надзирателя застал Аделаиду Пафнутаевну за чаем. В первую секунду она хотела даже прервать чаепитие и сбросить что-нибудь со стола на пол. Но ощущение неколебимости спасло Аделаиду Пафнутаевну от порчи имущества. И она, только пристукнув слегка по столу, отрывисто, точно стреляла из пистолета, приказала слуге:

– Ворота – на засов. И чтоб на двор – никого. Полицию не пускать. Нету у меня никаких павлинов. И ружьё нету. И денег тоже лишних. Не водится.

Сказав это, Аделаида Пафнутаевна какое-то ещё время пребывала в удовольствии от самой себя, чувствуя, что и чёрт ей не брат, и квартальный не указ. Кто ещё может захлопнуть ворота перед носом квартального надзирателя? Но вскоре об этом утреннем происшествии было забыто. Потому что Аделаида Пафнутаевна вся ушла в хлопоты, и внимание её переключилось на другой предмет.

А хлопот у Аделаиды Пафнутаевны в самом деле было немало. Ведь чаепитие в иных московских домах может длиться бесконечно, с перерывами разве на обед, ужин и сон. Уже внесли другой самовар. Уже место яблочного пирога занял пирог с грибами, а место приживалки Аксиньи – дальняя родственница Аделаиды Пафнутаевны, прибывшая в Москву с протянутой рукой и докучавшая теперь хозяйке жалобами на худое житьё. Капитолина Онуфриевна – а именно так прозывалась родственница – была не старой ещё особой, но до того, вследствие гнёта жизни и привычки покоряться, ледащей,

жалкой и бледной, что, казалось, она сама искала унижений – весь вид её вызвал к поправлению и умалению.

Аделаиде Пафнютьевне она скоро надоела. Но гнать от себя несчастных и нуждающихся было не в правилах Аделаиды Пафнютьевны, которой только и оставалось, что позёвывать и кушать ложечкой крыжовенное варенье. Надо сказать, что Аделаида Пафнютьевна, несмотря на лета, оставалась дамой осанистой, в хорошем теле. Замечательными были её руки – большие, белые, перетянутые в запястьях тонкими браслетками. Отправлявшаяся за очередной ягодой, обнажённая рука Аделаиды Пафнютьевны напоминала лебедя, скользящего по воде. В то время как руки Капитолины Онуфриевны подходили скорее на голодных цапель.

Наконец и от варенья, и от разговора у хозяйки сделалась изжога, и несчастная Аделаида Пафнютьевна решила-таки оживить беседу. Перебив Капитолину Онуфриевну, разглагольствовавшую о бедности и лишениях, она спросила:

– А как у вас, к примеру, лукавый?

Капитолина Онуфриевна споткнулась на слове, ещё сильнее побледнела и, не сразу найдя, что ответить, залепетала:

– Лукавый?.. Это как же?.. Это в каком же смысле?..

– Да в обычном, – начала сердчать Аделаида Пафнютьевна. – Что у вас лукавый – бесчинствует или так, поутих?

Капитолина Онуфриевна сглотнула от страха слюны и, едва жива, проговорила:

– Я, право, не того... И не соображу...

– Что же ты – несообразительная? – осердилась Аделаида Пафнютьевна. – Чего бы, казалось, проще...

И тут Капитолина Онуфриевна, не то со страху, не то по наущению всё того же лукавого, с ясностью поняла, что от её сообразительности в эту минуту зависит, возможно, вся её будущность. И, заглядывая зачем-то на дно своей чашки, точно в пересохший колодец, робея больше обыкновенного, голосом всё ещё слабым Капитолина Онуфриевна начала:

– Так ведь он всегда бесчинствует – что ему ещё делать-то! На то и поставлен...

Тут она скосила глаз на хозяйку, поняла, что встала на верный путь, и чуть смелее продолжила:

– Куда как... силён стал! И то говорят: в последние времена живём...

– И что же, является? – добродушно поинтересовалась Аделаида Пафнютьевна. Разговор начинал ей решительно нравиться.

– Является, матушка... Является, – осторожно подтвердила Капитолина Онуфриевна.

– Как же он является? – с каким-то неуместным удовольствием и в то же время с недоверием, подпущенным более для проформы, для придания разговору естественности, спросила Аделаида Пафнютьевна.

– Да как же, матушка, ему и являться... В обличи!

От напряжения бедную Капитолину Онуфриевну, не привыкшую к сочинительству, то и дело бросало в пот. Но Аделаида Пафнютьевна, казалось, только начинала входить во вкус. И пытка продолжилась.

– Что же, ты сама видала?

Господи, помилуй! Капитолине Онуфриевне выпало не просто нести то, не знаю, что. Мало того, что видеть лукавого ей не доводилось, и об обличи его

она имела представление только по настенным изображениям в церквях и по книжным картинкам. Лукавый был ей страшен. И приписывая себе знакомство с ним, Капитолина Онуфриевна приходила в суеверный ужас. Ей вспоминались евангельские слова об отсутствии толка в приобретении всего мира ценой души. И она мысленно взывала к Богу о том, чтобы Он помог ей удержаться где-то посередине и приобрести всего лишь толику мира, но только не в счёт вечного блаженства.

«Господи! – думала Капитолина Онуфриевна, слёзно воздевая про себя руки. – Спаси! Господи!..» Вслух же говорила примерно следующее:

– Обличие-то у него, матушка... дьявольское. Только... только оборачивается он по-разному... То, бывает, зайцем обернётся... а иной раз – кошкой. И так промеж людей ходит, высматривает... Сама-то я не видала... Да слышала, как отличить, если он... того... человеком...

Смирясь с ролью рассказчицы, Капитолина Онуфриевна принялась припоминать всё, когда-либо слышанное ею на интересующую Аделаиду Пафнютьевну тему. Выходило несколько сбивчиво, но Аделаиде Пафнютьевне нравилось.

– Ну так как же? – требовала она.

– ...Да вот когда парень в красной рубахе чёрные волосы гребнем чешет...

Так вот это он и есть...

Но Аделаида Пафнютьевна ждала других рассказов. Ей хотелось горящих глаз и серного запаха, умопомрачительных соблазнов и наводящих ужас грехопадений. Потому она махнула рукой на Капитолину Онуфриевну и сказала разочарованно:

– Ну... На таких чертей и я насмотрелась...

Капитолина Онуфриевна пришла в совершенное уныние и едва не плакала. Но тут ей припомнилась история, слышанная когда-то во Владимире, одна из тех историй, что так любит перекладывать из уст в уста православный люд.

– Да вот же ещё... – пролепетала она. – Матушке Алипии, что из островного монастыря, видение было...

– Ну?.. – ободрилась Аделаида Пафнютьевна, тоном и всем своим видом говоря: «Что ж ты до сих пор-то молчала?»

Капитолина Онуфриевна заёрзала, прокашлялась тоненьким голоском и повела рассказ:

– Видит она будто, что земля сотряслась и великое светопреставление сделалось...

Но Аделаиде Пафнютьевне, только что с надеждой пригубившей рассказа, не успевшей ни насладиться, ни захмелеть от услышанного, так и не суждено было узнать о видении островной матушки Алипии. Потому что в это самое время великое светопреставление развернулось на дворе у самой Аделаиды Пафнютьевны. Сначала шум подняли псы. Потом к неистовому лаю присовокупилась женские крики, какой-то грохот и звон разбиваемого стекла. А в следующий миг в комнату ворвался младший из слуг Тихон и, тяжело дыша, выпалил:

– Полиция в доме... На двор через окна влезли... С переулка...

Не успевшая даже разобраться, что же произошло, Аделаида Пафнютьевна разом припомнила утреннюю дерзость квартального и, хватанув кулаком по столу, выпалила в ответ:

– Собак!.. Собак на них, Тишка... Собак спускай!..

Тишка, не привыкший обсуждать приказы хозяйки и уверенный, что нет на свете такого сумасбродства, которое не сошло бы с рук Аделаиде Пафнутьевне, весь затрясся от предвкушения небывалого на Москве побоища и помчался на двор. Туда, где у будок уже рвали свои цепи четверо меделянских псов.

Когда перед носом квартального надзирателя Попцова захлопнулись ворота кокоревского дома, служитель Фемиды оказался в щекотливом положении. С одной стороны, оно, конечно, – купчиха Кокорева зналась с самим митрополитом. Но с другой стороны, никак нельзя было позволить, чтобы полицию выталкивали взащей. И квартальный надзиратель Попцов отправился к частному.

Частный пристав, услышав рассказ о выдворении квартального из дома Аделаиды Пафнутьевны, пришёл в страшное негодование. И даже вслух назвал её «бесноватой бабой», а потом ещё «старой самодуркой». После чего самолично отправился к дому Аделаиды Пафнутьевны, по пути заготавливая слова. Частный привык действовать решительно, строго, но при этом в высшей степени обходительно. Потому что, по его убеждению, обходительность есть оружие сильнейшее, нежели грубая сила. Эту мысль он любил внушать и своим подчинённым, упиваясь сознанием того, что призван внушать людям неотёсанным хорошие манеры.

Частный воображал, как, придя к Аделаиде Пафнутьевне, он скажет о долге христианском и долге гражданском. Он непременно хотел бы произнести с укоризной: «Стыдно, матушка...», имея в виду как и брошенного Павлиныча, так и изгнанного квартального. Да при том как-нибудь эдак покачать головой или произвести другой какой жест. Главное – явить себя отцом, а не надсмотрщиком, и водворить попорченный порядок.

Но когда на вопрос, последовавший из-за ворот дома купчихи Кокоревой, кто он и что ему надобно, частный отрекомендовался, в ответ до его слуха донеслось:

– Не велено пускать.

Частный, было, решил, что ослышался, и попробовал разрешить недоразумение, вновь обратившись к невидимому собеседнику:

– Э-э-э... Послушай, голубчик... Кто ты ни есть... Я говорю: частный. Слышишь ли? Частный пристав. К хозяйке. По делу. Слышишь ты или нет?

Но из-за ворот донеслось:

– Что тут, глухие, по-вашему? Отлично слышу. А вот вы так не слышите. Хозяйка полицию пускать не велела. А коли мне не велено, так я и не пуцу. Хоть вы меня режьте, хоть смолу на голову лейте. Не пуцу – и всё тут... Хм... Дела у них... Знаем мы ваши дела... Милостей на всех не напасёшься.

Частный, начинавший чувствовать себя неловко, прокашлялся и сказал уже несколько менее обходительно:

– Ты вот что, сукин сын, отворяй без разговоров, не то...

Но он не успел ещё ничего разъяснить, как из-за ворот донеслось очередное «не велено», и верный слуга Аделаиды Пафнутьевны удалился вглубь двора, являя нежелание продолжать переговоры и перекликаясь с кем-то о предметах посторонних, к визиту частного не имевших ни малейшего отношения.

Частный пристав с чувством, как будто только что в лицо ему по очереди плюнули все домочадцы купчихи-самодурки, постоял ещё немного у ворот и даже зачем-то отколупал от доски небольшую щепку. После чего отправился восвояси.

Разговор этот происходил в то самое время, когда Аделаида Пафнутьевна, слушая жалобы Капитолины Онуфриевны на худое житьё, кушала крыжовенное варенье. О визите частного она и не догадывалась. Как не догадывалась о том, что против неё частный не просто замыслил, но и привёл в исполнение настоящий военный поход. План, предполагавший осаду недоступного кокоревского дома, был продуман до мельчайших подробностей.

Поместье Аделаиды Пафнутьевны располагалось на углу улицы и переулка. Так называемый «большой дом», где проживала сама хозяйка, несколько слуг и особо приближённые приживалки, стоял в глубине двора. На улицу выходил забор с воротами. А в переулок таращился окнами «малый дом», набитый каким-то разношёрстным людом, о происхождении и назначении которого не всегда знала и сама Аделаида Пафнутьевна. «Большой дом» был каменным, о двух этажах, с просторным мезонином и розетками по фасаду. С тылу помещалась веранда с выходом в сад, в летнее время вся уставленная розами в горшках. Потому что хозяйка обожала и розы, и розовый дух. И в жаркие дни непременно отдыхала на веранде среди розовых кустов. «Малый дом», тянувшийся по переулку, тоже был каменным, но низким и ничем не украшенным, отчего и напоминал более сарай. Войти в «малый дом» можно было только со двора.

Во главе небольшого карательного отряда частный решил начать приступ с «малого дома», в окна которого из переулка проникнуть было несложно. Тем более что кухонное окно подчас приоткрывалось. Конечно, вору следовало бы семь раз подумать, прежде чем лезть в кокоревские окна. Но полиция, на стороне которой стоял закон, лезла в эти самые окна с той же уверенностью, с какой рыба идёт на нерест, не ведая ни преград, ни сомнений.

Кухня, выходящая окнами в переулок и во двор, не стала сколько-нибудь серьёзным препятствием на пути частного пристава к справедливости. Разве что обитательницы кухни подняли визг, да на дворе заволновались псы. К тому же времени, когда отряд полиции сошёл из окон, Аделаида Пафнутьевна не только уже знала о прибытии непрошенных гостей, но и отдала распоряжения касательно их встречи. И встреча, в самом деле, была оказана весьма горячая.

Сама Аделаида Пафнутьевна и выглядывавшая из-за её плеча Капитолина Онуфриевна наблюдали встречу гостей из окна второго этажа, где и происходил их приснопамятный разговор.

На дворе, в углу, образованном с одной стороны забором, а с другой – «малым домом», сбились блюстители порядка, осаждаемые четырьмя меделянками.

Загнанная, в буквальном смысле, в угол полиция была вынуждена сменить наступательную тактику на оборонительную. И частный уже распатронил в песок перед пёсьими мордами свой Смит-Вессон, отчего-то опасаясь стрелять по самим псам. Меделянки, хоть и озадачились несколько выстрелами, но

воинственного расположения не утрачивали и, отступив, было, назад, вновь пошли на приступ, припадая на передние лапы и скаля огромные изогнутые клыки, обнажая при этом розовые в неровных чёрных пятнах дёсны.

Аделаида Пафнутьевна следила за происходящим молча, и сложно было понять, собирается ли она скормить частного своим меделянкам или готовится как-то иначе расстаться с непрошенными гостями, прибегнув к более традиционной церемонии прощания. Неизвестно также, сознавала ли Аделаида Пафнутьевна, чем могут обернуться подобного рода шутки с полицией или же вера в своё на Москве особое положение оставалась у неё незыблемой.

А между тем в каждом окне кокоревского дома показалось уже по старухе, а кое-где – и по две. Лица у всех были испуганными. То и дело старухи крестились, всплёскивали ручками и суетились всеми известными им способами. Что, как всегда бывает в подобных случаях, не оказывало на происходящее ровным счётом никакого влияния.

Сцена начала даже затягиваться. Казалось, и свидетели, и участники уже как-то с недоумением поглядывают в сторону Аделаиды Пафнутьевны, признавая, однако, что право последнего слова принадлежит именно ей. Но Аделаида Пафнутьевна, взяв паузу, не торопилась её нарушать, наблюдая за частным с таким видом, словно бы хотела сказать ему: «Ну что же, поглядим, на что ты годишься. Кроме как обижать бедную вдову».

Молчал и частный. Но молчал неспроста.

Лишь только столкнувшись нос к носу со свирепыми псами, он мгновенно оценил ситуацию и вывел для себя, что лезть в окна обратно, значило бы позволить псам впиться себе в лодыжки. И потому всем, кто оказался в окружении своры, частный приказал не двигаться. Последнему же из подчинённых, только ещё высунувшему на двор голову, велел дать задний ход и мчаться во весь опор за подмогой.

С хозяйкой обиженный негостеприимством частный решил не вступать в переговоры, уповав про себя на то, что помощь не заставит себя долго ждать. И снова расчёт оказался верным.

Весть же о том, что купчиха Кокорева травит у себя на дворе полицию собаками, разнеслась мгновенно. К кокоревским воротам стали подтягиваться любопытные, в среде которых уже зарождались истории о невинно съеденных, доказательством чему служили какие-то кости, валявшиеся на дворе и заметные наблюдателю с улицы через заборные щели. Дом Аделаиды Пафнутьевны вдруг сделался центром притяжения, апогеем чего стало прибытие к её воротам конного отряда полиции во главе с самим полицеймейстером. И уже без всяких распоряжений хозяйки псы оказались на цепях, ворота – нараспашку. И вовремя. Возмущённый полицеймейстер прибыл с одной-единственной целью: сломить сопротивление и наказать смутьянку. А потому и ворота, и псов, и Аделаиду Пафнутьевну ожидала в случае неповиновения участь весьма незавидная.

Лишь только ворота распахнулись, как поместье Аделаиды Пафнутьевны превратилось в подобие постоялого двора где-нибудь на бойком месте: иные спешили вверх, иные оставались верхами. Вместе с полицией сочли необходимым своё присутствие во владениях Аделаиды Пафнутьевны все те любопытные, что толпились вдоль забора, разглядывая в щели страшные кости. Затесался даже какой-то нищий, незамедлительно и безошибочно отправившийся на кухню, где, впрочем, был и накормлен, и вовлечён в беседу. Что до самой Аделаиды Пафнутьевны, то к ней, растерявшейся и не успевшей

решить, как следует относиться к новому визиту полиции, явились и принялись допрашивать. Допросили заодно и Капитолину Онуфриевну, которая ничего не могла толком сказать, а только тряслась, плакала и винула во всём лукавого.

Аделаида Пафнутьевна скоро взяла себя в руки и заявила, что пожалуется на охальников митрополиту, пригрозив полицеймейстеру анафемой. На что полицеймейстер пригрозил Аделаиде Пафнутьевне тюрьмой. При этом говорил он так убедительно, что на мгновение Аделаида Пафнутьевна почти испугалась и на всякий случай сказала только:

– Экий ты какой, батюшка мой, индюк!

На что полицеймейстер, отвернувшись и обращаясь к кому-то из подчинённых, заметил:

– Дайте вы только этой бабе волю, так она и крокодилов на вас спустит.

Разговор, однако, оказался не таким уж пустым, и дело, действительно, дошло и до тюрьмы, и до митрополита. Хотя ещё долго Аделаида Пафнутьевна не могла поверить происходящему. И когда уже был составлен протокол, и когда назначен был суд, Аделаида Пафнутьевна продолжала думать, что всё это *только так*. Даже когда суд постановил заключить купеческую вдову Аделаиду Пафнутьеву Кокореву на несколько месяцев под арест, она и тут ещё сомневалась и говорила сама в себе, что это только полицеймейстер сводит с ней счёты, для чего и пугает.

Но нет-нет, да и поворачивался в сердце Аделаиды Пафнутьевны червячок сомнения. И только благодаря этому червячку, она ещё до вынесения приговора отправилась к митрополиту, чтобы на всякий случай сообщить ему всю историю своих обид и лишений. Митрополит, как выяснилось, обо всём уже знал и казался страшно недовольным.

– Мыслимое ли дело! – взывал он к Аделаиде Пафнутьевне. – Да ещё в ваши лета!.. Благодарение Богу, что вы камнями не стали бросать, как это делают обыкновенно мальчишки... И как это только вошло вам в голову?! Да и чего добились вы дикими своими деяниями? Ничего, как только переезда в тюремный замок...

– Что же это, владыка?.. – хныкала Аделаида Пафнутьевна, подрастерявшая несколько боевой дух за последнее время. – Что же это они... неужто посмеют?.. Это вдову-то?.. Видать и впрямь в последние времена живём...

– И последние времена тут не при чём, и сметь нечего! Заслужила, так и отправляйся, матушка.

Тут только пришло Аделаиде Пафнутьевне на ум, что всё оно вовсе, может быть, и не *так*, а совсем даже как-то иначе.

Митрополит, правда, почёл необходимым вмешаться в дело и написал прошение на высочайшее имя, помянув заслуги, возраст и вдовство опальной купчихи. Говорят, Государь, лично ознакомившись с прошением, объявил, что даже если бы он сам вздумал травить полицию собаками, его следовало бы примерно наказать, подвергнув аресту. И лишь принимая во внимание заступничество самого митрополита, ну и, конечно, заслуги купчихи Кокоревой перед Отечеством, Государь дал своё согласие на замену тюрьмы для Аделаиды Пафнутьевны домашним арестом.

Несколько месяцев провела Аделаида Пафнутьевна, не выходя почти из комнаты. Всё это время на кухне в «малом доме» сидел городской, в обязанность которого вменялось наблюдение за исполнением приговора. И Аделаида Пафнутьевна, и городской изо всех сил старались избегать друг друга,

почему и не покидали Аделаида Пафнутьевна своей комнаты, а городской кухни. Объяснялась эта взаимная неприязнь довольно просто: городской, наслышанный о травле полиции собаками в доме купчихи Кокоревай, побаивался, как бы не довелось ему разделить участь сослуживцев. Да и кто разберёт вздорную старуху, которой в голову может прийти всё, что угодно. Что же касается Аделаиды Пафнутьевны, пострадавшей, как водится, за правду, от полицейского беспредела, одна только близость служителя закона внушала ей необоримое отвращение и опасение новых подвохов.

Нечего и говорить, что от нескончаемых обид, от чёрной неблагодарности, от беспримерной несправедливости Аделаида Пафнутьевна занемогла. Во всяком случае, она как-то вдруг осунулась, притихла, стала не в меру сентиментальна и слезлива. Руки её уж больше не походили на лебедей, скорее – на двух оципаных куриц.

Как-то уже Рождественским постом Аделаида Пафнутьевна удостоилась посещения митрополита. Потчюя высокого гостя, явившегося со словом утешения, Аделаида Пафнутьевна то и дело утирала слёзы, не в силах объяснить причин их появления. О чём бы ни заговаривал владыка, Аделаиду Пафнутьевну охватывали грусть и сжимающая сердце жалость к себе. Владыка, желая ободрить несчастную арестантку, завёл разговор, как ему казалось, о предметах приятных:

– Ну вот, – сказал он, – скоро всё уж и кончится. А Господь милостив, и сможете вы наконец вернуться к любимому вашему делу. Вот будет тепло, зазеленеет... А мы уж займёмся обустройством нашей обители...

Но к ужасу и удивлению своему владыка вдруг обнаружил, что не просто не смог утешить горемыку, но только вверх её в горшюю тоску.

– Ну будет вам, матушка!.. Нехорошо!.. Грех!.. – Взывал митрополит. – Скоро всё уже кончится... Да вам ли слёзы-то лить?.. Займётесь вы ещё монастырём, достанет вам сил... А уж я помолюсь...

Но стоило владыке вновь заговорить о монастыре, как лицо Аделаиды Пафнутьевны скомкалось и сделалось мокрым. Казалось, что влага волнами подступает к её глазам – слёзы не капали, а словно бы переливались через край.

Но как ни бился владыка, добиться каких-либо объяснений от Аделаиды Пафнутьевны он не смог.

А когда минул срок заточения, и Аделаида Пафнутьевна вернула себе свободу действий и перемещений, то незамедлительно со всем своим скарбом и целым караваном приживалок перебралась на дачу в Отрадное.

В то же самое время митрополит получил следующего содержания письмо: «Здравствуй, мой батюшка, милостивый государь. Не стану я в учтивостях-то рассыпаться – слишком я, старуха, тебе известна. Да и сама тебя не первый год знаю. Что было со мной, что за несправедливость довелось претерпеть, о том тебе, батюшка мой, ведомо и хорошо известно. К злодеям меня, старуху, причли. Да и то: не твоё бы слово, терпеть бы мне муку горькую, муку мученическую. И на том тебе моё старухино спасибо и низкий поклон. Только вот, что ещё имею сказать я тебе, батюшка мой. Давеча, предоброе намерение обнаружив меня утешить, вспомнил ты про обитель, к устройению которой назначена я по завещанию покойного супруга моего Никодима Нилыча. Оно-то по всему выходит благое дело, да только народ не то говорит. Знай, батюшка: отстроившего обитель Господь уж ждёт в своих палестинах. А мне торопиться некуда.

Мой старухин век и без того короток, чтобы я сама себе его укорачивала. Вот как почую, что нажилась, так и за дело примусь. А пока что оставь ты меня. Всё одно строить не буду. Хошь с полицией ко мне подъезжайте, хошь с солдатами. Вот такой тебе мой сказ будет. На том и здоров будь. Кланяюсь и доброту твою помню. Аделаида Пафнутьева Кокорева».

Говорят, митрополит был страшно недоволен новой выходкой Аделаиды Пафнутьевны. И даже будто бы назвал её в сердцах «иродиадой». Впрочем, это совершенно непроверенные слухи, и настаивать на них нет никакого смысла. А вот, что известно достоверно, так это то, что более уже темы обители митрополит никогда не касался, оставив Аделаиду Пафнутьевну наедине с долгом душеприказчицы. Сама же Аделаида Пафнутьевна в который уже раз проявила себя со стороны незаурядной, пожертвовав значительную сумму в Ивановский монастырь и переписав завещание супруга от себя на имя племянника. Тем самым племянник делался душеприказчиком Аделаиды Пафнутьевны и обязывался к устройению женской обители по смерти завещательницы.

– Что ему? – объяснила Аделаида Пафнутьевна своё решение нотариусу и случившимся рядом старухам. – В приметы он, я чай, не верит. Да и что ему, борову, сделается? А порадеет – душе польза.

Новая обитель действительно была обустроена уже после смерти Аделаиды Пафнутьевны. Но вовсе не на Воронцовом поле, а совсем даже в другом месте. И не племянником, но овдовевшей супругой его.

«А как же Павлиныч?», – спросит читатель. Увы. О Павлиныче ровным счётом ничего не известно. Должно быть, кто-то похоронил старика – не оставлять же, в самом деле, христианина в канаве. Но и кто, и где, на казённый ли кошт или на деньги боголюбивого гражданина – никто не смог бы рассеять туман недоумений и пролить свет сквозь тучи вопросов. Да и кто бы стал помнить о старике-нищем, когда в дело вмешались такие лица, что даже имена их боязно называть всуе?!.





Общеславянское государство вандалов

...Здесь некогда, задолго до нашей истории, проходила другая история, о которой нет письменных известий и есть только известия, извлекаемые от имён земли и воды.

И.Е. Забелин

Вандалами принято называть бессмысленных разрушителей. Но правильно ли это определение? Соответствуют ли этому исторические племена вандалов?

Многие, многие столетия шло противостояние Римской империи со славянскими народами, которые объединившись, образовали государство вандалов. Многие факты говорят, что вандалы – венеды – это славянские племена. И с этим согласны современные исследователи. В этом противостоянии со славянами агрессором выступала Римская империя, поскольку по системе своего хозяйства не могла существовать без рабского труда, без рабов, которых черпала во множестве из соседних славянских земель. А значит, никакой договорённости или прочного мира между славянами и Римом быть не могло. И положить конец имперской агрессии могло только уничтожение самой империи. Именно эта цель, а не обогащение, была основным мотивом всех славянских войн с Римом.

Можно только представить себе, какая ненависть к насильникам накопилась за сотни лет у пограничных с империей народов. И ответные военные удары вандалов по Римской империи нужно увязывать с общей борьбой славян по уничтожению империи – агрессора, врага на протяжении многих сотен лет. И это действие следует оценивать не с точки зрения рабовладельцев (Как же так! Народы, которые должны быть рабами Рима, с этим не согласны, и даже нападают и разрушают Рим – вандализм!), а с позиции обиженных и притесняемых (Да! Разрушить этот мировой



Юрий Александрович Яхонтов – профессор, доктор технических наук. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Член СП России. Лауреат конкурсов: «Лучшая книга 2011-2013» за книгу «Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика», «Лучшая книга 2012-2014» за книгу «То, что в сердце давно берегу...». Награждён орденом «Золотая осень» и.м. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалями и.м. А.С. Грибоедова, «Литературный Олимп», «А.П. Чехов». Живёт в Москве.



центр рабства, из которого сотни лет исходило зло!). И думается, пора положить конец этому выражению – «вандализм», ставшему крылатым. Ведь его придумали насильники и угнетатели (то есть это мнение по другую сторону фронта), приклеив его как ярлык к тем, кто освобождал народы от рабства, кто разрушал не «памятники античной культуры», а ненавистный центр работорговли.

К счастью, до нас дошли материалы, изложенные в рукописи А.Я. Артынова и приведённые в работе [31], где указываются факты древнейшей славянской истории, в том числе и о славянском государстве вандалов. И это, наверное, единственный дошедший до нас голос наших далёких предков, звучащий из тьмы тысячелетий.

Изложение материалов по славянскому государству вандалов в данной статье приведено по исследованию, выполненному в работе [31].

Задолго до образования Русского государства, произошедшего в результате объединения Новгородской и Ростовской земель, существовало огромное по размеру славянское государство вандалов, которое образовалось объединением славянских племён и родов. Славяне прежде, видимо, имевшие наименования по союзам племён – скифов, урало-россов и сарматов, стали называться вандалами. Славянство скифов и сарматов обосновано в работах [31, 32].

На рисунке показана схема ориентировочной территории славянского государства вандалов (сплошной линией) [31, с. 120]. Для построения схемы этой территории послужили следующие географические области и координаты, за период с 1208 по 608 гг. до н.э., как места проживания славянских племён, вошедших в объединённое славянское государство [31, с. 121]. Это: озеро Ильмень; пространство от Валдайской возвышенности и верховьев Волги до Уральских гор; территория от Карпатских гор (включительно) до Общего Сырта; степи от Аральского до Чёрного морей; территория от Каспийского до Чёрного морей, включая предгорья Кавказа; берега Дона и Волги и пространство между ними; берега Азовского моря и Северное Причерноморье; территория от Днепра до Дуная; оба берега Дуная и Балканские горы.

Участок от Дуная до Балтийского моря приведён на схеме с учётом сообщений античных авторов и данных материальной культуры. Данные топонимики подтверждают древность проживания там славянского населения. В работе [13, с. 57], например, говорится, что «территория верхней части бассейнов Вислы, Одера и отчасти Эльбы и Днепра... полна гидронимических повторов, что с несомненностью свидетельствует о языковой однородности создавшего её населения». Аналогично пишет и П.Н. Третьяков, что основной этнический массив на Висле, Одере и по верхнему течению Дуная издавна составляли славяне [27, с. 108].

В действительности суммарная территория расселения славян была ещё больше, чем территория государства вандалов, установленная на основании данных рукописи А.Я. Артынова. В неё также входила область проживания населения андроновской культурно-исторической общности. Самоназванием андроновцев было – сарматы, которые были одним из союзов славянских племён. Кроме того, этруски, относясь к славянским племенам россов (их самоназванием было – росы), также должны быть включены в суммарную область расселения славян. На рисунке эти дополнительные области славянского расселения, определённые по материалам археологии, исторических источников, лингвистики и топонимики, обозначены штрихпунктирной линией.

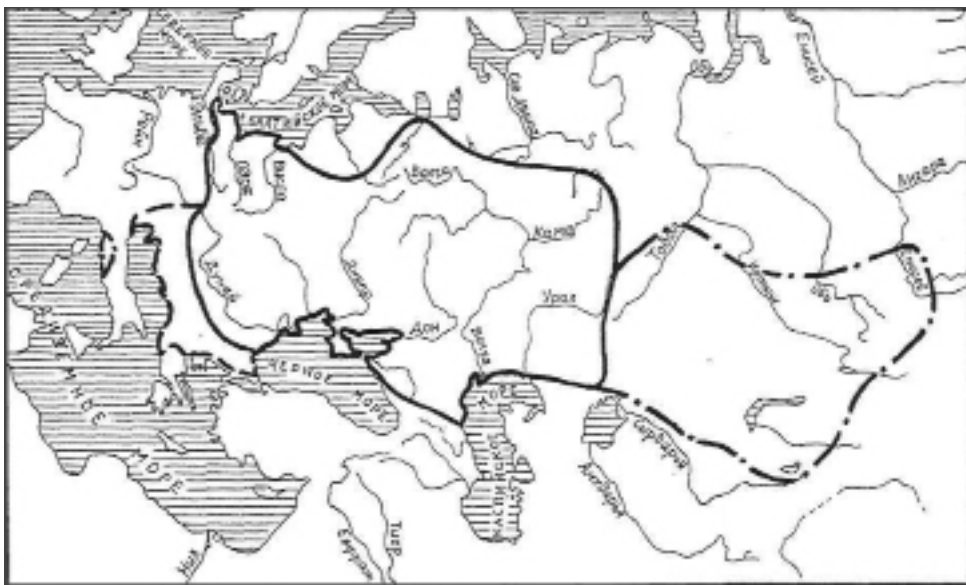


Рис. Схема примерного распространения славянских племён на VII в. до н.э.

Условные обозначения: сплошной линией показана территория славянского государства вандалов, определённая по материалам рукописи А.Я. Артынова; штрихпунктирной линией – в дополнение к территории, указанной сплошной линией, дана область расселения славян, составленная по данным археологии, исторических источников и лингвистики; пунктирной линией показана предполагаемая территория проживания славян, дополнительно к первым двум территориям

Следует отметить, что схема территории славянского государства вандалов определена за период с 1208 г. по 608 г. до н.э. Отдельно не учитывается территория, которая уже была занята славянскими племенами предыдущих переселений со времён Мосоха (с конца IV тыс. до н.э.). А эта территория в некоторых направлениях (например, на север) могла превышать границы, указанные на рисунке, и на ней также проживали славяне.

Территория государства вандалов, указанная на рисунке сплошной линией, колоссальна по размерам, превосходила все государства и империи, когда-либо существовавшие до этого, и составляла более 5,5 млн. кв. км.

Рассмотрим сведения исторических источников и исследования относительно вандалов-венеков и территории их распространения. В.В. Мавродин пишет, что в письменных источниках славяне выступают под названием венеды, и приводит первые сообщения об этом. Гесиод (VII в. до н.э.) писал об энетах, добывающих янтарь. Геродот (V в. до н.э.) сообщал, что янтарь привозят с реки Эридана от энетов (венетов). Об индах [вендах], земля которых лежит у берегов Северного океана и из земли которых привозят янтарь, добываемый в реке, писал Софокл (V в. до н.э.). Об энетах пишет и Скилак (IV в. до н.э.) [15, с. 31]. Таким образом, первое упоминание о венедках у Гесиода, в VII в. до н.э., удивительно точно совпадает по времени с образованием государства вандалов (славян) – также в VII в. до н.э.

То, что вандалы – это славяне, пишет Гельмольд: «Там, где кончается Полония, мы приходим к обширнейшей стране тех славян, которые в древности

вандалами, теперь же винитами или винулами называются» [4, с. 1, 2]. Страбон пишет, что после взятия Трои энецы переправились во Фракию и во время своих скитаний пришли в современную Энецику [24, кн. XII, гл. III, с. 8]. По мнению Страбона, энецы считались самым значительным пафлагонским племенем.

О венедках дважды упоминается в Певтингеровых таблицах, составленных в начале нашей эры [30]. У Плиния Старшего в «Естественной истории» написано, что «...эти местности вплоть до реки Вистулы (Вислы) заселены сарматами, венедками...». У Прокопия Кесарийского сказано, что «вандилы населяли прежде страну около Меотидского озера» [20, с. 23]. Иордан писал, что, начиная от Вислы, на безмерных пространствах расположилось многочисленное племя венетов, наименование которых теперь меняется соответственно различным родам и местностям, но преимущественно называются склавенами и антами [11, с. 71]. Этими сведениями фактически подтверждаются данные, что в государство вандалов (венеков) входили все славянские племена.

У современных историков принадлежность венеков к славянам не вызывает сомнений, а значит, и славянство вандалов также очевидно. Об этом, например, пишет С.П. Толстов: «Вандальский союз должен рассматриваться в своей основе как военное объединение именно славян-венетов» [26, с. 29]. В.В. Седов отмечает: «Очевидно, не случайно прибалтийско-финские народы до сих пор называют своих соседей славян (т.е. русских) венедками...» [22, с. 58].

Итак, вандалы (венецы) – это славяне. А значит, обратной экстраполяцией подтверждается славянство скифов, россос и сарматов, составлявших государство вандалов, хотя славянские племена по местам могли носить и другие наименования. Дальнейшая экстраполяция во времени также подтверждает ещё раз славянство более древнего населения этой же территории – археологических культур: волосовской, древнеямной, майкопской, афанасьевской, фатьяновской, срубной, андроновской и др.

Рассмотрим, как территориально согласуется государство вандалов, обозначенное на рисунке, со сведениями в сочинениях древних авторов. Диодор Сицилийский пишет: «Они [скифы] распространили господство скифов с одной стороны до Восточного океана, с другой до Каспийского моря и Меотийского озера». И далее: «Это племя широко разрослось и имело замечательных царей, по имени которых одни были названы саками, другие массагетами, некоторые аримаспами и подобно им многие другие» [7]. Территория скифов, указанная Диодором Сицилийским, в собирательное имя которых входили и другие родственные племена, хорошо соответствует территории государства вандалов, в которое входил и скифский союз племён [31, с. 122]. Диодор Сицилийский указывает, что многие названия племен получили от имён своих царей, и это лишнее раз доказывает, что при пестроте названий народов на географической карте они оставались близкородственными славянскими племенами, составляя единый славянский народ.

Помпей Трог писал: «Скифия, расстилаясь по восточному направлению, с одной стороны ограничивается Понтом, с другой – Рифейскими горами, с тылу – Азией и рекой Фасидом» [28, с. 55]. Причём, далее он указывает, что между отдельными народами нет никаких границ. Это, несомненно, говорит о единстве населения. То, что древние авторы считали население единым, говорит и фраза И. Флавия: «...те из скифов, которые зовутся сарматами...» [29, с. 483].

Из письменных источников, где рассмотрено население, входившее в обозначенное на рисунке государство славян, наиболее полным, хотя и позднее

по времени, следует считать сочинение Клавдия Птолемея, поскольку описание территории и народов в «Истории» Геродота во многом туманно и неопределённо.

По К. Птолемею, вся страна, которую населяли восточные племена, называлась Сарматией и делилась на Европейскую и Азиатскую. С запада Сарматия ограничивалась рекой Вистулой (Вислой), частью Германии и Сарматскими горами. Меотийское озеро и река Танаис служили границей между Европейской и Азиатской Сарматиями. С юга граничила Дакия, Эвксинский Понт, пограничная линия Колхиды, Иверии и Албании и далее Каспийское море. На востоке, у Птолемея говорится, что Сарматия пересекалась Рифейскими (Уральскими) горами [19]. Маркиан даёт аналогичное описание [16]. Если сравнить территорию, которую ограничил К. Птолемей (с севера у него, как и у других авторов, ясности не было), с картой на рисунке государства славян – вандалов, то аналогия их очевидна.

По карте к «Германии» К. Тацита территория венеков также начинается от Вислы [25], а сарматов он помещает на пространстве от Балтийского моря до Волги. В.В. Мавродин отмечает огромную территорию расселения венеков: от Балтийского моря (Венедский залив) и земли саамов до Карпат, от земли даков и сарматской лесостепи и степи до Вислы [15, с. 38].

Государство вандалов образовалось объединением всех славянских племён, которые состояли из основных союзов: скифов, россов и сарматов [31, с. 125]. Страбон в своей «Географии» даёт аналогичное деление: скифы, роксоланы и савроматы [24, кн. II, гл. V, с. 7]. Роксолан отождествляли с росским союзом племён. Аммиан Марцеллин фактически также подтверждает данную классификацию племён. Он пишет: «...живут скифы, смежные с азиатскими сарматами и соприкасающиеся с крайними пределами земли аланов» [17, с. 331]. То есть с учётом того, что аланы также входили в росский союз племён, у Марцеллина такое же деление племён: скифы, аланы (россы) и сарматы. В целом письменные источники подтверждают обозначенную на рисунке территорию государства вандалов (славян).

Ко времени образования общеславянского государства вандалов относится и расцвет звериного стиля в искусстве на территории Евразии, отмеченный многими исследователями [3; 10 и др.]. Причём отмечается, что «появление предметов, украшенных в зверином стиле, на обширной территории Евразии представляется внезапным, не подготовленным предшествующим развитием» [18]. Я думаю, такое внезапное появление звериного стиля и его единообразия на огромных пространствах может быть очень точно объяснено материалами данной статьи. А именно, расселение в Евразии вновь пришедших славян (последней волны расселения), которые принесли с собой звериный стиль, и объединение вновь пришедших славянских племён и родов между собой и славянами прежних переселений в единое славянское государство – отсюда единообразие звериного стиля на огромной территории.

В работе Б.Н. Гракова говорится, что скифские лук и стрелы распространились «на всю Фракию и по Дунаю до страны нориков, современной нам Австрии: основные образцы стрел в известном тамошнем Гальштаттском могильнике VI-V вв. до н.э. – скифские» [5, с. 59]. И это подтверждает вхождение и этих территорий в обозначенное на рисунке государство вандалов – славян.

Известно о большой устойчивости антропологических типов на огромных территориях Евразии. Причём эта устойчивость наблюдается как по

горизонтали (по территории), так и по вертикали (во времени). В работе [14, с. 170] приводится мнение Г.Ф. Дебеца, что «...в эту [бронзовую] эпоху население степной полосы СССР от Днепра до Енисея характеризовалось, в общем, единым физическим типом, получившим наименование протоевропейского». Исследования Т.С. Кондукторовой этот вывод подтвердили [14, с. 170]. Устойчивость эта наблюдается и для лесостепной и лесной полос.

На территории от Одера до Днепра, также входившей в государство вандалов, ещё в период средней бронзы жили племена, которые ряд исследователей определяет как праславянские. Археологически это было население тшинецкой и комаровской культур. И.К. Свешников пишет, что за общим происхождением, близкой материальной культурой, одинаковым уровнем развития хозяйства этих культур скрывается определённая более или менее чётко выраженная этническая и языковая общность [21]. К единой культурной и, вероятно, этнической общности относит эти культуры и С.С. Березанская [2].

В дальнейшем тшинецкая культура слилась с предлужицкой культурой, и образовалась одна лужицкая культура, которую принято считать праславянской. М.И. Артамонов писал, что «опираясь на археологические данные, мы можем считать лугиев такими же предками славян, как и венеков» [1, с. 5]. От себя уточню: венеки не предки, а славяне и есть.

Таким образом, очевидно, что на территории, где образовалось огромное государство вандалов (славян), с древнейших времён (на значительной территории уже с рубежа IV-III тыс. до н.э.) и до рассматриваемого времени (VII в. до н.э.) неизменно проживало одно и то же славянское население, с постепенным видоизменением духовной и материальной культуры во времени, которое происходило также за счёт переселения новых родственных славянских народов и объединения их с уже живущими здесь славянами. Основу государства вандалов в VII в. до н.э., видимо, составили славяне четырёх основных глобальных переселений: славянские племена Мосоха из Месопотамии; славяне протоиндийской цивилизации; славяне – трипольцы с образованием среднеднепровской, а затем фатьяновской культур; славяне последней волны переселения из Палестины. Также происходили переселения отдельных родов к своим единоплеменникам.

Картина единства и неизменности проживающего населения на территории образованного государства вандалов наблюдается и для более поздних времён. А.И. Соболевский приводит выводы А.П. Богданова, сделанные ещё в XIX веке. Краниологические исследования показали, что в курганах Московской, Ярославской, Тверской, Смоленской, Минской, Черниговской, Полтавской, Киевской губерний преобладает долихокефальный антропологический тип, который относится к одному и тому же племени. Причём выявленная территория долихокефалии во времена А.И. Соболевского ещё увеличилась и стала заходить на восток от Волги в Самарскую губернию и далее. А.И. Соболевский пишет, что это длинноголовое племя, по мнению антропологов, было скифами [23, с. 279]. А значит, добавлю от себя – славянами.

Итогом исследований А.П. Богданова явилось доказательство однородности древнего населения России и единства русского народа, издавна населявшего Восточно-Европейскую равнину [6, с. 10-11].

Итак, связующая нить славянских поколений идёт с глубокой древности (рубежа IV-III тыс. до н.э.) до образования государства вандалов и далее до славян летописного времени.

Письменные источники, археологические, антропологические материалы и данные топонимики достаточно убедительно подтверждают сведения об образовании государства вандалов, объединившего все славянские племена. В.В. Мавродин отмечает, что «славяне с самого начала сознавали своё единство, что подтверждается и письменными источниками» [15, с. 89]. Более раннюю, чем принято считать, государственность славян предполагал и Д.И. Иловайский, который писал, что цветущее состояние русской гражданственности в XI и XII веках не могло начаться только со второй половины IX века, но этому состоянию предшествовал, бесспорно, долгий период постепенного развития [9, с. 43].

Аланы – это славяне из союза племён россов. И сразу вполне соответствующим славянам выглядит описание алан, данное Марцеллином, что они высоки ростом, красивы, с умеренно белокурыми [русскими] волосами. Прокопий Кесарийский пишет, что «с именем вандалов слились имена аланов и других варварских народов...» [20, с. 53]. И.Е. Забелин говорит, что из Птолемеевой «Географии» очевидно, что северную часть нашей страны населяло племя, носившее имя алан, большой и многолюдный народ, занимавший самое нутро страны у своих Аланских [или Алаунских] гор. Причём Алаунская возвышенность была местом, где с древнейших времён господствовало наше северное славянство [8, с. 29-30, 345].

Славянами (вандалами) было построено множество городов, в каждом из которых был свой царь, дававший своему народу своё или любое другое имя [31, с. 120]. Итак, в государстве вандалов (славян) уже в VII в. до н.э. было построено много городов, что говорит о соответствующем уровне развития населения. Подобного факта не отмечено у других европейских народов. Подтверждением приведённому факту служат скандинавские источники, где Русь названа – Гардарики, что можно перевести как страна городов-царств. К месту будет вспомнить и русские сказки с их «тридевятым царством, тридесятым государством». Действительно, относительно дальняя поездка превращалась в пересечение большого количества разных царств. Видимо, и возникновение таких сказок следует отнести к этому (VII в. до н.э.) времени.

Литература

1. Артамонов М.И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси. КСИИМК, 1940. Вып. VI.
2. Березанская С.С. Восточнотшинецкая культура. В кн.: Археология Украинской ССР. Т.1. Первобытная археология. Киев: Наукова думка, 1985, с. 437.
3. Бессонова С.С. Памятники религии и искусства. В кн.: Археология Украинской ССР. Т.2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев: Наукова думка, 1986, с. 157.
4. Гельмольд. Славянская хроника. М.: АН СССР, 1963.
5. Граков Б.Н. Скифы. М.: МГУ, 1971.
6. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.-Л.: АН СССР, 1948.
7. Диодор Сицилийский. Библиотека. SC. I, 2, с. 458-459.
8. Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времён. Ч. 1. М.: Синодальная тип., 1908.
9. Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. М., 1882.

10. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Звериный стиль. В кн.: Археология Украинской ССР, Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев: Наукова думка, 1986, с. 166-167.
11. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М.: Восточная литература, 1960.
12. Киселёв С.В. Бронзовый век СССР. В кн.: Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965.
13. Кобычев В.П. В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973.
14. Кондукторова Т.С. Материалы по палеоантропологии Украины. Антропологический сборник I. ТИЭ. 1956. Т. XXXIII.
15. Мавродин В.В. Происхождение русского народа, Л.: ЛГУ. 1978.
16. Маркиан. Объезд внешнего моря. SC. I, 1, с. 249-251.
17. Марцеллин А. Сохранившиеся книги истории. SC. II, 2.
18. Мелюкова А.И. Скифское искусство звериного стиля. В кн.: Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989, с. 100.
19. Птолемея К. Географическое руководство. SC. I, 1, с. 228-246.
20. Прокопий Кесарийский. История войн римлян с вандалами. Кн. 1. С.-Петербург, 1891.
21. Свешников И.К. К вопросу о сходстве и различии тшинецкой и комаровской культур. В кн.: Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965, с. 91-92.
22. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982.
23. Соболевский А.И. Русско-скифские этюды. ИОРЯС. 1922. Т. XXVII. Литература 291
24. Страбон. География. М.: Ладомир, 1994.
25. Тацит К. О происхождении германцев и местоположении Германии. Л.: Наука, 1969.
26. Толстов С.П. Нарцы и волохи на Дунае. СЭ. 1948. № 2.
27. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М.: АН СССР, 1953.
28. Помпей Трог. История. SC. II, 1.
29. Иосиф Флавий. Иудейские древности. SC. I, 2.
30. Шафарик П.И. Славянские древности. Т. 2, кн. 3. Приложение VII. М., 1847, с. 29.
31. Яхонтов Ю.А. Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика. М.: Вече, 2009.
32. Яхонтов Ю.А. Ираноязычны ли были скифы и сарматы? Литературно-исторический журнал «Великороссъ» 2013. №4(10) с. 160-170.



Дядя Митя

«Ну, вот. По карте это должно быть где-то здесь», – подумал Алексей и свернул по трассе влево. Выпавший снег приятно скрипел под колёсами джипа, а новый ещё и парил в воздухе, как какое-то дивное волшебство из детской сказки. «Намело уже, будь здоров! Хорошая погода: минус пять – минус восемь, наверное».

Алексей взглянул на навигатор. Стрелка указывала, что цель близка. «Судя по всему, мне сюда», – заключил он. Впереди на столбе виднелся указатель «село Черёмушки», хотя на карте ничего подобного не было.

«Надо было новый ставить, правильно Миша советовал. Ладно, сейчас у кого-нибудь спросу», – он оглянулся по сторонам. – «И людей ни души. Надо же, а вроде, начало дня». Алексей включил заднюю и съехал на обочину.

«Да, красиво здесь», – повёл он взором окрест, открыл дверцу машины и вышел. Мороз слегка пощипывал нос. На свежем воздухе дышалось легко. Снег, как художник, окутал деревья: он лежал классически – красиво и ровно, белыми мохнатыми шапками. А небо чистое и такого приятного светло-голубого цвета, с редкими тёмными облачками, из которых, вероятно, и падал снег. Алексей стоял на склоне большой реки. Красивые краски. Даже нереально красивые.

В одном свитере, пусть даже и ручной вязки, всё же становилось прохладно, и он направился к машине. И тут, откуда ни возьмись, между ним и автомобилем оказалась какая-то женщина. От неожиданности он вздрогнул.

– Вы меня напугали, – выдохнул Алексей.

Женщина смотрела на него молча. Впечатление складывалось отталкивающее, будто перед тобой бомж. Длинные нечёсанные волосы, похоже, уже давно не мытые, мешки под глазами... Одета в какой-то балахон землистого цвета.

– Вы в Черёмушки. Не едьте туда! – произнесла незнакомка.

Алексей МУХИН



Алексей Мухин – родился в г. Узловая Тульской области в 1973 г. В 1980 г. переехал в Харьков. Здесь получил среднее образование и два высших. Окончил ХПИ (Харьковский Политехнический институт) в 1996 г. и ХИРЭ (Харьковский институт радиоэлектроники) в 2008 г. Работает бухгалтером. Пишет большую и малую прозу. Первый рассказ написал ещё в школе, во втором классе. Печатается в журналах. В 2012 г. вышла первая книга «Истории одной ночи» (сборник рассказов).

Живёт в Харькове.



– Вы знаете... я... – Алексей попытался приблизиться к ней.

Она развернулась и ушла.

«О Господи!» – перевёл дух Алексей. – «Хороший совет, ничего не скажешь: “не едь туда”... Главный редактор съест с потрохами! Ну и местечко».

Он тронулся с места и въехал в эти невесты откуда взявшиеся «Черёмушки». Впереди показалась улица, состоявшая из нескольких домов, довольно ветхих, а слева и справа – колодцы. Похоже, ими кто-то пользовался: от них тянулись ледяные дорожки. Но на улице никого. Только на дереве – ещё один странный указатель: «Дед Матвей (Дядя Митя) – шагов двадцать, ну двадцать пять, не боле», – и стрелка прямо. Надпись вызвала улыбку – двадцать пять шагов проделать несложно, хоть и на джипе. Впереди в одном из домов горел свет. «Наверно, сюда», – подумал Алексей и, посигналив, вышел из машины.

– Иду, иду, – послышалось со двора. Раздался лай собаки.

Да, деревня...

В воротах показался маленький дедок в обширном заячьем тулупе и с палкой в руках. Тулуп был явно не по размеру: кисти рук едва виднелись в рукавах. Но по тому, как были сжаты кулаки, ощущение складывалось, что сила в этих руках есть. Дед поправил на голове шапку-ушанку, улыбнулся и сказал:

– Привет. Тебя как зовут? – голос у старика был приглушённый и чем-то напомнил Алексею его дедушку.

– Меня – Алексей. Я корреспондент газеты «Новая жизнь». Собираю материал о древней русской народности, которая тут проживала ранее.

– Ну что ж, соберём, раз надо. Пойдём, поселю тебя, третья колонна.

Алексей улыбнулся этой странной шутке и направился вслед за стариком в соседний дом. Дед открыл дверь.

– А дом ничейный? – спросил Алексей.

– Тут место необычное, но ты ничего не бойся, тут никто не живёт. Проходи, располагайся.

– Да меня уже отговаривали сюда ехать...

– Вот Лизка, шельма! Носит её, где ни попадя. Не обращай внимания. Если что, говори, что ты мой гость, – сказал дед Матвей и включил маленький свет.

Алексей осмотрелся: всё скромно, но чистенько: печь, старенькие лавочки... похоже, на них ещё при Колчаке сидели. Справа – кровать, а за ней – окно во двор. Побелка старая, но дом ещё стоит.

– Я схожу за вещами, – развернулся Алексей.

– Давай, давай, я здесь подожду.

– Эх, хороша коньяка, – поцокал языком дед Матвей, осматривая машину. Алексей кивнул и пригласил его в дом.

– Да ты отдыхай, сынок, а вечером поужинаем и начнём писать эту твою диссертацию.

Провожая взглядом деда, удаляющегося восвояси, Алексей призадумался:

«Странно. Что он здесь делает один? Да и что это за место? На карте его нет...»

С дороги хотелось спать, так что он отбросил все мысли, расстелил белоснежную простынь, пропахшую свежестью и ароматом зимнего воздуха, бросил подушку, взялся за одеяло и... только повернулся, а на постели – на тебе! Девушка! Обнажённая и зовущая.

Это что ещё такое! Откуда? Так не бывает! Если бы кто-то входил, он не мог бы не услышать...

От неожиданности Алексей резко отпрянул. Потом вспомнил совет деда и произнёс:

– Я гость дяди Мити.

– Да знаю я, чей ты гость, – сладко молвила красавица и повела рукой по своему телу. – Иди ко мне.

Аппетитные формы, длинные завитые каштановые волосы, но...

– Вы кто?

– Я – Мария, – она перевернулась на живот. – Ты идёшь?

– Нет, я...

– Ну, тогда закрой глаза, а то я не одета.

Когда он открыл глаза, её уже не было.

– Тьфу ты! Как же я испугался, – он присел на кровать. Но усталость брала своё, сил хватило лишь на то, чтобы раздеться и завалиться спать.

Спалось хорошо. С улицы проникал свежий морозный воздух, в доме было тепло. Когда сон стал отпускать, первой мыслью оказалось: «Надо у деда про девицу расспросить».

Почему-то он не ощущал ни тени страха, напротив – лёгкость и комфорт. Он открыл глаза и включил свет – за окном уже стемнело, а в комнате – накрытый стол. На тарелках с блюдами – лёгкая салфетка, как в ресторане.

«Надо же», – подумал Алексей. – «Ай да дядя Митя!» Он взглянул на часы – семь. Пожалуй, дед вот-вот зайдёт на ужин, так что хватит валяться. Поужинать и переходить к делу!

Не успел Алексей снять салфетку, как раздался голос дяди Мити:

– Ляксей, эт я.

– Да, дядь Мить, заходи.

Тот вошёл.

– Привет. Выспался?

– Да, спасибо.

– Чё на Машку не согласился? Я думал, тебе с дороги расслабиться не помешает.

Он подошёл к вешалке, снял тулуп. Покряхтел немного и присел.

– Дядь Мить, да я испугался до чёрта.

– Никогда не говори этого слова! – пожурил дед по-старчески.

– Идёт.

– Ты в необычном месте. Считаю, что здесь сбываются мечты.

– Да ну?

– Ну да, – дед Матвей улыбнулся и повёл бровями. – Ну да, я тебе говорю!

И ничему не удивляйся. Народность у нас такая. Ты ж для этого приехал.

– Это да. Давайте ужинать? Спасибо за угощение, дядя Митя.

– Да ладно. Ты с дороги, я решил тебя побаловать.

Они расположились поудобнее и стали трапезничать.

– Дядь Мить, а почему ты Митя? Тебя ж зовут Матвей?

– Да так короче. Матвей – короткое Мать, а Мать – вроде как Мить. Ну, ты о себе-то расскажи: кто ты и что ты?

– Я – Алексей Матвеев, корреспондент газеты «Новая жизнь». Вот, дали редакционное задание – написать о малой российской народности, а то читать уже нечего. Читателя уже всем разбаловали.

– Эт да. Вы бы писали, что надо, а то всё развлекаете. Есть такая народность, я один из неё остался.

Алексей повёл бровями.

– Да-да, Ляксей, один. Здесь мы все и жили в этих краях... Да, чуть не забыл. Чтоб беседа клеилась... – дядя Митя встал и направился к своему безразмерному тулупу, запустил руку в его недра и вытащил бутылку водки.

– А... нет, дядь Мить. Я – пас.

– Ляксей! За знакомство.

– Ну, давай, – всё-таки согласился Алексей.

Беседа клеилась, рюмки опрокидывались одна за другой. Алексей даже забеспокоился, что переберёт.

– Не бойсь, – угадал его мысли дед, – это водка особенная, не берёт она.

– Ну, смотри, дядь Мить. Слушай, а что вы пели в молодости?

– «Мимо окон сельсовета я без шуток не хожу...»

Алексей рассмеялся.

– А серьёзно?

– Да всё русские песни и пели. Мы ж малая народность.

– Ну, а как жили? Небось, не хватало благ цивилизации?

– Каких? Телика чё ли? Вон, все блага у тебя за окном. Глянь, красотища-то какая!

– Это да, дядь Мить. Краски тут просто колдовские.

– Место особенное – поэтому, – заключил дед Матвей, подливая ещё водки. – Да у меня-то в избе телика и нет. Не люблю я его: безудержное веселье, одно реалити-шоу, все чему-то радуются, а вот подумать о себе, о душе, вам, современным, некогда. Мы-то жили в гармонии с природой, с Богом. Вот чужеземец нападёт на нас – по шапке надаём, а потом – ну, хочет, пусть живёт у нас. Нет – денег на дорогу дадим и с миром отправим. У нас все равны были. Вон у Петра дом сгорел, так все вместе строили. Денег не было – ну так что? Смотри: вода в реке, она ж ничья, наша, иди, бери, сколько хочешь. Вот так и жили, и всем всего хватало. Эх... – недоговорил дед Матвей и махнул рукой.

– Твоя правда, – Алексей откинулся в кресле и задумчиво уставился в потолок. – Насчёт телека согласен: смотреть стало невозможно. Да и вообще... всё бежим куда-то, спешим, а так никуда и не успеваем.

– Золотые слова. За успевание! – дед Матвей поднял рюмку.

– Давай!

Окончили далеко за полночь. Вся беседа осталась на диктофоне. Алексей благодарно проводил дядю Митю до ворот и лёг спать.

Проснуться пришлось рано утром от сильной головной боли. Видимо, вчерашняя бутылка всё-таки была лишней. Но рядом уже раздался голос:

– Ляксей! Вставай на опохмелку!

– Ой, дядь Мить, зря я тебя вчера послушал...

«Я сегодня до зари встану. Сам налью себе, и сам выпью. У соседа разобью ставни, потому что я один местный...» – весело напевая, дядя Митя налил чего-то в рюмку и подал Алексею. Тот выпил... и всё как рукой сняло!

– Ой, дядь Мить, а что это? Это ж не водка...

– О! Я тебе и говорю: слушай дядю Митю, и всё будет в порядке.

– Ясная голова. Нет даже намёка на похмелье, будто вчера ничего и не было.

– Это наша водка по старинному рецепту. Вот так вот. Потом, здесь такое место – здесь можно всё. Погода сегодня хорошая, пойдём рассвет встречать. Я всегда так рано встаю. По дороге расскажу тебе ещё кой-чего.

Алексей встал и начал одеваться, а дядя Митя вдруг заторопился:

– Э, гости у нас. Я щас, – он вышел.

Алексей взглянул в окно и увидел прямо перед домом... красноармейца времён Гражданской войны с винтовкой в руках и будёновкой на голове. Дядя Митя подошёл к нему, и они стали что-то обсуждать. Прикованным взором наблюдая за этой беседой, Алексей напряжённо пытался понять: где же он в конце концов, и что всё это такое?

– Э-э, вон оно как, – вернулся дядя Митя. – 65 лет прошло, а их всё находят. Но не будем грустить.

– Кого находят? – чуть не заикаясь, спросил ошарашенный гость.

– Я тебе потом расскажу, – отрезал дед. – Пойдём рассвет смотреть.

– Может, позавтракаем?

– На месте поедим, на реке.

Собрав всё необходимое, они зашагали в конец длинной улицы. Из окон соседних домов то и дело выглядывали люди. Алексей только и успевал кивать головой налево и направо.

Погода выдалась не морозная. Они устроились поудобнее на реке и стали наблюдать восход солнца.

– На, надень очки. Такого зрелища твои глаза не выдержат, – дед Матвей протянул Алексею солнцезащитные очки.

Краски и вправду были невиданные, Алексей смотрел, раскрыв рот. Дядя Митя тем временем достал все принадлежности для зимней рыбалки и приступил к своему делу.

– Вот и позавтракаем. Я ещё на уху наловлю...

За завтраком беседа продолжалась легко, словно и не прекращалась накануне.

– Дядь Мить, – между прочим спросил Алексей, – ты умный, скажи, вот почему: две бабы, обе роскошные – к одной тянет, а к другой нет? Ну, никаких эмоций не вызывает. Чё так?

– Организм подсказывает лучший объект для продолжения рода, – произнёс дядя Митя как-то задумчиво и вздохнул.

Они помолчали немного.

– Вот если бы рыбалка так не успокаивала нервы, всех передумал бы! – рявкнул вдруг дед в сторону лунки. – Ляксея, ну три часа сидим, и ни одной рыбы!

Алексей рассмеялся, и они стали собираться.

На пути обратно в одном из окон вдруг мелькнуло знакомое лицо: недавний гость красноармеец глядел на Алексея и улыбался, держа в руках подушку, – видимо, стелил себе постель.

«Освоился», – подумал Алексей. – «Как и я вчера – с дороги сразу в койку... Что-то здесь не то», – отделаться от общего ощущения странности происходящего не удавалось.

Дед Матвей, недовольный рыбалкой, всю дорогу молчал.

– Дядь Мить, ну давай сегодня я тебя угощу, не расстраивайся ты так, – похлопал Алексей его по плечу.

– Да ладно, – тот недовольно отмахнулся. – А чё, Ляксея, приходи опосля, у меня посидим.

Алексей закивал головой.

– Ты бы прогулялся. Погода сегодня славная! Места тут хорошие, воздух чистый.

Они попрощались, и Алексей решил пройтись.

– Только на кладбище не заходи. Нечего тебе там делать, – крикнул дед вдогонку и стал удаляться.

Алексей оглянулся на него и направился в сторону леса, думая обогнуть реку с другой стороны и посмотреть, как там. Прогуляться зимой по сосновому лесу – что может быть лучше?

Мысли улеглись. Тишина, покой. Он забыл обо всех проблемах в редакции, о «горящем» материале, о Люсе. Хотя Люся – то единственное, что ему всегда не давало покоя. Постоянные ссоры, дразги, да и поводов для ревности накопилось предостаточно.

Вот встретить бы её сейчас да и высказать всё, что думаешь. Как в тот день, когда они пошли в лес с друзьями и она всю дорогу проходила в обнимку с Мишей. А чего? Того понять можно: роскошная баба.

Алексей свернул по протоптанной дорожке и зашёл в самую чащу леса... Навстречу ему шла она, Люся!

Как?! Здесь? О Боже, где же я? «Тут место такое, всё возможно», – зазвучали в голове недавние слова деда Матвея.

Что ж, значит, правда. Была не была!

– Лёша, привет, – услышал он милый сердцу голос. Люся шла к нему, улыбаясь.

– Здравствуй, Люся, – начал он сухо. Затем собрался и выпалил: – Скажу тебе сразу, меня достали твои вечные истерики! Я задолбался тебя ревновать, и я никогда к этому не привыкну, даже учитывая твою прошлую профессию...

– А ты осмелел! Что это с тобой? – сказала она с лёгкой улыбкой. – Да, я шлюха. Ты закончил?

– Да, – удивлённо взглянул на неё Алексей. Та повернулась и стала удаляться.

Вдруг осознав, что она уходит навсегда, он кинулся за ней. Но – парадокс! – догнать спокойно идущую женщину не удавалось, хоть из кожи вон лезь.

Тьфу! Что же всё-таки это за место такое, а? «Где я???» – в сердцах выкрикнул он. Перевёл дух, огляделся и ничего лучшего не нашёл, как зашагать дальше по тропинке, идущей между двух высоких сосен. Умиротворённое состояние, к которому тут же возвращалась душа после, казалось бы, нештучных эмоциональных всплесков, ощущение вдохновения и полёта, так не вяжущееся с невозможностью всего происходящего, поражало всё сильнее.

Спустившись к реке, Алексей в очередной раз не смог удержаться от восхищения природой этого края, здесь просто дух захватывало. От избытка чувств он зачерпнул пятернёй снега, быстро слепил снежок и, захлёбываясь от восторга, как ребёнок, забросил его куда подальше в сторону реки. «Красота!..» Он постоял, наверное, ещё с минуту, пока в его раздумья не ворвался мужской крик:

– Помогите! Помогите спасти девочку!

Алексей обернулся. Навстречу ему, размахивая руками, как лопастями мельницы, бежал здоровенный мужик. Лицо красное, обветренное – в такой мороз и без шапки.

– Там девочка тонет, – выдохнул здоровяк, и Алексей помчался с ним к реке.

Девочку, лет шести, вытянуть, слава Богу, удалось. Мужчина взял её на руки и понёс к деду Матвею.

– От ты, непослушница, ну чего ты там опять лазишь, – заворчал дядя Митя, завидев ребёнка. Затем быстро стянул с неё мокрую одежду, уложил на кровать и давай растирать её своей водкой. Вскоре та стала приходить в себя.

– Ну, чего стоишь как истукан! – крикнул дед на мужика. Иди дров на рубай, первый раз что ли!

Алексей как-то даже вздрогнул: «Не в первый раз – в который же?» – подумал он и отпрянул к стене.

– Да ты сядь, – предложил дед и с заботливой улыбкой продолжил: – Главное, ничего не бойся и ни на что не реагируй.

От улыбки деда стало спокойнее. И вовремя, потому что дальше пошли события тяжёлые и с трудом укладывающиеся в сознание.

Дед Матвей накрыл девочку одеялом, сел рядом на стул и начал читать вслух какую-то книжку. С первых звуков Алексею показалось, что это не иначе как древние заклинания. И неспроста. С ребёнком стало происходить нечто невероятное! То краснея, то бледнея, мучаясь в бреде, в поту, она стонала, плакала, периодически успокаиваясь и засыпая и снова просыпаясь. Дед читал обыденно, словно поваренную книгу, лишь один раз махнул Алексеем рукой – мол, сиди тихо!

В какой-то момент показалось, что всё уже закончилось: ребёнок успокоился и лежал с закрытыми глазками, но дед не спешил останавливаться. Вдруг это ангельское создание с волосами цвета солнца резко поднялось на кровати и превратилось в карглазую бестию, уставясь на дядю Митю зловещим взглядом:

– Что ещё скажешь?! – прошипело нечто устами ребёнка.

Дед как ни в чём не бывало продолжал читать.

И всё понеслось по новому кругу: бред, крики, стенания, судороги... Уже казалось, этому не будет конца, и тут всё враз стихло, ребёнок задышал ровно и уснул.

– Баста! – заключил дед Матвей и глубоко вздохнул. – Ляксей, выйди, глянь, что там боец делает, – поднял он глаза на Лёшу и опять улыбнулся.

Ошарашенный, если не сказать больше, едва отдавая себе отчёт в происходящем, Алексей послушно вышел во двор. Здоровяк колот дрова, как машина. Лицо красное, а руки, ожесточённо сжимавшие топоры, от напряжения бескровны. Всё еще находясь в состоянии грогги, Алексей встал рядом и машинально спросил:

– А вы кто?

Тот перевёл дух и вытер пот со лба.

– Неважно кто, слушай дядя Митю. Пойду, пора мне, – пробурчал себе под нос незнакомец, вонзил топор в колоду и ушёл. Алексей так и остался стоять во дворе.

– Ну, где ты пропал-то, – выглянул дед, – мы тут уже с ума сходим!

Видимо, он имел в виду игры с ребёнком: из избы доносился залихватский детский смех.

– Иди к нам, чайку с брусникой попьём.

Растерянный Алексей, так и быть, пошёл внутрь. Девочка, которую, как

оказалось, зовут Настя, уже сидела за столом и как ни в чём не бывало пила с дедом чай. На столе стоял самовар, чашки с дымящимся чаем, тарелка с брусникой и баранки. Довольный дядя Митя смеялся и заигрывал ребёнка: а кто с большим хрустом съест баранку, а кто ложку с вареньем вылижет так, чтоб ярче блестела... Алексей прямо застыл на месте – так умилительна была эта картина, дед явно пребывал на седьмом небе от счастья: наверное, всегда мечтал о внучке.

– Садись с нами! – в который раз потребовал дядя Митя. Глаза его лучились.

После чаепития дед скомандовал:

– Ладно, Ляксей, нам пора. Сегодня новенькие пришли. Пойдёшь с нами: со мной и козявкой, – озорно взглянул он на Настеньку.

– Я не козявка, деда, – завизжал ребёнок.

– Тогда малявка, – продолжал настаивать дед.

– И не малявка! Я Настенька.

– Ой, моя хорошая, ну, пойдём собираться. Ты с нами, да? – обратился он уже к Алексею.

– Ну, конечно, дядь Мить, – вымолвил Алексей, не зная, что сказать.

Через пять минут вся компания уже шагала по улице.

Вскоре зашли в какой-то дом. Там оказались люди, очень бледные, и было их человек десять, наверное. Сидя напротив деда на диване, они внимательно слушали, не сводя с него глаз. Настя же, усевшись рядом с Алексеем, не уставала нащёптывать ему:

– Не бойся, всё хорошо, тут тебя никто не обидит.

Не на шутку напуганный, ничего не понимающий Алексей лишь послушно кивал.

Затем они пошли в другую избу, и началось то же самое.

Возвращались домой уже за полночь. Горели звёзды, освещая путь, скрипел снег под ногами, – втроём было весело.

Переночевали у дяди Мити. А утром всех разбудил крик петуха.

– Фу, бестия! – проворчал дед.

Петух, вроде, сник, все стали засыпать, потом снова: кукареку-у-у.

Дед Матвей, недовольно кряхтя, перевернулся на другой бок.

Дрёму прорезал третий крик.

– Да заткнётся ты когда-нибудь или нет! – крикнул дед в сердцах.

– Дядь Мить, тише, ребёнка разбудишь! – не выдержал Алексей.

– Да нет уже. Ушла она.

– Куда ушла? Как ушла? – аж подскочил Алексей на кровати.

– Да неважно... спи, – послышался тяжёлый вздох. – Не придёт ко мне больше моя козявка... ну ладно, всё когда-то заканчивается.

И тут, совсем некстати, раздался четвёртый крик петуха.

– Ляксей! Ты суп из петуха любишь? – дед вскочил в штаны и бросился за петухом.

В одиночку догнать петуха – задача не из лёгких, и через время со двора донеслось:

– Ляксей, помощь твоя нужна.

Суп из петуха был готов к обеду.

Всё утро Алексей провел у себя: информация, полученная от деда, требовала обработки. Да и дядя Митя просил к нему не ходить:

– Домашние заботы, ну на что тебе они? Вот управлюсь, суп сварю, и приходи.

На том и порешили. Работалось в охотку, и вдохновение было – нужные слова сами ложились на чистый лист, ручка, казалось, скользила по бумаге без напряжения, словно фигурист, выделявая всякие крючки да завиточки. С определённого момента Алексей даже перестал узнавать свой почерк, настолько аккуратным он выглядел. В голову вдруг залетела шальная мысль: может, это дед руку приложил...

Настроение было не просто отличным – возвышенным! Он творил! Рассказы деда на глазах приобретали зримость и объём, превращаясь в достоверную картину истории и быта далёкого народа, видимую настолько чётко, словно ты сам его часть: вот одни строят, другие пашут, воины защищают свою землю от жадных и завистливых врагов... Материал стал приобретать уже вполне определённые очертания, и казалось, всё почти готово, вот только ещё чуть-чуть, последняя деталь, последний штрих.

Отбросив ручку и заложив руки за голову, он откинулся в кресле. Надо было перевести дух.

«До чего ж хорошо здесь!» – воскликнул Алексей, мечтательно глядя в окно.

Ему всегда казалось, что всё не вечно под луной, и ощущение удовольствия тоже. Как мы живём? Сегодня нам хорошо – завтра плохо. А здесь всё было не так. Упоение, одно сплошное упоение. До чего ж было хорошо на душе!

Незаметно подошло время обеда. Он накинул куртку, обулся и направился к деду.

– Суп сам знаешь из кого, – поставил дядя Митя горячую тарелку перед гостем. – Ляксей, не в службу, а в дружбу, из тулупа достань.

Алексей ухмыльнулся, сообразив, что дело идёт о бутылке.

Они сели.

– Ну что, как поработалось? – спросил дядя Митя, зачерпнув суп ложкой.

– Да почти всё готово, только штрихи остались...

– А чё те надо-то? – не дал договорить ему дед.

– Ты знаешь, дядь Мить, наверное, просто рассказывай. По ходу видно будет.

– Ладно, Ляксей, тогда слушай, – начал дед Матвей. – Понимаешь, что для нас было главным: мы после себя должны были что-то оставить. Ну, вот сапожник – сапоги, писатель – книжку. Народность должна чем-то обогащаться. Вот помрёшь ты – и чё? Что будет после тебя? Ты скажешь, дети – ну, правильно, только дети тоже помрут, а тебе нужны вещи вечные: книга, слово, добро, сапоги...

Алексей рассмеялся, заподозрив, что связи между книгой и сапогами не будет.

– Не перебивай дедушку, – пошутил дядя Митя. – Ну, это должны быть лучшие сапоги: чтоб ты умер, а о тебе помнили. Так цивилизация обогащается. Вот какая тебе разница, кайфуешь ты от палки колбасы или от модных брюк? Тут кайф нехитрый, однотипный. Так стоит ли гнаться за новыми штанами, только потому, что старые вышли из моды?.. А ты, Лёш, сходи в лес, на речку – вся природа с тобой разговаривает тысячами голосов, а мож, миллионы. И почувствуй: ты – человек, часть этой жизни, совершенствуй себя – и

жизнь ощутит твою заботу о своей частичке. Вот такая мораль была... Да много чего было... ладно, потом, давай поедим.

– Интересно ты рассказываешь, дядь Мить.

Тот почему-то усмехнулся и принялся молча есть. Алексей разобрался с супом раньше, приложил салфетку к губам и объявил:

– Дядь Мить, я пойду пройдуся. У меня почти всё готово!

– Я смотрю, ты в настроении, – заулыбался дед.

– После вчерашнего, ты знаешь... – начал Алексей.

– Иди, иди, третья колонна, – заторопил в шутку дед, видимо, снова-таки имея в виду «пятую колонну».

– Дядя Митя! – чуть не обиделся Алексей.

– Лана, шутя я... Только на кладбище ни ногой.

Маленькое ухоженное кладбище в чистом поле, покрытом снегом. Дорожка вытоптана кровавыми следами... Что-то потянуло Алексея подойти ближе.

На одной из плит – портрет Насти, а вот – портрет того здоровяка, что её спасал. А это... Люся! Люся-а-а-а!.. Он закричал что есть силы, упал на колени и закрыл лицо руками. И ещё долго ему вторило эхо. И тут он вдруг ощутил, что ничего нет... Вода и снег, поле и небо... только нет ведь этого всего. Это даже не пустота – нет самого пространства, и он здесь один. В ушах зазвучал слышанный когда-то рассказ бабушки. Ей приснился умерший сосед. Она спросила: «Ну, что там?..» – и он ответил: «Ничего. И очень холодно». Так вот оно что. И правда, холодно. Холодно и жутко.

– Ну чего ты туда полез! – дед Матвей склонился над постелью Алексея. – И я ещё дурак: как можно вам что-то запрещать, – заворчал он по-старчески.

– Это сильно страшно? Дядь Мить? Прости меня, дядь Мить, – говорил Алексей, еле ворочая языком. С него градом катился пот.

– Время чуть тебя не засосало. Остался бы где-нибудь там, непонятно где, во временной яме. И пиндык! Хорошо хоть Лизка, шельма, шляется где ни попадя, вот хоть толк с неё какой стал.

– Дядь Мить... – пытался что-то сказать Алексей, но дед не дал договорить:

– Ладно, расскажу тебе, что это. Вот этот здоровяк на реке, утопил он эту девочку из-за наследства. И сам потом сдох в этом же озере. Теперь вот здесь. Спасает её каждый день, всё вину перед Господом исправить хочет. Красноармейца этого нашли недавно, вот тоже ко мне попал. НКВДэшник – столько людей на тот свет отправил, что... ой, говорить не охота!

– Дядь Мить, мы живы?

– Да, мы живы. Ты да я. Сидим тут вместе с проклятыми Богом скелетами!

– Мне кажется, ты их делаешь лучше... читая молитвы.

– Может быть, ты и прав, – дед Матвей встал, подошёл к камину и бросил в него ещё одно полено, которым тут же увлёкся огонь. Затем вернулся в кресло и набросил на себя одеяло.

– Ты знаешь, времени нет, это доказал ещё Эйнштейн. Прошлое так же реально, как и настоящее. Вот только где оно? Оно здесь. Я вообще не знаю, где мы находимся. Бог не даёт ответы на все вопросы, чтобы ты мог куда-то расти, к чему-то стремиться. Я не знаю, где мы, не спрашивай. Да, твоя...

– Люся? Что с ней? – встрепенулся Алексей.

– Лежи спокойно, не вскакивай, ты не зря её ревновал, умерла в постели со своим любовником. Он её до смерти... того...

– Люська, Люська, она любила это дело, – запричитал Алексей.

– Выпьём? Тебе не помешает.

Алексей криво улыбнулся.

– Закрой глаза, – сказал дядя Митя.

Алексей закрыл, а когда открыл, увидел накрытый стол. Он потихоньку встал с постели и перешёл к столу.

– Дядь Мить...

Дед Матвей опять не дал договорить.

– Я не рассказал тебе, зачем я здесь, – тон его немного изменился и стал грустнее. – Я её жду. Она придёт сюда... Сорок лет прошло, а всё никак не могу её забыть. Эх, да ладно, давай сменим тему.

Дед Матвей налил ещё своей волшебной водки, и они отвлеклись от грустных раздумий. Дед опять шутил, вспоминал какие-то байки.

– Эх, Ляксей! Машку сегодня примешь?.. Стриптиз хочешь?

– Дядь Мить, о чём базар, – заулыбался Алексей, разведя руки в стороны.

Откуда ни возьмись появился шест. На нём повисла голая Маша и под крики деда «Маня, жги» начала вытворять такое...

Так они просидели почти полночи. Дед Матвей попрощался и пошёл к себе.

– Как думаешь, я ещё ничего? – с этим вопросом дед Матвей пришёл к Алексею ранним утром. Солнце уже светило вовсю. Алексей открыл окно, и морозный запах зимы вошёл в дом. Дед стоял в дверном проёме и улыбался. Побритый в кои-то веки, одетый в старую, но чистую белую рубашку, причёсанный (две волосины в два ряда) и довольный.

– Умерла она, – довольный, проговорил он. Сейчас в гробу лежит перед домом. Ничего, ещё часа два, и будет здесь. И будет моя. А пока пуцай там погрустят о ней, споют на поминках, поплачут... Но потом, – выражение лица дяди Мити резко изменилось, – потом она – моя! Уж я с ней! Здесь, на каждой койке! Нагоню прошлое!

Алексей при этих словах аж шарахнулся.

– Ну, знаешь, дед Матвей, я слушал тебя всю дорогу... но теперь... – и вдруг, как гром среди ясного неба, пронзила догадка: – Ты... ты ведь умер... умер, да? – часто дыша, выдавил он и стремглав кинулся из избы.

Не помня себя, Алексей забежал в дом к деду Матвею. Так и есть, тот сидит там же, в кресле у камина, где сидел вчера. Так и умер в кресле, закутанный в одеяло. А этот... кто же этот, бритый в рубашке?

Когда он вернулся к себе, дед Матвей всё так же стоял в дверном проёме, ожидая возвращения Алексея.

– Ну, прибежал? Глупый ты. Потому что молодой. Ну какая разница, мёртв я или жив? Это всё одни слова. Главное, что рядом будет она, и не семьдесят, не восемьдесят лет... а вечность! Вот что главное, когда есть любимый человек! Ляксей, не плачь!

Слёзы текли самопроизвольно: психическое напряжение последних дней дало себя знать. Пытаясь совладать с собой, Алексей посадил деда в кресло. Затем всё-таки взял себя в руки, улыбнулся деду и решил помочь ему выглядеть на все сто: подправил его неумелое бритьё, надел на него свой костюм, что брал в дорогу, и галстук с белой рубашкой.

– Ну, всё, Ляксей, тебе пора! – серьёзным тоном сказал дед Матвей. Они обнялись. Алексей вышел и направился к машине, а дядя Митя остался провожать его взглядом, стоя у дороги. Внезапно Алексею сильно захотелось оглянуться, и...

Кругом была весна, только входящая в свои права. Пели птицы, лучи солнца еле ласкали, но ещё не грели. На дороге стоял дед Матвей в образе двадцатилетнего юноши с русыми волосами, в стильном костюме зелёного цвета. В руке – букет цветов, а рядом – она, в летнем бежевом платье.

Красивее женщины Алексей так потом и не видел за всю свою жизнь.

Он сел в машину и снова взглянул на дорогу: снег, метель... – включил дворники и прибавил скорость. В папке на соседнем сиденье, как он и думал, оказался отчёт о малой народности, написанный дедом Матвеем, но аккуратным почерком Алексея. А в конце отчёта – приписка уже другим почерком:

– А вообще, херня это всё, Ляксей. «Мимо окон сельсовета» – вот это жуть! Вот он, народный фольклор!





ПОЭЗИЯ

Светлана ГОРОШИЛОВА

Светлана Борисовна Горошилова – родилась в Заполярье на Полярной станции. По образованию – технарь, по складу души – поэт. Автор двух поэтических книг «Верю» и «Полёта память». Победитель конкурсов «О чести, доблести и славе» (2002 г.) и «Русь Православная» (2013 г.). Член Союза писателей России. Художник. Член Международного Художественного Фонда и Международной Федерации Акварелистов.

Живёт в Москве.



«Проторю своих тропок немало...»

Мне нравится

Мне нравится окольною дорогой
бродить под вечер, глядя в даль.
Смотреть на небо, не томясь тревогой,
на власть покоя променяв печаль.

И ни о чём житейском не тоскуя,
вести с дорогой тихий разговор.
И жизнь вокруг, без вымысла, простую
принять как дар, не затевая спор.

Вечерних трав и пенье, и молчанье
уходит в поле, я иду за ним.
Как ярко здесь природы дарованье –
быть добрым собеседником твоим.

И словно нет просторам этим края,
задумчивы, но вовсе не бедны.
Мне нравится, вдоль по меже шагая,
глядеть на все четыре стороны,

вдыхать покой и радость понемногу,
благодарить безбрежный свод небес.
Но... скоро солнце сядет на дорогу
и, отдохнув, уйдёт за дальний лес.



Извилист в жизни путь, лукавы цели.
Живу в кольце стенов и страстей.
Но, чтоб в душе надежды уцелели,
не пью «отвар» из теленостей.
Где светлый разум моего народа?
Нет, я не хнычу, Боже упаси.
Но как же горько мне, что год от года
всё меньше русских песен на Руси.

Откликнись, родная душа

*...И заноза под сердцем, ты знаешь,
саднит и болит
за деревню свою, за судьбу
обнищавшей деревни...*

Александр Росков

Да, в городе душно и тесно,
и в мыслях порою разброд.
Как суетно и повсеместно
погряз в заблужденьях народ.
В соблазнах, обманах, без воли,
с тоскою один на один
и с криком в пространство: «Доколе
народ наш не будет один?»

...Стою на крыльце деревенском,
прохладой вечерней дыша,
и слышу в пространстве вселенском –
«Откликнись, родная душа!
В ком совесть и сила доньше,
и с верою крепкая нить,
придите на русской святыне
порушенный быт возродить!»

И встал монастырь пред глазами
времен прапрадедовских тех,
где русский монах со слезами
Спасителя молит о всех.

Утренник-то, утренник какой!
Белым цветом высветились росы,
яблоки в траве и те белёсы,
а на небе тучки ни одной.

Алую на плечи брошу шаль
 вязаную, с длинною каймою,
 посмотреть на луговую даль
 по тропе с зелёной бахромою
 выбегу. А там во все концы
 солнышко улыбки разбросало.
 Возгордились, приняв покрывало,
 не стога – творения венцы.
 А совсем недалеко гумно
 шиферною крышей серебрится.
 А под нею – золото-зерно,
 хлеб насущный – матушка пшеница.
 За оврагом юный пастушок
 опекает небольшое стадо.
 Всё обычно, всё идёт как надо,
 здесь народ развал осилить смог.
 ...По колено вымокла в росе,
 но любви, восторгу нет предела...
 Родина, я очень бы хотела,
 чтобы солнцу радовались все.

Вот и август к концу,
 на исходе крылатое лето.
 Отцветают и жухнут
 на поле трава и цветы.
 Всё что пело, цвело,
 было ласковым солнцем согрето,
 обретает покой,
 улетаёт, меняет черты.
 У заснувших стогов
 на духмяных недавно покосах
 на паучьей струне
 тихим звоном тепло отзвенит.
 И на смену придут,
 и засветятся белые росы,
 и листву соберут
 с одиноких берёз и ракиит.
 Нагляжусь, надышусь
 проторю своих тропок немало...
 Как нигде здесь светло,
 но настанет пора уезжать.
 До земли поклонюсь
 тем местам, где душа возростала,
 и с дорогою рядом
 будет речка Серёна бежать.

Память

От суеты в дорогу соберусь
 в который раз проделать путь незримый
 в пределы тайны, где вершилась Русь,
 где память средь веков необорима.
 Душе моей там горе горевать –
 по всей земле могильные курганы.
 В который раз умчится в небо рать
 и в пыль степную сгинут басурманы.

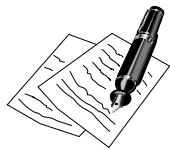
А на берёзах те же письма,
 и тот же горький привкус у полыни.
 И пращуров далёких имена
 в моей крови прописаны доньине.
 Окликнут: не пристало унывать
 и, помолясь, велят с колен подняться,
 и жить в добре, о них не забывать,
 чтоб силы богатырской не лишаться.

Земляк мой русский, слышишь ли набат?
 С времён былинных беды да набег.
 Ты чуешь – в душах множатся стократ
 любви и боли свежие побег.
 И нам в снегах идти, в траве до плеч,
 вживляя в память искры всех мгновений.
 Нам русский слог и синь очей беречь,
 и дом родной для новых поколений.

Так и живу

В душе есть и восторженность и боль,
 и благодарность голубому небу,
 любовь к земле, и уваженье к хлебу,
 и свет надежд, не отнятых судьбой.
 Так и живу, приняв от прошлых бед
 уроки – просто радоваться жизни,
 не предавать ни дружбы, ни Отчизны,
 и не считать своих минувших лет.





ПАМЯТЬ

Сергей КОБЕЛЕВ

Отец Глеб

Москва, первый день ноября, суббота. В этот день на Ваганьковском кладбище столицы много народу. Это можно объяснить: люди приходят на могилы родных.

Около большого деревянного креста без таблички собралось особенно много людей: несколько священников, мужчины, женщины в платочках,



Сергей Константинович Кобелев – родился 27 мая 1989 г. в Москве. В 2006 г. поступил в Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет на Исторический факультет. В годы учёбы в университете начал писать стихи и прозу. Осенью 2013 г. по благословению отца, протоиерея Константина Кобелева, начал работу по созданию филиала Бутырского музея при храме Покрова Пресвятой Богородицы на территории СИЗО № 2. Поёт в Домодедовском церковном смешанном любительском хоре.

Живёт в Домодедове.



Протоиерей Глеб Каледа



дети... Нет, это не похороны. Человек, который лежит здесь, умер, а точнее перешёл в иную, лучшую жизнь, двадцать лет назад, и спустя столько лет на его могилу всё равно приходят люди, причём не только родные по крови!

Только что прошёл дождь, который закончился с началом панихиды. Яркими пятнами выделяются облачения священников, у людей сосредоточенные, но светлые лица.



Протоиерей Дмитрий Смирнов и протоиерей Александр Ильяшенко на могиле отца Глеба

1 ноября 1994 года после тяжёлой болезни скончался Глеб Александрович Каледа, отец Глеб. Свои последние годы он посвятил пастырскому служению в Бутырской тюрьме. Отец Глеб не боялся подолгу оставаться наедине со смертниками в тяжёлые для страны девяностые годы.

2 ноября 2014 года, в Высокопетровском монастыре, месте, где тоже подвизался отец Глеб, прошёл вечер его памяти. Старший священник храма Покрова Пресвятой Богородицы, отец Константин, когда ему предоставили слово, вышел к трибуне с небольшой книжкой. Это были «Записки тюремного священника», написанные отцом Глебом. Именно на этой книге основано развитие современного тюремного служения.

Но это было не единственное поприще отца Глеба. Вспоминали и



Панихида на могиле отца Глеба



*В.Ф. Смык рассказывает о своей книге
«Небо и Земля отца Глеба»*

горящая на видном месте, пример для подражания всем христианам. Отец Глеб был выдающимся человеком, человеком, который при встрече с ним оставлял в душе неизгладимый образ. Можно и нужно много говорить о его заслугах в науке, о его пастырском служении, о его беседах со смертниками, о его апологетических трудах о Туринской плащанице, о сотворении мира, но, наверное, никакие рассказы не смогут заменить его живой образ.

его службу связистом в батальоне «Катюш» в годы Великой Отечественной войны, научную работу: отец Глеб – доктор геолого-минералогических наук, и его открытия используются сейчас при добыче нефти и газа, его тайное священство в советские годы, его пастырскую и образовательную деятельность в постсоветской России.

За последнее время я многое узнал об отце Глебе. Что-то мне рассказали его дети, что-то я узнал из его книг, а отец Глеб был писателем, что-то прочитал в книгах, посвящённых ему.

Недавно свет увидела книга Владимира Филипповича Смыка «Небо и земля отца Глеба». Чтение её вызывает желание стать лучше, в своей деятельности, в самой своей жизни, взять пример с этого христианина. Наверное, так и должно быть. Отец Глеб – это свеча,



Протоиерей Константин Кобелев



Протоиерей Кирилл Каледя и протоиерей Константин Кобелев служат панихиду по отцу Глебу в Высокопетровском монастыре

Тогда, двадцать лет назад, будучи пятилетним ребёнком, я ничего этого не знал о нём. Мой отец служил в то время диаконом в храме Илии пророка, Обыденном как его называют уже несколько веков.

Мы много времени проводили в домике при храме, куда часто приходил и отец Глеб, который в своё время начинал здесь своё открытое пастырское служение, когда он из тайного священника сделался явным.

Я помню большую залу в домике, ту самую, в которой ставили спектакли для детей, где происходили занятия воскресной школы, где обедали архиереи и сам Святейший Патриарх Алексей II после совершения Литургии в нашем храме, где праздновали свадьбу моего брата.

Эта зала залита тёплым светом ламп, и у стены на стуле сидит отец Глеб, точно такой же, как на одной из своих фотографий, немного сгорбившись, в чёрной рясе, с руками, сцепленными в замок и свободно лежащими на коленях. У него большой мудрый лоб и светлая улыбка на лице.

«Отец Глеб большой! Отец Глеб маленький!». – Эти слова я повторял тогда без конца. Мне казалось, что, наверное, есть два отца Глеба – одного я видел раньше, будучи совсем малюшкой, большой, величественный, а другой, который пришёл сейчас, – маленький, светлый и такой доступный. Может быть, я просто подрос. Но в то же время, наверное, в этом заключалась его тайна, его секрет общения с людьми, при его внутреннем величии, при его авторитете и заслугах, при общении с людьми он как бы умалчался, становился для всех и для каждого близким, простым, родным. Я не помню его слов или наставлений, но у меня есть своё сокровище – этот образ, который навсегда врезался в память.



ПОЭЗИЯ

Марина ЧИЧЕРИНА

Марина Борисовна Чичерина – родилась в Москве 16 февраля 1957 г. По профессии химик. Есть музыкальное образование по классу фортепиано. Автор-исполнитель, активный участник литературно-музыкальной студии «Златоуст» в Москве.

Живёт в Москве.



«Что чувствую, открою по секрету...»

Колыбельная

Солнечный зайчик шалит на стене,
Спит моя детка, ладошки раскрыв.
Бог подарил это счастье мне –
Пою колыбельную – прост мотив.
Голуби белые – ангела крылышки,
В небо взвились, синеву постигая,
Плавно кружат над Московскими крышами,
Радость свою в колыбели качаю.
Зайчик со стенки скользнул на подушку –
Чем же ты гредишь, сокровище славное?
Шёлковый веер кудряшек послушных,
Что ж тебе снится? А может быть, главное?
Голуби, голуби, птицы венчальные...
Предназначение судьбой принимая –
В нём каждой женщине завещание –
Нянчить младенца, к груди прижимая!
Песенка ласково шепчет заветное,
Сердцем пою о великом начале –
Ты подрастай, моё доброе, светлое,
Божье создание, не зная печали!

Искушение – трудное дело...
На иконы с надеждой смотрю...
Пусть терзает порок моё тело,
Но души ему не уступлю!



Я умоюсь святою водою!
Пусть горит за молитвой свеча...
Ангелок над моей головой,
И слеза на щеке горяча...

Что чувствую, открою по секрету –
Земное дышит счастьем и покоем,
Над миром плещет небо голубое,
Сады звучат сладкоголосой флейтой.
Легки напевы ветра в камышах...
Весь мир – оркестр, а дирижёр – душа!
Как слаженно звучит любая нива,
Способная родить, и так красива!
Деревьев звук густой, виолончельный
Разбавят скрипки ландышей звенящих,
И буря чувств восторженно-щемящих
Легко сойдёт к спокойствию постели...
Где в сумерках волшебною свирелью
Ручей о вечном мне поведать хочет,
По каплям счастье собираю, как умею,
А тёплый дождик надо мной хохочет...

Ты женщину встретил под Новый год!
И, вроде, близкую, но незнакомку...
Она в себе силы другие несёт,
Похожее имя сбивает с толку.

Что с тою, прошлою, было – оставь.
Встречался так, по-мужски сугубо.
А эта судьбой твоей может стать,
Не факт, что похожи глаза и губы.

Не надо равнять на одной волне...
Влюбляйся снова – красив и ярко!
Настолько разные, что вдвойне
Оценишь свой Новогодний подарок!!!

Дети выросли. Но вечера...
Длинные. Полные скрытой драмы...
Он рисовал сегодня, вчера –
Она разыгрывала гаммы.

Дом – работа, работа – дом,
 Вполне незыблемая основа –
 Друг против друга, в районе одном –
 Однообразны и безусловны.
 Он пешочком, потом в метро
 И на работу к себе на север –
 Она мимо окон его в авто
 Тоже на службу, путь неизменен...
 Не перекрещивались мечты,
 Руки, взгляды не соприкасались,
 Только тоненькие черты
 Одиночества в них сочетались.
 Он бы и рад, и она бы смогла...
 Только никак не сходились дорожки.
 И опять полуночная мгла
 Вгоняла в тоску, холодила до дрожи.
 Он нервно курил, выходя на балкон –
 Она у окна коротала ночи...
 Казалось, ну что б не звучать в унисон?
 Но некому было помочь им...



ПРОЗА

Василий КУЗНЕЦОВ

Голова

Юмореска

Он работал в науке по хозяйственной части.
 Был уволен по сокращению штата. Звонит своему знакомому:

– Помоги мне устроиться на работу.

Знакомый говорит:

– Устроить могу, но НУЖНА ГОЛОВА!

Он решил, как это делается в науке, подойти к проблеме основательно. Взял нужную литературу, стал изучать. Анатомию головы отбросил сразу – очень много латинских терминов: можно сломать свою голову. Заинтересовался литературными источниками. Прочитал, что головы бывают разными: большими, маленькими, тупыми, пустыми, умными, дурными, здоровыми, больными, садовыми, холодными, горячими, дубовыми, железными, трезвыми, пьяными, бездарными, глупыми, говорящими, дряхлыми, дырявыми, заурядными, идиотскими, легкомысленными, лысыми, лобастыми, мудрыми, наглыми, непутёвыми, овальными, озабоченными, отупевшими, плешивыми, понурыми, пропащими, пылающими, распухшими, тяжёлыми, упрямыми, ушастыми, хилыми, ценными, гуманными, шальными, щекастыми, яйцевидными.

Особенно его изумило то, что головы у людей могут быть ослиными, собачьими, лошадиными, бычьими, обезьяньими. А вскоре понял, почему его знакомый сказал, что НУЖНА ГОЛОВА: оказывается, люди бывают и безголовыми, что в голове могут быть ветер, каша, туман, чепуха, дурь, сквозняк, помутнения, и удивился тому, что когда мужчины любят женщин, тараканы в их головах кажутся им божьими коровками.

Чем больше он читал литературу, тем яснее понимал, что головы могут быть забиты пустяками, мякиной, чёрными мыслями и что голова обладает интересными свойствами – она может разламываться, разваливаться, раскалываться, трещать, гореть, гудеть, кружиться, пухнуть,



Василий Фёдорович Кузнецов – родился 8 марта 1935 г. в деревне Елизаветино Староюрьевского района Тамбовской области. Полковник в отставке. Ветеран Вооружённых Сил СССР. Награждён орденами «Красной Звезды», «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» и другими правительственными наградами. Член литературного объединения имени Ф. Шкулёва (г. Видное Московской области). Живёт в Москве.



шуметь, ходить кругом, заморачиваться, неплохо варить, что чем больше в голове извилин, тем труднее ими шевелить, что голова для некоторых ничего не значит, что её можно отдать на отсечение, спрятать в песок. Более того, голову можно снять, оторвать, выбросить, потерять, с головой можно окунуться в работу, учёбу, новые увлечения, кинуться в трясину, в омут, если в неё ударит хмель или моча, и тогда уже поздно посыпать голову пеплом и задавать себе вопрос: «А где же ты была, забубённая моя головушка?»

Некоторых людей озаряют мысли, что у них, оказывается, есть своя голова на плечах, но радоваться этому не следует, так как голова может быть и безмозгой.

Изучая проблему, он узнал ещё много интересного о голове: при желании, ей можно пробить стену, она может слететь с плеч, что все беды, как правило, сваливаются на одну голову, по ней можно бить, но только почему-то из-за угла, и обязательно пыльным мешком, что бывают люди без Царя в голове.

Самое ценное из всего, что он узнал о голове – это удивительное свойство перекладывать с больной головы на здоровую.

А когда его знакомый сказал, что на новом рабочем месте ему придётся работать не по часам, а головой, он побоялся отнести свою голову к перечисленным выше разрядам, оставил свою голову в покое и запустил в дело руки, предоставив свои «исследования» для юморески.



ПОЭЗИЯ

ИNESSA ИЛЬИНА
(ФЁДОРОВА)

ИNESSA ЯШИНОВНА ИЛЬИНА (Фёдорова) – член МГО Союза Писателей России, Союза Писателей XXI века, Академии Российской Литературы. Поэт, актриса театра. Автор книг поэзии: «И оживёт мой сон», «Маски». Лауреат различных литературных конкурсов и премий. Кавалер ордена «Трудовая доблесть России» (всероссийного фестиваля патриотической поэзии «Фортост» 2014, 3-е место), награждена медалями: и.м. М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, 55 лет МГО СПР России.

Живёт в Москве.



«Затрепещет белым флагом парус в море голубом...»

Венецианские сюжеты

Храм искусства – Венеции свет!
И во сне, не ждала – не гадала я,
Сочинять италийский сонет
Под магическим небом Италии...

Проступает сквозь облака
Лик художника, солнцем залитый,
Оживает Мадонна Литта
В ореоле святого венка...

Проявляется новый сюжет:
Сад божественный, вещее древо,
Искушает Адама и Еву
Преступить заповедный обет.

Я сама к искушенью близка,
Золотые глаза Тициана
Манят броситься в омут обмана
Сквозь палящие облака!

Венето

Под шелест голубиных крыльев
Проснулся италийский день.
Спадёт и он, как с плеч мантилья,
Но не теперь! Сиеста... Ленъ...

Балкон в цветах, фонтан на крыше,
Причал в ракушечной броне,
Нагретый воздух чуть колыхнет
Узоры листьев на окне...

Морская живность в час отлива
Торопится уйти в песок,
И Альпы смотрят горделиво
В туманной дымке на восток.

Bongiorno!

Bongiorno! – звучит мажорно,
Руку жжёт, пожимая пальцы,
Словно утреннее солнце,
Ненавязчиво-упорно.

Континентальный завтрак
Непритязательно прост:
И сегодня, и завтра,
Круассан и тост.

Главное – капуччино,
Любезно и чинно.
Ни к чему не придраться,
Arrivederci, crazie!

*Bongiorno (бонджорно) – здравствуйте.
Arrivederci (арриведерчи) – до свидания.
Crazie (грацье) – спасибо.*

Заблудившись в дальних странах

И на празднестве чужом
Одиночество – во благо.
Затрепещет белым флагом
Парус в море голубом.

Потаённые мечты,
Словно малые дельфины,
Подставляют ветру спины,
Не боятся высоты.

Да обрящем мы покой,
Заблудившись в дальних странах!
Посыпая солью раны,
Не найдя пути домой.



ПРОЗА

Екатерина ГЛУШИК

Немного о стихах Ахматовой

Сидя на банкетке в очередном бутике, куда был затащен ненасытной на наряды и обнови женой, Игорь уныло-обречённо глядел под ноги. Он уже не мог видеть все эти полки, кронштейны с тряпьем, одинаково однообразные в неуёмном желании создавших их модельеров соригинальничать, выделиться и отличиться. Игорь недоумевал: чего ходить от одной двери к другой, многочасово рыться в этом эксклюзивном хламе, как делает его Элеонора, если за дверями под разными вывесками – всё абсолютно, клонированно одинаково?

Магазинчик был небольшим, и жена, в другом конце зала щебетавшая с молодым, педерастического вида продавцом, словно свистела мужу в ухо. Свой возраст Элеонора скрывала всеми способами, в том числе манерой разговаривать: она брала высокие, выше своих естественных, ноты, и говорила скороговоркой, должной имитировать девичью непосредственность. Этим жена надеялась скостить себе пяток лет, но добивалась обратного результата: становилась похожа на стареющую дуру. И если в другом случае не обратил бы на неё внимание вовсе, то, услышав щебетание, невольно сравнивал внешность и манеру разговора и делал неутешительные для говорящей выводы: дожила до таких лет, а ума не набралась.

Игорь уже давно даже и не пытался хоть в чём-то образумить жену, дать ей совет. На начальном этапе супружества ещё что-то говорил, но очень быстро понял, что этим только усложняет себе жизнь: жена не терпела ничего, что не соответствовало её ожиданиям, и в случае трагического для мужа несовпадения желаемого и услышанного обрушивала на него всю вздорность своего характера.

Подневольному посетителю бутика Игорю нельзя было полностью, как хотелось бы, отвлечься от происходящего, занять себя какими-нибудь мыслями, поскольку Элен, как называла себя



Екатерина Фёдоровна Глушик – родилась в Ижевске, закончила филологический факультет Удмуртского государственного университета, работала учителем русского языка и литературы в школах родного города и группы советских войск в Германии (ГСВГ). Автор 10 книг прозы и публицистики. Лауреат премии «Эврика» за книгу рассказов «Простые разговоры». Лауреат премии «Лучшая книга года» (2006 г.) за книгу «Беседы о Сталине», дипломант премии им. А.Н. Толстого, победитель конкурса журналистских работ «Беларусь – Россия. Шаг в будущее».

Живёт в Москве.



жена, периодически обращалась к нему. И не дай Бог не откликнуться на первый же зов! Жена то и дело спрашивала его советов, в которых совершенно не нуждалась. На все её вопросы надо было отвечать «очень хорошо, чудесно подходит» и всё в том же духе. Но и для того, чтобы сказать эти нехитрые фразы, надо следить за происходящим, внимательно прислушиваясь ко всему.

Поэтому-то невольно и зафиксировал сидящий с опущенной головой Игорь приход в магазин новых покупателей: сначала в дверях послышался смех на два совершенно разных по тембру женских голоса. И тут же последовало обращение одной из вошедших к продавщице:

– Меня интересует чёрный кожаный ремень. Классический.

– Классических нет. Но вот посмотрите: выполненные в оригинальном, модном в этом сезоне стиле узорные ремешки, со стразами, пожалуйста, с большими металлическими пряжками есть.

– Ой, нет, все эти прибабахи – не для меня. «Муж стегал меня узорчатым, вдвое сложенным ремнём», – продекларировала посетительница. – Зачем нарываться и провоцировать? Ладно, если бы муж отстегал. А то за именем такового чужой дядя отхлещет собственноручно тобою купленным ремешком, – отказалась от предложения продавщицы женщина.

– Ольга Фёдоровна, Вы слишком высокого мнения о современных мужчинах. Они Ахматову едва ли наизусть знают, – весело сомневалась спутница искательницы ремня.

– В данном случае я бы даже предпочла, чтобы они не знали такого руководства к действию, но и не будем рисковать. Бережёную и ремень не хлещёт. Ну, мне больше и не надо ничего, Елена Георгиевна. Если Вас тоже ничего не интересует, пойдём?

– Давайте ещё посмотрим сумки. Сестре надо подарок выбрать.

Игорь поднял глаза на вошедших. В услышанном коротком незатейливом разговоре его поразило то, что, судя по всему, подруги, а по голосам, довольно молодые женщины, обращаются друг к другу на «вы». Но главное, ему хотелось посмотреть на женщину, которая, заходя в магазин одежды, чётко знает, что ей нужно, а не мечется от полки к вешалке и обратно. Неужели бывают такие? Хотелось своими глазами увидеть, как выглядят подобные женщины. Поскольку опыт его общения с противоположным полом тотально, строго регламентировала жена, то и представления у него были ограниченными. Конечно, когда-то, до женитьбы, он так или иначе общался с девчонками. Но было всё давно, словно в другой жизни. И был этот опыт не так велик. Да и многое стёрлось в памяти.

Спутницы, с полуслова понимавшие друг друга, были совершенно разными. Общим на вид был только возраст. Одна была в элегантном чёрном пальто, безукоризненно подобранной к нему шляпе, в сапогах на высоких каблуках, со сдержанной косметикой на лице.

Другая, которая и боялась узорного ремня, могла бы его и не бояться: такая сумеет за себя постоять. Крепкая, спортивно одетая: куртка, вязаная шапочка, джинсы, никакого макияжа. Она кивнула в сторону стеллажа, около которого сидел Игорь:

– Сумки у них, посмотрите, на той полке.

Направившись в сторону сумок, женщины оказались возле Игоря, вновь опустившего голову.

– Цены здесь кусаются, однако, – слышал он продолжение разговора.

– Да, но, по крайней мере, не загрызают насмерть семейный бюджет, как в других подобных лавках. Такая вам не нравится? – за этими словами последовала какая-то суета, и рядом с Игорем, чуть не угодив по голове, упал рюкзачок.

– Это мы в вас хотели попасть, – услышал он и поднял бережённую голову. Женщины улыбались.

– Промахнулись. Но можно ещё попробовать, – ответил он и тоже улыбнулся.

– Извините нас, – обратилась к нему та, что в шляпе. – Ольга Фёдоровна, вы так шутите, что человек может серьёзно решить, будто мы тут с вами умышленно хулиганим, – почти укоризненно уже к своей спутнице.

И тут же Игорь услышал женин окрик:

– Гуся, сколько можно к тебе обращаться? Чем ты там так увлёкся, что не дозовёшься тебя? Иди сюда сейчас же!

«Гуся», что было домашним прозвищем Игоря, покраснел, встал и поплёлся к жене, примеряющей очередную блузку. Женщины тоже пошли. Но на выход из магазина. Игорю стало стыдно перед этими молодыми весёлыми незнакомками за свою явную подкаблучность. Он и не увидит их больше никогда. Подумав об этом, вдруг загрустил и почувствовал раздражение, чего почти никогда не бывало. Он просто старался не давать волю чувствам. Но раздражение сейчас испытал. По мере приближения к супруге оно нарастало.

– Чего ты там фазаном хвост распустил перед какими-то шлюхами? – начала Элеонора, которую, безусловно, не интересовало мнение о блузке. Всё равно будет куплено то, что ею пожелается.

– Не выдумывай, – начал Игорь, но жена его резко перебила:

– Я ещё и выдумываю! Я ещё и виновата! Что, я не видела? Не слышала? Он там будет зубы скалить, не успеешь в примерочную зайти, а я – не выдумывай!

– Блузка тебе очень подходит, – попытался утихомирить и перевести разговор на приятную Элеоноре тему Игорь. Но попытка не удалась.

– Тебя не спросила. Тоже мне – эксперт! Что бы понимал! Ты мне зубы не заговаривай, – жена в раздражении вошла в примерочную и рывком закрыла штору. Выйдя, не глядя на Игоря, она бросила вещи, которые примеряла, в руки обслуживавшего её продавца, и двинулась к выходу. Парень, с которым она только что щебетала на высоких девичьих нотах, был изумлён и перемене голоса, вмиг ставшего неприятным визгливым фальцетом, и настрою ничего не брать, хотя буквально минуту назад озвучивалось желание «пожалуй, возьму это, это, это и вот то».

Игорь еле попевал за взбешённой Элеонорой. Она решительно шла в сторону, противоположную той, где они припарковали машину.

– Ты куда? Машина не там, – опять попробовал он поговорить с женой. Элеонора только этого и ждала:

– Да? А разве ты меня подвезёшь? Разве у тебя не назначена встреча с этими шлюхами, чтобы отправиться с ними заниматься групповухой? Что, я тоже могу рассчитывать на внимание с твоей стороны? У меня есть шанс? Насколько он велик?

С одной стороны, с женой бесполезно было говорить в такие минуты, которые Игорь всеми силами пытался свести к минимуму. А с другой, если молчать, не пытаться продемонстрировать свою покорность и чувство вины, даже не существующей, это вызовет ещё большее бешенство. И оно будет

иметь длительные многочисленные последствия, которые могут проявиться в самых неожиданных местах и моментах.

Жене невозможно было ничем угодить. Максимально, чего можно было добиться – чтобы она не скандалила. Она всегда и всем была недовольна. Игорем и всем, что его касается. И всегда довольна собой. Игорь попробовал добиться максимума – успокоить Элеонору:

– Элька, не дури! Ну что ты выдумываешь?

– Я – выдумываю? Может, мне эти шлюхи приснились? Может, это не ты перед ними улыбки расточал? Я уже забыла, когда ты вообще улыбался. Конечно, разве я стою упражнений твоих лицевых мышц?! Я же не шлюха какая-нибудь, чтобы мне улыбнуться. Я же всего-навсего мать твоей единственной дочери! Хотя, у такого кобеля детей может быть огромное количество. Если, конечно, кто-то, кроме меня, дуры, решился бы родить от такого! – Элеонора разрыдалась. – Где была моя голова, когда я выходила замуж? Вот получаю благодарность за свою жертву. Кому я молодость отдала?! – не обошлась жена без привычной фразы.

К молодости, ко времени замужества весьма уже относительной, не было приложено ничего вполне для этой поры естественного – ни красоты, ни очарования. Не была обременена жена молодость и умом. На худой конец, приданое бы какое-никакое материальное могло быть приложено. Но не было. Однако фраза об отданной молодости всегда выкрикивалась с таким пафосом, словно при ней в избытке было и то, и другое, и третье-четвёртое.

– Извини, я не хотел тебя обидеть, пойдём домой, – начал привычно унижаться Игорь.

– А чего ты вообще хотел? Хотел, чтобы я предложила этим потаскухам создать шведскую семью? Чтобы я пригласила их к себе домой? Никуда я не пойду! – жена остановилась.

– Хорошо, я сейчас подъеду на машине за тобой, постой здесь, – Игорь заспешил к машине.

– Если через минуту не будешь – пеняй на себя, – крикнула вслед Элеонора.

Подъехав за женой, Игорь не увидел её на том месте, где оставил. Это естественно: она бы не была сама собой, если бы не усугубила ситуацию. Заметил жену он далеко впереди решительно шагающую, подъехал. Она ещё долго не садилась в машину, и он ехал рядом, уговаривая и выслушивая озвучивание её гнева:

– Приехал через полчаса! Что, успели они тебя ублажить за это время? Сейчас это практикуется и в машинах. Сначала их развёз по помойкам, где живут такие, потом можно и за женой заехать?

В конце концов Элен села в машину:

– Запах духов! Купи хоть им духи попримичнее. На сэкономленные на мне сегодня деньги купи.

– Какие духи? Это же твои духи.

– Что-о-о?! Мои?! Хочешь сказать, что я свои духи не знаю? Хочешь сказать, что я маразматичка и склеротичка? За что мне всё это? За что, Господи? Другие жёны гуляют, скандалят, за домом не смотрят, а мужья с них пылинки сдувают. А я? Господи, до каких это всё пор?

Он молчал. И вдруг подумал: а ради чего я всё это терплю? Не вспомнил ничего из их совместной многолетней жизни, что вызывало бы ностальгию, какое-нибудь щемящее чувство. Не помнил, чтобы жена когда-то хоть чем-то

была довольна. Он не любит её и никогда не любил, как и она его. Странно для их отношений, но именно Эля в полном смысле слова окрутила его, молодого перспективного и оправдавшего в конечном итоге все надежды программиста. Он, оставленный после института и аспирантуры в Москве, был распределён в НИИ, закрепившем его в том числе квартирой – невиданное дело для иногороднего холостяка. В эту квартиру и стали захаживать друзья по походам, кострам, песням под гитару. Среди них была Эля. Игорь был скромн, тих, покладист, влюблён в девчонку-чёртёжницу из соседнего отдела, которой помог поступить в институт. С ней они пару раз ходили в кино, и как-то само собой подразумевалось, что дело идёт к свадьбе. Но вмешалась Элеонора. Она, очень некрасивая, изрядно засидевшаяся, присмотрела в этих совместных походах мастеровитого, здорового, спокойного, красивого Игоря, значительно моложе её. И как-то, когда все, пришедшие после похода к нему на чай, разошлись, она сообщила, что все её домашние уехали на дачу, ключей от квартиры у неё нет, и ей придётся остаться ночевать здесь. Игорю было неловко отказать. Он лёг на кухне. Но ночью Элька, оказавшаяся чрезвычайно многоопытной, пришла к нему и буквально совратила. Так что молодость свою она отдавала и до него, судя по всему, многим, но те брали не насовсем, а взаимы с последующей отдачей.

На другой день явился, видимо, срочно вызванный и приехавший с дачи Элин папа и заявил, что если Игорь не поступит как честный человек в таких случаях, он пойдёт в директорат института и раскроет его истинное лицо. К тому же объявил дочь беременной. Игорь, не имея никакого опыта в этом деле, не знал, что так скоростижно определять факт оплодотворения наука ещё не научилась. И когда услышал о ребёнке, ответил безусловным согласием.

Его родители, потомственные учителя, которых сразу за их провинциальность и учительство запозировала Элька, ничего не говорили сыну против новости, но то, что были огорчены этим браком, было ясно.

Дочка родилась через полтора года после свадьбы. Игорь не просто боготворил её. Он любил дочь помимо отеческой любви и неизрасходованными на супругу чувствами. Жена понимала это и строила свои отношения с мужем через шантаж дочерью. Ради ребёнка Игорь и терпел всё. Да и покладистый характер не вовлекал его в учиняемые женой скандалы. По любому поводу. А чаще без всякого.

Сразу после свадьбы Эля строжайше пресекала страстное увлечение мужа походами и игрой на гитаре. Перестала ходить и сама. С упрёками в адрес мужа вспоминала какие-то не существовавшие подробности походного разврата. Хотя, учитывая её опытность в интимном деле, можно предположить, что набирался он повсюду, в том числе и у костров. Любые звонки приятелей по тем вылазкам жена воспринимала как покушение на семью и покой, отвадив в итоге всех друзей. Дружить разрешала лишь со своими знакомыми, Игорю совершенно неинтересными. Наприглашав в дом кузин и подружек, Элька заставляла мужа сидеть с ними часами и ухаживать за всеми, чтобы продемонстрировать любовь и послушание.

Защитив докторскую, имея репутацию классного специалиста, Игорь хорошо и зарабатывал, и прирабатывал, так что наступившие новые времена застали его при авторитетном в отрасли имени, деньгах и возможности открыть своё перспективное дело, что Игорь и сделал. Семья ни в чём, по большому счёту, не нуждалась, если, конечно, не брать во внимание претензии

жены жить так, как её одноклассница, супруга ставшего олигархом подпольного цеховика. Элька сокрушалась, что Игорь перешёл тому дорогу в погоне за нею. И не беда, что на момент их женитьбы та пара имела двоих детей. По Элькиным сетованиям оказывалось, что нынешний олигарх хотел бросить опостылевшую супругу и жениться на обожаемой Элеоноре. Но тут некстати влез Игорь и всё испортил.

Бесконечные упрёки выслушивал Игорь и по поводу своего нежелания уехать за границу, куда его настойчиво зазывали, на чём настаивала Эля. «Эгоист! Ты вынуждаешь меня жить в этой стране!» – бросала она ему обвинения, если хотела просто поскандалить или добиться чего-то. Игорь сказал как-то, что не возражает, если она уедет туда одна, и это стало поводом для таких скандалов, что Игорь сто раз пожалел о сказанном, хотя сделал это из искренних побуждений: ведь он-то не мог представить себе жизнь где бы то ни было, кроме родины, чтобы можно было и родителей в любой момент съездить навестить.

Трудовая книжка жены лежала у него в фирме, Элеонора не работала, и всю свою энергию направила на скандалы с мужем и воспитание дочери. Это дало результаты: дочь стала относиться к отцу с такими же претензиями, что и мать. В её голосе появились те же интонации, даже мимику переняла Виола от родительницы. В этом Игорь винил и себя: ему меньше хотелось проводить время дома, он пропадал на работе, видел дочь всё реже и практически перестал влиять на неё.

Он с тоской вспоминал, как раньше, когда Виола, или Оля, как он её называл, была маленькой и часто болела, он отвозил её надолго к своим родителям, приезжал туда, играл с дочуркой, гулял с ней. Родители занимались с внучкой, и в школе она стала учиться лучше всех, что сразу было отнесено женой на счёт своей прекрасной наследственности. Игорь нисколько не возражал. Ему было неважно, чья в этом заслуга, главное – дочь действительно демонстрировала успехи, ею можно было гордиться.

Поступление девочки в престижный институт могло бы и не состояться, если бы деканом одного из факультетов не был бывший аспирант Игоря. Став студенткой, попав в богемную тусовку вуза в том числе благодаря финансовым возможностям отца, Виола стала не просто стыдиться отцовской родни, но вообще на вопрос о дедушках-бабушках отвечала, что они у неё живут за границей, имея в виду родителей матери, перебравшихся с обанкротившим чужую фирму сыном за рубеж. Она фактически отказалась от дедушки с бабушкой. И Игоря поразило, как легко она это сделала в отношении любимых когда-то деды Васи и бабы Ани. Сейчас, если они звонили, она даже не подходила к телефону, чтобы просто поприветствовать. «Можешь передать привет от меня», – говорила она отцу, когда он предлагал ей поговорить с ними. Душевная пустота, выхолощенность чувств у жены и дочери, вполне замённых инстинктами, обескураживали Игоря.

...Приехав домой, супруги разошлись по разным комнатам. Элеонора сразу кинулась к телефону, чтобы поделиться постигшим её горем с кузинами. Игорь пошёл в кабинет, сел к компьютеру, у которого часто спасался, делая вид, что работает: жена была жадна до денег и зарабатыванию их старалась не мешать. И вот Игорь услышал её рыдания и причитания: «Конечно, успокоится, только когда в гроб вгонит, а потом пойдёт по этим потаскухам и сдохнет под забором. Надо было давно его выгнать! Но ведь жалею! Да, он меня не жалеет, а я ничего с собой поделывать не могу – жалею, а он пользуется и

издевается. Всё-таки он отец дочери. Почему я не послушала вас, когда вы мне – мама, папа, ну буквально все – хором говорили: “Намаешься! Он – не нашего круга!” Как вы были правы! Виолку ни за что не отдам за такого. Просто под колёса свадебной машины лягу! Я чувство вины перед ней испытываю, что такие гены ей через него передала, а они ведь могут во внуках проявиться. Боже упаси!»

Гены Игоря были в буквальном смысле у дочери на лице: она была красива, очень похожа на его маму в молодости. Невольно слушая жену, Игорь думал о тех женщинах. Ведь кому-то достаются и такие: весёлые, открытые, остроумные, не заикленные на барахле и внешности, при этом потрясающе женственные и привлекательные. Игорь не мог отогнать от себя и мысль о том, что одна из них, та, что призналась, будто метила в него сумкой, не замужем. «Ладно бы муж стегал, а то по причине отсутствия будет хлестать чужой дядя собственноручно купленным ремешком...»

Да, кому-то и такие достаются. Наверняка, такой была бы и Оля, чертёжница, за которой он ухаживал и к которой до сих пор его ревнует Элька. Игорю показалось, что он уже где-то видел сегодняшнюю покупательницу и уже тогда обратил на неё внимание. Может, она тоже живёт неподалёку, где-то в центре? Наверное, можно вспомнить, где, поскольку общение у него ограничено работой, дорогой от неё до дома да кузинами – подругами жены. Ещё продавцами магазинов, где он покупает продукты или по которым таскается с женой. Может, поискать новой встречи? Так просто, ещё раз увидеть.

...С самого начала их семейной жизни у Элеоноры были причины и основания для ворчания и недовольства. Игорь не выносил сор из избы, но сварливость характера жены нельзя было скрыть. Близкие и просто знакомые, желая ободрить, оправдывали такое поведение супруги. То она не могла забеременеть (хотя сказала забеременевшей после первой же их ночной интриги), в её возрасте это нелегко и критично, да и боится потерять молодого красивого перспективного мужа. А вот понесёт – успокоится. Когда она понесла, то причиной вспышек её гнева была, естественно, беременность, а вот как только родит... Родив, она не высыпалась по ночам, кормила грудью и оттого была раздражительна. Ну а как только ребёнок подрастёт... Затем молоко пропало, ночью к проснувшейся дочери вставал Игорь, но причиной скандалов, устраиваемых женой, объявлялась пропажа молока: оказывается, это очень действует на нервы. Когда прошла необходимость вставать ночью к подростке дочери, вспышки гнева Элен объяснялись тем, что она могла бы делать хорошую карьеру, но вот вынуждена сидеть дома с ребёнком. После раздражительность стала толковаться как ревность к разного рода бизнес-леди, с которыми Игорь имел дело по работе. Сейчас вот закатываемые истерики относились на счёт климактерического состояния. Постоянными причинами раздражительности были и сравнения женой финансового положения каких-то знакомых и полужаных, которое было миллионно-миллиардным в отличие от её копеечного, в чём повинен был, конечно, муж – плохой добытчик.

Причины для жёниной сварливости находились всегда, ежедневно самые серьёзные. И источником всех этих немислимых бед был именно Игорь, у которого таких причин не было: именно он был моложе, что нервировало жену; именно от него не удавалось забеременеть, а вот раньше, как проговорилась жена, у неё это легко получалось. Именно от него появившийся ребёнок не давал спать Элеоноре по ночам. У Игоря не пропадало молоко, не прекращалась

успешная карьера, а у Эли она прекратилась именно из-за семьи. Не подступал к главе семейства и климакс. Добытчиком был он и не обеспечивал жене олигархическое состояние, хотя она этого заслуживала, как никто. Самому ему его немиллиардное состояние сваливать было не на кого. Потому он ни разу не выказал никакого недовольства или раздражительности – не было причин. Одним словом, он – источник бед жены и проклятие её жизни.

...Игорь нашёл в интернете стихи Ахматовой. Эти строки, неизвестные ему ранее. Будучи достаточно начитанным, стихи, тем не менее, знал не очень хорошо. Прочитав, увлёкся и другими. Ему показалось, что через стихи он больше узнал и цитировавшую их, ничего не купившую покупательницу. Уже и оторваться не мог от строк. «Муж стегал меня...» Захотел почитать и о Гумилёве, его стихи. Неужели действительно бил жену? Засмеялся, прочитав, что Николай Гумилёв сетовал: поклонницы упрекают его в том, что он бьёт жену. Видимо, смеялся громко, поскольку в кабинет в недоумённом возмущении вошла Элеонора. Увидев на мониторе стихи, она задохнулась от гнева:

– Жену довёл до приступа и рад, на лирику потянуло! Шлюхам своим рассылаешь куплеты? Что?! «Муж стегал?!» – проорала она в истерике выхваченную с распечатанного листа, лежащего перед Игорем, фразу. – Ты меня уже стегать собрался, садистские стихи пишешь?!

Привычно собиравшийся что-нибудь униженно сказать в оправдание, Игорь неожиданно даже для себя и обескураживающе неожиданно для жены молча встал, взял её под локоть, выставил из комнаты, закрыл дверь на ключ, который она сама и предусмотрела во всех дверях квартиры из боязни воров, но особенно провинциальных родственников мужа, сел к компьютеру и продолжил увлекшую его историю любви поэтов.

Жена пыталась колотить в дверь, кричала, грозила. Игорь не обращал внимания, заночевал в кабинете и вышел только утром.

– Я развожусь с тобой, – объявил он. – Я встретил женщину, изменившую мою жизнь. Ты стыдишься меня, мучаешься со мной. А я стыжусь тебя и тоже мучаюсь. Отныне всем мукам – конец. Виолка молодая, глупенькая, образумится ещё, – высказав это, Игорь почувствовал себя освобождённым от какого-то многолетнего спуда. Он был совершенно уверен, что всё у него будет хорошо. И удивился, что такие изменения в его жизнь внесла незнакомая женщина, которую он видел не более пяти минут, с которой обменялся парой нейтральных фраз. Есть женщины роковые, а есть вот такие. Как их назвать? Судьбоносные?



ПРОЗА

Тамара ЛИСИЦКАЯ

Тамара Павловна Лисицкая – член Союза писателей России и Академии российской литературы. По образованию – юрист, по призванию – библиотечный работник. В настоящее время на пенсии. Автор поэтических сборников и многочисленных публикаций в альманахах и газетах. Лауреат нескольких поэтических и общественных премий.

Живёт в Москве.



«Обнажаю души непокой...»

Господним промыслом я русская,
Крест православный на груди,
Мне речь славянская, как музыка,
Рассудка сердце впереди.

Живу надеждами, тревогами,
Чтоб не случилось зла с тобой,
Страна моя, одной дорогою,
Одной мы связаны судьбой.

Не видя будущего ясного,
Я Богу за тебя молюсь,
Чтоб охранил мою прекрасную,
В раздорах стонущую Русь.

Чтоб указал тот путь единственный,
Который к благу приведёт,
Чтоб жил достойно и осмысленно
Многострадальный мой народ.

Не радуется солнечный день,
Сжимается сердце от боли
При виде пустых деревень,
Сурепкой заросшего поля.

И, кажется, стонет земля,
Лишившись привычного дела:
Всё ждёт, чтобы встал у руля
Надёжный хозяин, умелый...

Тернисты Отчизны дороги:
То хаос в стране, то бардак,
В СМИ слышим то «ахи», то «вздохи»,
Знать, делаем что-то не так.

Страдания послав в назиданье,
Господь и спасенье пошлёт –
Россия, пройдя испытанья,
Воскреснет и расцветёт...

Послевоенные годы

Врага разбили. Полстраны – в руинах,
И некогда на лаврах почивать.
У тех, кто выжил, цель была едина:
Хозяйство надо срочно поднимать.

Старательно учились и трудились,
Жила надеждой каждая семья...
Поля повсюду густо колосились,
Не пустовала добрая земля.

В союзе дружном братские народы,
Энтузиасты мирного труда,
Восстановили заново заводы
И новые воздвигли города.

В короткий срок преодолев разруху,
Делами и успехами горды,
В искусстве были лучшими, в науках
И проложили в космосе следы.

Не покладая рук, сил не жалели,
Всем помогали, не прося займы,
Конечно, жили проще и скромнее,
Зато честней и чище были мы.

А времена-то были неплохие!
Их с грустью вспоминаем мы порой –
И потому, что были молодые,
И позитивным был страны настрой.

Мои стихи

Восхищаюсь чужими стихами,
Недочёты в своих нахожу,
Диких слов необузданных стаи
Упорядочить рифмой спешу...

По велению Бога и сердца
Я борюсь с непокорной строкой,
Открывая в мир собственный дверцы,
Обнажаю души непокой.

Я ищу на вопросы ответы,
До утра не пытаюсь заснуть,
Непорочной бумаге поведать
Всё, что ранит и радует грудь.

Новогоднее

Под бой часов непременно
Желанье скорей загадай,
Шипит озорная пена,
Шампанское – через край...

Так выпьем же за надежду,
За веру в реальность снов,
За искренних чувств безбрежность,
За жаркое слово «любовь»,

За то, чтобы песни пелись,
Тепло излучали глаза,
И без осужденья смотрели
На нас со стены образа!..





Ворон

(история одного перевода)

Поэтические произведения, которые многие годы притягивают внимание читателей и литературоведов разных стран появляются крайне редко. Но интерес к ним не угасает до сегодняшнего дня. Как правило, у них в разное время появлялось множество переводов. Среди этих немногих поистине эпохальных по своему значению произведений является небольшая поэма «Ворон» Эдгара Аллана По, опубликованная 29 января 1845 г. в нью-йоркской газете «Ивнинг Миррор».

Вокруг «Ворона» не утихают споры до сих пор: всё, что лежит на поверхности (метр, строфика и т.д.), изучено многократно и основательно, а то, что прячется в глубине (сверхзадача, смысл), вызывает споры и никак не поддаётся расшифровке. Не помогают даже разъяснения самого По, который написал статью «Философия сочинения», в которой коснулся истории замысла и некоторых ключевых точек произведения. Поэтому неудивительны сложности, которые преследуют переводчиков на протяжении десятков лет. История русских переводов «Ворона» – это не просто голые даты. Здесь есть своя закономерность, если принимать в расчёт реальную дату перевода, позволяющую учесть особенности исторического времени, нравственные и эстетические каноны эпохи. Можно выделить четыре периода: ранние переводы (1878–1887 гг.); переводы Серебряного века и довоенного периода (1890–1938 гг.); переводы послевоенного периода (1946–1976 гг.); переводы позднесоветского и постсоветского периодов (с 1988 г.).

Необходимо вкратце коснуться некоторых аспектов перевода как совокупности творческого начала вновь создаваемого произведения и оригинала. Тем более что сравнивать перевод с оригиналом – задача неблагоприятная. Исчерпывающего совпадения по всей совокупности художественных

Юрий РЫЧЕНКОВ



Юрий Алексеевич Рыченков – член Союза писателей России. Награждён Золотой Есенинской медалью. Дипломант литературной премии имени Н.А. Некрасова «За вклад в сохранение народной традиции в русской поэзии». Победитель Международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Поэзия» Лиги Писателей Евразии. Автор двух поэтических книг: «В объятьях памяти», «Иду осенним полем...» и многих поэтических сборников. Автор рецензий и критических статей.

Живёт в Москве.



параметров добиться невозможно из-за несоответствия фонетического, грамматического, лексического строя языков. Даже так называемый буквальный перевод (подстрочник) представляет собой всего лишь попытку истолкования логико-семантических связей, складывающихся в иноязычном тексте: попытка передать его звуковой строй невозможна. И, тем не менее, переводчик должен учитывать идиомы, реалии, лексическую сочетаемость, синонимистику, игру слов, звукопись, неологизмы, подтекст, общее впечатление, гладкость текста, меру понимания читателя, стиль эпохи, в которую написан оригинал, особенности переводимого автора и многое другое.

В книге: «Эдгар Аллан По «Ворон»» под редакцией В.И. Чередниченко, изданной РАН в серии «Литературные памятники» издательством «Наука» в 2009 г., даётся исчерпывающий анализ переводов всех упоминавшихся периодов с учётом основополагающих параметров стихотворного произведения: объёма строфы и текста перевода, звукового строя, рифмы и рефрена, трактовки сюжета и символов, отношение переводчика к ключевой метафоре. Известно высказывание М.Л. Лозинского о неизбежности «трёх потерь» при переводе: часть материала не воссоздаётся вовсе, часть материала даётся не в собственном виде, привносится такой материал, которого нет в подлиннике. Однако даже с учётом этих «смягчающих вину» обстоятельств следует признать, что первые русские версии «Ворона» провалились. Ранние переводчики не ориентировались на текст подлинника – они скорее отталкивались от него, создавая свои фантастические версии. Не ориентировались они и на своего читателя, ибо старый добрый романтизм, которому они отдавали дань в своих переводах, давно отжил. Привлекла их, возможно, необычная для лирического стихотворения фабула: визит дикой птицы к человеку и установление контакта между ними.

Первым переводчиком, который с успехом перенёс на русскую почву размер подлинника с сохранением схемы рифмовки строфы и общего принципа внутренней рифмовки, оказался один из виднейших представителей русского символизма Константин Бальмонт. Время подтвердило правильность избранной им стратегии перевода: курс на сближение формальных особенностей двух текстов себя полностью оправдал. Дату первой публикации перевода в журнале «Артист» в 1894 году следует считать поворотной в истории русских переводов «Ворона». В.Е. Жаботинский дал образец лёгкого изящного перевода (1903 г.), обладающего несомненными методическими достоинствами. Недостатками его перевода является свобода в обращении с сюжетом, избыточность и в то же время незатейливость художественных средств, переводческий популизм. Из двух редакций перевода В.Я. Брюсова (1905, 1915 гг.) вторая значительно лучше. И всё же они не могут служить образцами высокой точности, хотя и превосходят в этом отношении все предшествующие переводы «Ворона».

Вершина следующего рассматриваемого периода и одна из лучших русских переводческих работ – перевод Михаила Зенкевича. По целому ряду параметров (трактовка отдельных звеньев сюжета, точность словоупотребления, естественность поэтической речи и интонации) он может считаться лучшим. Правда, и он не свободен от отдельных недостатков, главным из которых следует признать излишний академизм – как следствие сознательной установки поэта на передачу «реалистической обстановки». В целом же тридцатилетний период после Великой Отечественной войны был отмечен лишь пятью опубликованными переводами. Налицо явное охлаждение к великому

произведению. Пока же перевод Зенкевича приобрёл статус классического – его предпочли всем остальным. По числу перепечаток во второй половине XX века он лидировал. Однако в последние два десятилетия чаще других воспроизводится перевод К. Бальмонта.

Коренная ломка общественно-политического устройства страны: распад СССР и как следствие ликвидация ряда государственных образований и социальных институтов не могла не отразиться на литературном процессе. Книжный рынок стал наводняться массовой литературой от примитивного лубка до ремесленно-скроенной беллетристики. Появились не только полуграмотные переводчики, не владеющие ни чужим языком, ни своим собственным, активно штампуемые «шедевр за шедевром». Появились так же не менее «прогрессивные» методы издательской деятельности. Восемь переводов «Ворона», выполненных в позднесоветский и постсоветский периоды, представляют собой на редкость эклектическую картину. Комментируя сложившуюся ситуацию, И.В. Кондаков пишет: «Парадоксальным образом сегодня в постсоветском пространстве *обыденная культура* обладает наибольшим статусом универсальности по сравнению с любой специализированной культурой, а точка зрения *обывателя, филистёра, дилетанта, графомана* оказывается самой ёмкой, практичной и ценностно-предпочтительной...»

Современный российский литературный процесс (в частности, переводческий) носит открытый характер, поэтому делать прогнозы относительно даже ближайшего будущего можно лишь с большими оговорками. Думается, однако, что тема русского «Ворона» далеко не исчерпана, хотя репертуар внутренних рифм и рефренов явно истощился. И, тем не менее, полностью отдавая отчёт в невероятной сложности поставленной задачи, досконально изучив всю переводческую базу, стараясь сохранить нюансы оригинального текста, рискну предложить читателю свой вариант перевода «Ворона» с максимальным использованием силлабо-тонического звучания русского классического стихосложения. Итак:

Ворон

Как-то полночью бессонной я больной и утомлённый
Меж старинных фолиантов, не припомню для чего,
В мыслях древних разбирался и расслышал, как раздался
Стук, и кто-то задержался там, у входа моего.
«Это странник, – я подумал, – там, у входа моего.
Он – и больше ничего».

Ах, я помню ветра стоны. На дворе декабрь студёный.
Из камина обречённо редких вспышек череда.
Ожидал зари я страстно и старался, но напрасно,
В книгах мудрых беспристрастных утопить печаль, когда
Плачет сердце о Леноре – той, что с Ангелом всегда,
А со мною – никогда.

И печальный странный шорох, будто шёпот шёлка в шторах
Мне грозил бедою скорой и тревожил ни с чего.

Сердца трепет умирняя, я твердил, душой страдая:
«Это просто ночь глухая шлёт мне друга одного,
Это, видно, ночь глухая шлёт мне друга одного,
Друг и больше ничего».

Наконец, уняв тревогу, постепенно, понемногу,
Я сказал: «Вы, ради Бога, не сердитесь, оттого,
Что вздремнул я – в этом дело. Да и стук ваш был несмелый,
Деликатный оробелый – не расслышал я его».
В тот же миг раскрыл я настежь двери дома моего,
Только мрак и никого.

Я смотрел во мрак смолёный, полный страха, изумлённый,
В грёзах горьких, воспалённых – их не знал я до того;
Но не прервано молчанье, не уменьшились страданья,
Лишь «Ленора» с обожаньем слышу слово и всего –
Это я шепнул, и эхо повторило вновь его.
Эхо – больше ничего.

В дом вернулся оробелый. Вся душа моя горела.
Вновь раздался стук несмелый, но слышней, чем до того.
Я подумал: «Это в ставни бьётся ветер своенравный,
От него и страх недавний, трепет сердца моего.
Посмотрю и успокою трепет сердца моего».
Ветер – больше ничего.

Ставни я толкнул с опаской, и в окно влетел бесстрастный,
Гордый Ворон своевластный. Я внимания его
Не дождался. Он спесиво, не колеблясь, неучтиво,
С миной лорда взмыл лениво к двери дома моего,
Прямиком на бюст Паллады – и уселся на него.
Сел – и больше ничего.

Я невольно отшатнулся, но печально улыбнулся,
Видя, как я обманулся – и не вспомнить без стыда.
«Голова твоя без шлема, не сиди угрюмо, немо,
А скажи мне в это время: в тех краях, где ночь всегда,
Как ты прозван у Плутона?» Оглядев меня, тогда
Ворон каркнул: «Никогда».

Изумившись крайне, вчуже, слову птицы неуклюжей,
Пусть оно, признаться, дюже не уняло скорбь тогда.
Да и кто не изумится, если в окна постучится
Зверь ли, птица? И, скажите, кто поверит, господа,
Если сядет вдруг над дверью, говорящий без труда,
Ворон с кличкой «Никогда».

Не пугаясь муки слова, на меня смотрел сурово
Ворон, будто в этом слове вылил душу навсегда.
Он на бюсте изваяньем восседал в глухом молчаньи,

Я шепнул: «Одно прощанье. И надежды навсегда
Улетели. Утром пришлый тоже сгинет без следа».
Ворон снова: «Никогда».

Вздрыгнул я в волненьи мрачном, при ответе столь удачном.
«Видно, в нищенстве бродячем жил он долгие года
С горемыкою. Узнали только беды и печали,
Дни и ночи истязали их бездолье и нужда.
В грустной песне, без надежды, лишь один припев всегда
С горьким словом «Никогда».

И на птицу гор взирая, улыбаясь и вздыхая,
Сел я в кресло, придвигаясь к бюсту белому тогда.
В бархат мягкий углубившись, думал я о говорившей
Птице вещей, век прожившей: «Что она сказать тогда,
Неуклюжая, худая, мне хотела без суда
Этим словом “Никогда”?»

Замер я, догадок полон, и не смел подать я голос.
Птицы взгляд, горяч и долог, опалил меня тогда.
Головой больной, усталой, как не раз со мной бывало,
Я прильнул на бархат алый и подумал я тогда:
«Не положит так головку та, кого любил всегда,
Завтра, позже – никогда!»

Вдруг поплыли волны дыма от кадила Серафима.
По коврам, скользя незримо, Ангел мой пришёл сюда.
Я вскричал себе: «Несчастный! Это, верно, Бог всевластный
Шлёт забвенью ночью ясной о Леноре навсегда,
Чтоб бальзам забвенья вытер злую память навсегда».
Ворон каркнул: «Никогда».

Я сказал: «Пророк зловещий, птица ты иль демон вещей,
Не пророчишь, а клеветцешь, бурей выкинут сюда?
Будь ты Рок неустрашимый! В край скорбящий нелюдимый,
Искусителем незримо, ты зачем пришёл сюда!?
Отвечай! Бальзам забвенья есть ли здесь? Найду ль? Когда?»
Каркнул Ворон: «Никогда».

Я сказал: «Пророк зловещий, птица ты иль демон вещей,
Пожалей, душа трепещет, видит Бог, скажи, когда
Я Эдем увижу дальний. Обниму ль в краю печальном
Я душой сентиментальной ту святую, как тогда,
Лучезарную Ленору – в мыслях с нею я всегда?»
Каркнул Ворон: «Никогда».

«Это слово – знак разлуки, – я сказал, ломая руки.
Предвещая сердца муки, вновь во тьму вернись тогда;
Не оставь здесь перьев чёрных, не хочу друзей притворных,
Лживых слов твоих тлетворных мне б не слышать никогда!

Вырви жуткий клюв из сердца и исчезни навсегда!»
Каркнул Ворон: «Никогда!»

Слившись с бюстом, неподвижный, он сидит пророком книжным –
С этим бюстом он, предвижу, не простится никогда.
Светом лампы озарённый, смотрит дьяволом бессонным;
Тень от птицы ухищрённо разметалась навсегда,
И душа из этой тени в уходящие года
Не воспрянет никогда!

Сентябрь – октябрь 2013





ЮБИЛЕЙ

К 115-летию

Алексея Александровича Суркова

«Вперёд, в штыки, за коммунизм!..»

*Вперёд, в штыки, за коммунизм!
Нелегко ходить без оглядки,
Не мигая, в огонь смотреть.
Возле губ наших строгие складки
Будет трудно стереть.*

А. Сурков

Свою жизненную позицию А.А. Сурков темпераментно и метко высказал на первом съезде советских писателей 1934-го: «Некоторые "морально чистые" интеллигенты спрашивают чекиста:

– Неужели, когда ты посылаешь людей на расстрел, не просыпалось в тебе чувство гуманизма и ты ни разу не ставил себя на их место?

– Я на их месте всю жизнь стоял, – объясняет чекист. – Когда мужик на поле выдирает лебеду, он не спрашивает её, приятно ей это или нет. Он хочет, чтобы у него ребята с голоду не сдохли!



А. А. Сурков

Игорь ФУНТ



Игорь Фунт (Попов Игорь Владиславович) – родился в Кирове. Окончил Ленинградский институт культуры. Редактор сетевых журналов «Русская жизнь», «Перемены», издательства «Аэлита». Постоянный автор сетевых журналов «Камертон», «Зарубежные Задворки» (Германия), еженедельника «Обзор» и газеты «Русский калейдоскоп» издательства «Континент» (США) и др. Автор романа «Останусь лучше там...».

Живёт в Москве.



ИГОРЬ ФУНТ

Не будем стесняться, несмотря на возмущённое бормотание снобов, простой и энергичной поступи походной песни, песни весёлой и пафосной, мужественной и строгой. Не будем забывать, что не за горами то время, когда стихи со страниц толстого журнала должны будут переместиться на страницы фронтовых газет и дивизионных многотиражек. Будем держать лирический порох сухим!».

Относительно недавнее (для старшего поколения) советское бытие насквозь было пронизано неувыдающими воспоминаниями о Великой Отечественной. И в данном контексте распространённое, но крайне негативное слово «совок» совсем уж не звучит. Потому что тогда, в период приснопамятного застоя, живы были ветераны – бабушки, деды; у кого-то (кто ещё постарше) отцы.

А кто и сам воевал. Им сейчас 90 лет и более. И кто, слава Богу, жив, – а их становится трагически меньше и меньше, – конечно же подтвердят мою простую мысль. Вся их незабвенная боевая молодость, послевоенное житие и далее – 50, 60, 70-е, – пропитаны неувыдающими поэзией и музыкой. Проникнуты прекрасными песнями. И какими!..

Великие, величайшие произведения созданы в годы войны. Которые до сих пор остаются непревзойдёнными образцами гражданственности, одновременно тонкого искреннего лиризма. Также и высочайшего мелодизма. Поэтому застолья, посиделки, свадьбы и печальные години в русских домах, – неважно, деревенских, городских, – никогда не обходились и не обходятся без песен из далёкого прошлого. Давно уже ставших народными. Когда автор сливается в своих строках и музыкальной гармонии с душами людей, исполняющими его творения. Растворяясь в нетленной человеческой памяти напевами бессмертных слов, строф.

Вплоть до евушенковской антологии «Строфы века» и энциклопедически-фундаментального сборника «500 жемчужин всемирной поэзии». Куда была включена сурковская Землянка. Поставившая автора в извечный пантеон русской лирики своим необъяснимым лейтмотивом счастья, «выплавленного из несчастья».

*Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.*

*Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой, –*

написал в 1941 г. и послал конвертом-треугольником с фронта домой батальонный комиссар, бесстрашный военкор, поэт Алексей Сурков. Вовсе не собираясь эти строки публиковать для широкой аудитории. Но судьба распорядилась иначе, и песня вскоре завоевала сердца бойцов Советской армии. Объединив подлинным драматизмом и нежной грустью тысячи, миллионы разбросанных по стране душ, разлучённых войной.

Так уж получилось, что биография А.А. Суркова стратегически, «статистически точно» совпала с биографией всего военного поколения. Как говорится, вовремя родился! Ибо вся его жизнь, навывлет, промерена четырьмя войнами, будто «боевым фронтовым крещением». Определив судьбу и пристрастия, и ненависть и любовь с первых строк: «Каюсь. Музу мою невзлюбила экзотика».

От невыносимого белоэстонского плена и яростного корреспондентского агитпропа – до будущей активной партработы. Без мелкобуржуазных экивоков.

*Видно, выписал писарь мне дальний билет,
Отправляя впервой на войну.
На четвёртой войне, с восемнадцати лет,
Я солдатскую ляжку тяну.*

За неприятие «экзотической выделенности» и «интимно-лирической водички» Суркова можно ругать сколько угодно, с высоты лет. За то же самое Суркову, равно и всему народу, уничтожившему фашизм, надобно низко, с благодарностью поклониться: А. Сурков, «как впоследствии обозначили литературоведы, не знаменосец, не трубач и не оратор революции, он её “подданный”» (Л. Аннинский).

*Он ходил в рядовых при большой революции,
Подпирая плечом боевую эпоху.
...Он ходил – мировой революции подданный,
Безымянный гвардеец восставшего класса. (1929)*

В 20-х годах его сразу же вселяют в когорту «пролетарских» писателей. В отличие от не переросшего, по политическим соображениям, из «крестьянских» в «пролетарские» Шолохова. В будущем единственного нобелиата из всей дружной братии соцреалистов.

Основа сюжетов – армия, армейский быт, предназначение солдата. Простые и очень точные стихи А. Суркова рассчитаны на «крепость присяги и тяжесть ружья». Главные герои: «заставская братва». Деревенские, пейзажно-пейзанские сюжеты – редкость. В его текстах, вокруг, повсюду – или предзнаменование войны. Либо же сама война, предметная и обыденная. Без романтики: «...боем кончается день, начатый криком тревоги».

В 39-м, в Финскую, Сурков – зрелый фронтовой газетчик-«бродяга». С 1941-го и до Победы – мстительный, беспощадный, не прощающий врага летописец: «Мёртвый старик в лопухах под забором, трупик ребёнка придавлен доской...».

«Его военный пейзаж суров, скуп и полынно горек. Это не живопись, скорее словесная графика, а временами почти плакат» (А. Турков):

*На эпоху нам пенять негоже –
С отрочества жили на юру,
Гладили винтовочное ложе,
Жгли в окопах крепкую махру.*

*Привыкали к резким граням стали,
Смерть носили в нарезном стволе,
Босые, голодные, мечтали
О всеобщем счастье на земле.*

В печать, на публику шло, как правило, краснознамённое творчество. Покрытое бронёй, сталью, железным шагом: «Наливается голос звоном»; «Мы у республики нашей лучшие из сыновей»; «Мир лежит перед нами, мы – хозяйева в нём»; «...в стаи сбивают своих волчат недобитые волки эсэс».

Ночью же, в блокнот – сокровенное, ахматовское, недоговорённое: «...стынут пальцы. Воздух кашлем душит глотку. Тень. Шаги». В стальную линию под заглавием «Да здравствует война!» влетают зёрна дивизионизма, оживляя сухие «свинцовые» мазки незримой, неяркой импрессиией живой природы: «Муравей на синей тычинке цветка», «Прилипший к рукаву подорожник». Или: «...рядом с автоматом, на стене, безмолвная уснула мандолина».

Тяготение к песенности, описательности, эмоциональности соседствует с лаконизмом, отрывистостью и мощной внутренней энергетикой. Что пошло от старонадёжных, давних его учителей – Некрасова, а также несомненно Д. Бедного, стоявшего у истоков советской массовой песни. К середине 30-х годов Сурков добивается таких несомненных удач, как «Конармейская песня», «Терская походная», «Поволжанка».

В связи с этим интересна история создания знаменитой Землянки.

Стихи Сурков посвятил и послал своей жене Софье Кревс. Как впрочем, посвящал только ей одной всю свою любовную лирику. Однолюб. Хотя женщины вокруг него кружили стаями. Но это к слову...

Через некоторое время он случайно наткнулся на скорописные вирши в блокноте и отдал их композитору К. Листову, посетившему штабную редакцию газеты в поисках новых тем и сюжетов. Через неделю Листов вернулся и наиграл нехитрую мелодию на стихи Суркова. Попросив гитару у местного фотографа.

Спел песню. Вновь ушёл.

«Ну-ка, ну-ка, дай блокнотик, Лёша», – сказал фотограф, подхватив инструмент и на память исполнив-смузицировав «В землянке» отдыхающим бойцам. И ещё раз. Хм, хорош мотивчик. Так и пошло...

Вскоре песню – ноты с текстом и аккордами – опубликовала «Комсомолка». Её тут же запела вся страна, «от Севастополя до Ленинграда и Полярного»:

*Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага.*

*Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.*

То, что до смерти всего «четыре шага», впоследствии наделало шуму в политверхах аргументом деморализации, разоружения и упадничества. Песню даже запрещали, укорачивали. Вымарывая из неё эти злополучные «шаги». Хотя уж куда короче – 2 куплета, 2 припева! Но коварные цензоры требовали и требовали отодвинуть смерть подальше от окопа.

Правда, к тому моменту мелодия неумолимо звучала везде и отовсюду: в самодеятельности, на концертах. Изо всех радиоточек. Поэтому изменить

что-либо оказалось невозможно. Даже всеильной цензуре. Не сумевшей-таки выкинуть слов из песни.

...Прошло время. Пожелтели ярлыки. Позабылись обиды, обидные определения, фразы той эпохи, раздававшиеся с диссидентских «застойных» кухонь в адрес А. Суркова: «гиена в сиропе», «партаппаратчик», «казённый поэт», «приближённый», «обличитель» (Пастернака), «подписант» (против Сахарова) и т.д.

Да, за свою преданность партии и стране Сурков «заработал» целую обойму, толстенную нагрудную наградную колодку почётных званий и официальных должностей: депутат трёх Верховных советов; дважды лауреат, член Всемирного Совета Мира; рук. Союза писателей; член КПСС, большевик с 1918 года; Герой Соцтруда, орденосеиц... Редактор, переводчик, преподаватель, подполковник СА, наконец.

Не нам судить.

Осталась припорошенная орудийной пылью беспощадная война и её солдаты-герои: матрос, пристреливший смертельно раненого друга; связист, зубами зажавший перебитый провод. Сапёр, наведя мост, взглянувший в небо, где «текли облака, – может быть, от родного колхоза». Разведчик, воскресший после расстрела. Пацан, распахнувший баян на бруствере окопа, под нескончаемой свинчаткой пуль.

Осталось исполосанное прожекторами небо. Оплавленные стволы вражеских танков; наступающие полки русских, советских солдат в раздутых боем плащ-палатках:

*И пехотинцы в грохоте орудий
Идут, не опуская головы.
Запомни их, товарищ! – Эти люди
Фашистов отогнали от Москвы.*

Осталась знакомая каждому десятилетняя девчушка – с выбивающимися из-под шапки красными бантами, – выбегающая поутру за палисадник, по листопаду, в сестриных сапожках на босу ногу. Нетерпеливо переминаясь, поджидающая почтальона: «Дядя, а от папы нету?»

*Стали в августе ночи длинны, темны,
Осень в стёкла стучит дождём.
Дочка шепчет: «Мама, дойдём до войны
И его домой приведём».*

Осталась в памяти «Атлантида» детства А. Суркова – деревня Середнево Ярославской губернии, – потонувшая в волнах Рыбинского водохранилища: «Мир детства моего на дне морском исчез...». С некрасовским «погибающим за великое дело любви» крестьянством. С питерским отрочеством, похожим на «чёрную стоячую воду».

Осталась настоящая, славная жизнь достойного писателя и гражданина. Большого профессионала. Весёлого, крепкого, изобретательного, ответственного, мудрого. Накоротке знавшего и общавшегося с Горьким, Багрицким. Всегда находящегося в центре внимания. В центре искони непростого литературного круга подчёркнуто скрытых амбиций, антипатий

и симпатий: просили издать – издавал; просили помочь – помогал, «пробивал», звонил.

Осталась неизгладимая, вечная память о человеке, всеми фибрами души мечтавшем о народном счастье и только счастье. Пусть и коммунистическом, неважно. Такое было время. Такие оно ставило задачи.

*Это мы разбудили дремотные дали
И мечту отстояли упорством штыка.
Зря враги свирепеют. Они опоздали.
Коммунизм утверждён навсегда, на века!*

И добавлю, ещё неизвестно, чьё счастье было и есть лучше, чище, надёжней – наше, капиталистическое – или его, Алексея Суркова, социалистическое. Советское. С накрепко сплетёнными символами «простого» и «великого». Словно серп и молот на Красном Знамени.





ПОЭЗИЯ

Сергей ЛЕБЕДЕВ

Сергей Александрович Лебедев – родился в 1949 г. в Рязанской области. По профессии химик-технолог. Дипломант и лауреат Межрегионального поэтического конкурса, посвящённого 190-летию со дня рождения Н.А. Некрасова. Лауреат премии «Левша» имени Н.С. Лескова 2012 г. за лучшую публикацию в журнале «Приокские зори» г. Тула в жанре поэзии. Дипломант и лауреат 4-го Международного поэтического конкурса «Звезда полей-2013».

Живёт и работает в Тольятти.



«Говорю спасибо Богу за мгновение полёта...»

Мысли

Мы заложники эпохи?
Но другая только в книжках...
Вечны мухи, вечны блохи,
Не копаются в мыслишках.
Мы же, свет найдя однажды,
Набекрень мозги своротим,
Думать хочется от жажды,
От тоски, от подворотен,
От любви, от непогоды,
От желанья быть великим...
Думать дни и думать годы
До последнего, до всхлипа.
Пусть порой пустые мысли
Уплывают облаками,
Пью, всего не перечислив,
Жизнь короткими глотками.
Не виню свою эпоху,
Счастлив тем, что мыслю что-то,
Говорю спасибо Богу
За мгновение полёта.

Речки

Речки быстрые и не очень,
С берегами волнистой травы,
Где осоки кинжал заточен,
Бороздите вы карту страны.



Меж деревьями извиваясь,
Выгибая песчаный обрыв,
То смеётесь вдруг, заливаясь,
То затихнет у лога порыв.
За околицей, на отшибе,
Словно пишете вы: «Не вернусь»,
Но выводится на изгибе,
Всё равно, слово звонкое – Русь!

Припадаю к Руси

Солнечным днём, да погодою тусклой,
В снежный буран, иль под крик журавлей,
Я припадаю к спасительной, русской,
Дивной красе и лесов, и полей.
Я исходил перелески, овраги,
Берег речной в предзакатной тоске,
Словно по белой и ровной бумаге
След оставлял на снегу и песке.
Шёл я в грозу по размытой дороге,
Ноги скользили, и хлюпала грязь,
Даже и с ней, этой вот недотрогой,
Чувствовал телом, душою я связь.
Тех перемен, что с моею страной
Даже сейчас не могу я понять.
Вечно в истории быть ей больною,
Или на русскую долю пенять?
В лес ухожу, в тишину, в буреломы,
Всё забываю под пение птиц,
В поле осеннем на ворох соломы,
В запах пшеничный я падаю ниц.
Русь моя, знаю, что время – другое,
Верим ли так же в исконность твою?
Всякий неужто же станет изгоем,
Кто прославляет Отчизну свою?

Россия тянет медленно соху

Одно и тоже слышится везде,
Не только слышится, но и читается,
Уж сколько лет по этой борозде
Молва и предсказание шатаются.

Россия тянет медленно соху,
И всякий скажет, мол, она плетётся,
Но ею править, лёжа на боку,
Никто, пожалуй, сдуру не берётся.
Российский люд, быть может, и молчун,
Не делать ничего – себе дороже:
От этого наступит карачун –
Ведь, если что, ударит и по роже.



Рассказы

Подсолнух

Памяти друга



В толковом словаре В. Даля нет почему-то слова «призвание», а ведь в нём кроется самая суть человеческой природы. Без понимания, для чего он создан, человек не может наиболее полно раскрыться. Если гнаться за модой на профессии и отдавать своё чадо в престижный институт, чтобы не ударить в грязь лицом перед родственниками, коллегами, соседями, можно это чадо в конце концов и потерять. Сколько история знает примеров, когда люди после нескольких лет работы в неблизкой им по нутру области уходили из профессии или начинали пить. Поэтому родителям надо быть очень мудрыми, когда они советуют своему ребёнку, какой путь в жизни выбрать. И счастливы те родители, чьи дети уже в дошкольном возрасте знают твёрдо, кем они хотят быть. Если дочь усаживает кукол на диване и рассказывает им о сложности бытия, её призвание – быть учителем. Если сын целыми днями возится с железной дорогой – заниматься ему логистикой.

Родителям Тимофея повезло. Их сын с детства бредил небом. Сначала коллекционирование игрушечных самолётиков, потом кружок авиамоделирования и ... бесконечные фильмы о лётчиках. Тимка любил ездить к отцу на работу – тот работал в аэропорту «Внуково». Там ему разрешали посидеть в кабине пилота, ведь отказать этому сорванцу с вьющимися золотыми волосами, голубыми глазами и ямочками на щеках было просто невозможно.

В школе Тимка дружил с двумя парнями – Виктором, который был врачом от Бога, и Никитой, которому очень хотелось походить на героев фильмов о сотрудниках милиции. Их называли «неразлучной тройкой», а ещё «фаворитами её величества», ведь именно Тимка своим обаянием

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. В 1987 г. окончила МГПИ им. В.И. Ленина по специальности «учитель английского и немецкого языков». В 2000 г. ей было присвоено звание учитель высшей категории. С 2001 г. Юлия Александрова работает старшим преподавателем кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор пяти сборников лирических стихотворений – «Имя моё ...» (2006), «Срединье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010) и «Крылатая мечта» (2012), а также двух сборников прозы – «Букет ландышей» (2009) и «Окно в сад» (2011). Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.



сумел сделать их другом молодую учительницу из их школы, Полину Владимировну.

Отгремел выпускной. Виктор и Никита поступили в Московские институты, а Тимка уехал учиться в Иркутск. Когда ему давали отпуск, они всегда встречались у Полинки, и Тимка рассказывал им про природу этого удивительного края. По ходатайству отца Тимка последний курс доучивался в Москве. Пять лет пролетели незаметно. Все ребята начали работать по призванию. У Никиты и Виктора уже сложились семьи. У обоих родились дочери. А Тимка всё никак не мог найти свою, единственную. Он был таким светлым человеком, что любая девушка чувствовала себя очень желанной рядом с ним, когда слышала его коронную фразу: «Царевна! Вам кто-нибудь говорил, что Ваши глаза ослепят любого, кто отважится в них заглянуть?»

С годами друзья стали встречаться всё реже и реже. Ребята догадывались, что у Тимки с кем-то начались серьёзные отношения, как только он стал отшучиваться на их вопросы о его холостяцкой жизни. Но не спрашивали, так как знали, что Тимка страшно суеверный и боится сглаза.

Как-то весной 2002 года Полина позвонила Тимке, чтобы узнать телефон их общего знакомого. Тимка обрадовался, услышав её голос, и поделился с ней радостью – их семье дали новую квартиру, там сейчас идёт ремонт, и очень скоро он всех их пригласит на новоселье.

Летом у Полины начались каникулы, но по семейным обстоятельствам она никуда не уехала. 4 июля Полина пришла домой и подошла к телефону, чтобы проверить, кто звонил. АОН зафиксировал несколько раз номер Никиты и несколько раз – Виктора. Она подумала: «Вот здорово! Тимка, наверное, собрал их хочет». Она набрала телефон Виктора. Тот трубку не снял. Тогда Никиты. И вдруг услышала: «Полина Владимировна! Тимка погиб! Разбился в том самолёте, который летел из Уфы в Барселону. Вы слышите? Тимки больше нет». Полина положила трубку на рычаг и заплакала. Громко. Навзрыд. Погиб их друг, их энергетический донор, их подсолнушек.

Вечером от Виктора она узнала подробности: «2 июля Тимка задержался на работе дольше обычного. Все сотрудники уже разъехались по домам. В аэропорту Домодедово приземлился на дозаправку самолёт с лучшими школьниками из Башкирии. Нужен был сопровождающий рейса от Москвы, чтобы сдать ребятшек на руки ответственному лицу в Барселоне. Пообещали 200 долларов. Тимка согласился: он очень любил маму и хотел купить ей шубу».

В течение нескольких дней все теле- и радиоканалы передавали: «Самолёт разбился в небе над Германией в районе Баденского озера. Ошибка оператора. Он не смог развести два борта в воздухе».

День похорон выдался солнечный. На кладбище народу было очень много: родственники, друзья по школе, институту, коллеги по работе. Но Полина ничего не видела, кроме цинкового гроба, который опустили в землю, и Тимкиной мамы, ведомой под руки младшим сыном, которая подошла к холмику, выросшему из набросанной чёрной земли, и положила на неё два огромных подсолнуха.

Подсолнух – символ жизни и счастья. Подсолнух всегда найдёт своё место под солнцем!? Тимке было всего 27 лет...

Качели

Сколько бы человеку ни было лет, он помнит двор своего детства. Наша память избирательна – мы с лёгкостью забываем плохое и долго-долго помним хорошее. А детство – это, безусловно, лучшая пора в жизни. Так считают многие. И ещё: когда мы маленькие, нам важны детали мест и событий, и глаз выхватывает из множества увиденного какую-то мелочь, воспоминания о которой в дальнейшем доставят нам, повзрослевшим, немало приятных минут.

Лиза не любила свой двор. Там были лишь песочница и качели. Поэтому во дворе появлялись редкие фигуры мам с колясками, а все, кто уже ходил, хоть и нетвёрдо, на своих двоих, гуляли в соседнем дворе.

О, какой это был двор! Там была не только песочница, где малыши в цветных комбинезонах делали куличики, но и горка, с которой многие катались на попе, а самые смелые даже на ногах, а также балансир и гимнастическая стенка. Но отличительной чертой двора были двое качелей, на них можно было соревноваться, кто выше взлетит.

В детстве Лиза всегда боялась качелей. Когда ей едва исполнилось два года, она получила лёгкое сотрясение мозга от удара качелей и с тех пор старалась обходить их стороной. Любимым развлечением была карусель-вертушка – замечательное приспособление, на котором можно было кататься и в одиночку, и вшестером.

Если собирались несколько ребят, прогулка во дворе становилась большой радостью, особенно для тех, кто по той или иной причине не ходил в детский сад, а оставался весь день на попечении бабушек.

Прошло много лет. Лиза уже сама стала бабушкой – молодой бабушкой по современным меркам, ведь у неё родился внук, когда ей исполнилось сорок восемь. Малыш рос крепким, розовощёким и очень коммуникабельным. Дочка назвала его Кости́ком в честь дедушки, Лизино́го отца, за что она была ей очень благодарна.

Мама умерла, когда ей было лет двенадцать, и все заботы по её воспитанию легли на отца. Примерный семьянин, он не привёл в дом новую женщину, боясь травмировать ребёнка, а всё время посвящал дочке: кормил, гулял... А главное – много с ней разговаривал.

Папы не было уже много лет, а ей по-прежнему его очень не хватало. Не с кем было посоветоваться, некому поплакаться. Приходилось быть сильной всегда и везде.

Лиза работала теперь на полставки, чтобы освободить дочь и дать ей возможность написать диссертацию – в семье всегда ценилось образование. Вернувшись с работы, она заступала на смену: нужно было Кости́ка накормить, уложить спать, а потом собрать на прогулку.

Последний процесс отнимал немало времени и сил особенно в холодное время года. Самым сложным моментом было надевание вязаной шапочки. Нужно было соединить под подбородком внука две полосочки, то есть попасть пуговкой в петельку. Кости́к отчаянно вертелся, пытаясь снять с себя ненавистный головной убор. Но Лиза была непреклонной – за плечами чувствовался опыт девочки, выросшей без мамы, и собственный опыт мамы. Да и характер помогал.

До рождения Кости́ка Лиза работала в школе и пропадала там днями и ночами. Но этот малыш изменил всё – в час дня её ветром сдувало с работы, ведь впереди её ждали обязанности куда более серьёзные, чем попытка

научить тех, кто абсолютно не способен к учению или способен, но не желает этого.

В этот по-летнему тёплый осенний день она вновь сделала вид, что чему-то учит школьников. Те притворились, что чему-то учатся. На том и расстались. Дома её ждали дочь и внук – дочке надо было ехать к научному руководителю по поводу защиты диссертации, а внука, как всегда, надо было накормить, уложить спать, а после дневного сна бежать с ним на прогулку. Костик гулять в парке не захотел, и они пошли во двор. Там было шумно: малыши играли в песочнице, катались на горке. Некоторые, словно маленькие паучки, лазали по Паутинке, а те, кто постарше, выстроились в очереди у качелей.

Мужчин во дворе не было, что было абсолютно нормально для раннего вечера. Молодые мамы о чём-то оживлённо беседовали, то и дело затягиваясь сигаретами. Казалось, они пришли во двор поговорить с приятельницами, а не погулять с детьми.

Лиза ни на шаг не отходила от Костика. Вдоволь наговорившись в школе, она не испытывала ни малейшего желания общаться ни с кем, кроме внука. И потом чувство ответственности за ребёнка не позволяло ей пренебрегать своими обязанностями бабушки, и ей было странно, почему некоторым молодым мамам абсолютно всё равно, чем занимаются их малыши.

А малыш одной из них подошёл к качелям, на которых качалась девочка в два раза старше его. Он стоял сзади и не увидел, как на него со страшной силой надвигалась беда. Ещё секунда – и удар качелями пришёлся ему в область между головой и шеей. Мальчик упал и замер.

Сначала никто ничего не понял. Потом закричали дети. Кто-то из молодых мам тронул за локоть маму этого малыша. Она подбежала к сыну и через секунду завывала на весь двор – её ребёнок был мёртв. Остальные родители рванули за своими детьми. Прижав Костика к себе, Лиза вызвала скорую и милицию.

Площадка двора быстро опустела. Там остались только неподвижно лежавший мальчик, его мама, смотрящая перед собой стеклянными глазами, и несколько взрослых, ожидавших приезда врачей и милиционеров. Лиза дожидаться не стала, её главной задачей было увести внука домой и сделать всё возможное, чтобы увиденное стёрлось из его памяти.

Дочери она ничего не рассказала, пообещала, что сама уложит Костика спать, сославшись на то, что дочка сильно устала за день, и ей нужно хорошенько отдохнуть. Сначала внук никак не хотел засыпать, плакал. Она читала ему сказки, пела колыбельные песни. Через некоторое время внук всё-таки успокоился и уснул. Лиза боялась выйти, молча сидела у кровати, прислушиваясь к его дыханию. Костик спал очень беспокойно: постоянно вертелся и стонал.

Абсолютно не выспавшись, Лиза пошла утром на работу. Она сделала небольшой крюк, чтобы обойти двор, где накануне случилось несчастье. Возвращаясь днём из школы, она пошла коротким путём. Когда проходила мимо двора, события вчерашнего вечера опять всплыли в голове. Качели перетянуты чёрной лентой, к ним прикреплен белый лист бумаги с крупно написанными чёрным маркером словами: «Качели – убийцы». Во дворе никого не было.



ПРОЗА

Инна МУХИНА

Инна Юрьевна Мухина – по профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в коллективных сборниках и альманахах. Автор трёх поэтических книг и лауреат многих литературных конкурсов. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.



«И горнего воздуха чистый глоток...»

Судьбу благодарю
За то, что мне дано.
Её огнём горю
И пью её вино.
Молитвы ей шепчу,
Проснувшись поутру,
И вместе с ней лечу
На солнечном ветру.

Борису Пастернаку

О, Пастернак,
Прекрасный
И забытый!
Для маленького
Раненого сердца,
Вместившего
Все таинства
И муки,
Твой удивлённый мир,
Как очищенье,
От разъедающей
Нас фальши.

Радуга Марины

Снова чту и читаю
 Всю Марину Цветаеву.
 Пламя любви – счастье,
 Не в прошлом, а жизни частью
 В будущем и настоящем.
 Праздник грозы, радуг,
 Жажда души – радость,
 Как объяснить, не смею,
 Приходят ко мне с нею.
 Звон колокольный забытый,
 Дом её там стоит ли?
 Памятник тот тарусский,
 Саван её не сшитый.

В музее Анны Ахматовой

Я здесь воспрянула душой
 И поняла, что злоба мира
 Перед тобою меркнет, лира,
 Какой бы век к нам ни пришёл.

Сергей Есенин

Есенин – бунтарь и гуляка!
 Любимец толпы и салонов.
 Умевший смеяться и плакать,
 Обнявшись с заснеженным клёном,
 Воспевший приокские сини,
 Деревню да хату с божницей.
 Есенин то мудрый и сильный,
 То франт, то рязанский возница.
 Влюблённый в овсы и покосы,
 На всё получил оправданье
 Руси в золотистых колосьях,
 Принявшей любовь и страданье.

Памяти Высоцкого

Опять о нём, но боль уже стихает,
 Безумству дань мы отдали вполне,
 Всё ложное само себя сметает,
 А истинное ценится вдвойне.
 Но тишина опять нам режет уши,
 Не выдержав, срываемся на крик,
 Сквозь толщу лет «Спасите наши души!»
 И сердце к сердцу рвётся напрямик.

Льву Котюкову

Я отдал свою свободу птицам...
Лев Котюков

Просветлённой Душе
 Неуютно в потоке людском,
 На крутом вираже
 Ждёт её чёрной зависти ком.
 Чтобы песнь очернить
 Бесталанности нужен приют,
 Но талант не убить.
 Это певчие птицы поют!
 Им Душа подарила
 Свободу и тайну свою.
 И нелёгким путём
 Между вечностью и бытиём
 Продолжает Душа
 Восхождение в бессмертье своё.

Юрию Богданову

Я многие лета
 Хочу Вам сказать.
 Ваш путь
 Освещается словом.
 Пусть с Вами пребудет
 Стихов Ваших рать,
 Изданий и прежних,
 И новых.
 И горного воздуха
 Чистый глоток
 Дарует волну
 Вдохновенья.
 И лавровый Вас
 Увенчает веночек
 За тайные муки
 Прозренья.

Владимиру Пальчикову

Ваши истины – даль окоёма,
 Закольцованных мыслей каскад.
 Бьёт энергией поток неуёмный,
 Не взыскуя похвал и наград.
 Рассыпаются искры огня,
 Палиндромные звенья звенят...



Ожидание

Поэтическая сказка для взрослых

Получив разрешение на полёт, спортивный самолёт вырулил на взлётную полосу, быстро набрал скорость и, слегка качнув крыльями, парирюя налетевший боковой ветер, легко ушёл в надвигающиеся сумерки... Он убрал шасси, взглянул на исчезающие огни аэродрома и большого города и забыл всё, что осталось за пределами видимости. «С глаз долой – из сердца вон» – подумал он, испытав приятное расслабление в мышцах и мыслях. У него была очень трудная рабочая неделя, которая основательно его измотала, и в полёте он решил немного успокоиться, забыть как свои деловые проблемы, так и назойливую подружку, которая изнуряюще стремилась войти в его сердце, а заодно и в бизнес.

Приборы показывали нормальную работу всех систем самолёта, мотор весело мурлыкал, как кот, греющийся на коленях у хозяина.

Чёрная мгла обволокла полусферу ночного неба на северо-западе, и только слабый серебристый и сиреневый неверный свет, окружающий заходящее тёмно-вишнёвое солнце, давал надежду человеку, пролетающему на самолёте сквозь сумерки наступающей ночи, что он не залетел по ошибке в преисподнюю.

После получения лицензии пилота ему чаще приходилось летать после завершения рабочего дня. Мешали дела. Но со временем и с увеличением опыта он пристрастился к ночным полётам, как к элементу разумного риска, который был всегда ему свойственен и при ведении бизнеса. Во время ночных полётов он испытывал моменты приятного холода страха от осознания собственного одиночества в пространстве и, в принципе, абсолютной незащитности перед ВЫСШЕЙ СИЛОЙ. И ему казалось, что он летел в своём маленьком самолёте, всматриваясь в бесконечное звёздное пространство, подобно обречённому на ошибку мотыльку-однодневке, летящему на испепеляющий



Александр Ганин (Александр Васильевич Гниненко) – кандидат экономических наук, доцент по кафедре «Иностранные языки» Московского государственного машиностроительного университета «МАМИ» / Университет машиностроения. Окончил Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (англо-немецкое отделение факультета иностранных языков) и Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе (экономический факультет). Автор поэтических сборников «Не забывай и не прощайся...» (2005), «Нескончаемое прощанье, нескончаемая любовь...» (2007), «Ожидание» (2010), текстов и музыки, исполнитель авторских песен (компакт-диск «Песни для друзей»). Член Российского Авторского Общества и Союза писателей России. Имеет общественные награды.

Живёт в Москве.

огонь, приняв его за спасительный свет. Здесь, перед надвигающейся звёздной бездной... в какие-то моменты, он ощущал себя неизмеримо ничтожным и жалким человечком, божьей тварью, и в тоже время гордился своей способностью преодолевать эти ощущения и чувствовать себя, хотя бы немного, но победителем ПРИРОДЫ.

Во время полётов он иногда задумывался о том, что у него было плохого и хорошего в жизни, и что он сделал больше: хорошего или плохого. Вспоминалось всякое, и почему-то всегда вспоминалось немного по-разному... соотношение было неустойчивым, и от этого тревожно щемило сердце...

Чаще всего он вспоминал о ней. Она не захотела с ним перебраться в большой город, он какое-то время приезжал к ней в их родной городок, но отношения не складывались из-за её нежелания переехать к нему...

Потом был развод, она вышла замуж за другого, но новый её брак оказался несчастливым и недолгим... У него также не складывались прочные отношения с другими женщинами. И, скорее всего, причиной этому были угасшие чувства к ней. Там, внизу на земле он старался не думать о ней, но понимал, что в его памяти оставался единственный островок надежды – это воспоминания о ней.

Ему было жаль несостоявшейся той жизни, мучило осознание невозможности что-либо изменить не только в прошлом, но и в будущем...

Он не видел её, как он припомнил, вот уже три месяца... мешали изматывающие командировки, серьёзный бизнес, знакомства. Он иногда звонил ей, помогал материально, если она просила, но последнее время от неё не было никакой весточки. Он жил в большом городе своей жизнью, который по существу был большой каменной тюрьмой, цепко и пожизненно удерживающей мечущихся человечков-жителей в рамках иногда противоречащих естеству условностей в поисках своего маленького или большого счастья и удачи.

«А ведь городок, где я был счастлив, находится всего в часе лёта, совсем недалеко... у меня не осталось никого из близких родных людей, а там осталось всё то, что было у меня лучшее, а, может быть, и есть лучшее, из того, что ждёт меня впереди? Это – хороший случай, последний шанс, надо рискнуть, я прилечу неожиданно, я с ней поговорю, скажу, что я продам бизнес и вернусь и, может быть, всё уладится, надо только перелететь через ЗАЛИВ ОКЕАНА и долететь до ДРУГОГО БЕРЕГА» – подумал он. Решение было принято. Он доложил по радиообмену об изменении курса и поставил автопилот. Можно было осмотреться. В кабине самолёта было комфортно и уютно, от приборов исходил мягкий зеленоватый свет. Он слегка откинул голову и стал смотреть на бездонное звёздное небо... о чём-то убаюкивающе мурчал двигатель самолёта... На душе вдруг стало светло и легко. За фонарём кабины как в красивом сне проплывали гигантские горы облаков, фантастические нагромождения которых поражали своей величественной и холодной красотой. Мягкий бледный свет невидимой Луны оттенял вершины и склоны и впадины этих воздушных нагромождений. Вверху в подавляющей красоте раскинулся ЗВЁЗДНЫМ ЗАНАВЕСОМ непостижимый и вечный Млечный Путь, за которым скрывается ВЕЛИКАЯ ТАЙНА жизни и смерти, которую никому не дано постигнуть...

Впереди показались грозовые облака, и он увидел разряды молний, но поворачивать уже было поздно: не хватит топлива. Разряды молний становились ближе, он изменил курс, пытаясь уйти от грозы. Самолёт начало трясти в воздушных потоках. Неожиданно мощная ослепляющая молния ударила в

кабину пилота, яркая вспышка ослепила его, и сердце его резко сжалось, потом неожиданно наступила полная тишина...

Двигатель самолёта уютно пел. Вдруг прямо из темноты появился любимый полосатый серый кот Мика, который стал ласкаться, мурлыкать и лизать руки... «Откуда ты взялся и как попал в кабину?» – удивился он и подумал: наверное, друзья решили подшутить. А кот смотрел на него своими голубыми глазами и, как будто хотел ему сказать что-то очень важное, о чём-то его предупредить... И он почти понимал его, и в голове вертелась какая-то мысль, но какая... какая?.. Вдруг впереди по курсу появилось белое пятно небольшого облака, которое быстро приближалось на фоне звёздного неба, и на этом облаке он увидел двух АНГЕЛОВ – ЧЁРНОГО и БЕЛОГО, которые стояли с расправленными крыльями по обеим сторонам величественных ЗВЁЗДНЫХ ВОРОТ, открывающих дорогу к туннелю из столба света... потом видение исчезло...

Шум работающего двигателя был похож на уютно мурлыкающего кота. И потом стало тихо. И было в этой тишине и покое что-то сладостное, благодатное. И на душе у него пели птицы, и на лице светилась умиротворённая улыбка спящего ребёнка, которая так была знакома его матери, сидевшей у его детской кровати, та улыбка, которую с тех пор никто не видел... Он летел в городок, где родился, чтобы вернуться к ней. Лицо его светилось от радости и долгожданного душевного покоя. Дышалось легко и свободно. Ему казалось, что он летит не в самолёте, а летит сам, как птица, взмахивая широкими и мощными руками-крыльями, легко преодолевая встречные потоки воздуха в свете грустной Луны и безразличных звёзд...

Внизу сквозь тёмную пропасть замелькали посадочные огни аэродрома. Он запросил посадку. Посадку разрешили. Взлётно-посадочная полоса быстро надвигалась... вот послушно вышли стойки шасси, легко коснулись бетонной дорожки, последовал лёгкий толчок, самолёт пробежал ещё немного и остановился. Он освободил полосу, зарулил на стоянку. Сдвинул фонарь кабины назад... В лицо пахнул запах цветущих майских трав и цветов, неподалёку в роще щёлкали соловьи. «Именно в такой вечер – я это хорошо помню – я познакомился с ней. И вот, я возвращаюсь, я возвращаюсь... Быстрее взять такси и к ней... ещё не поздно... она поймёт...» – метались в голове мысли...

Вот её скромный домик на окраине города совсем недалеко от моря, в окнах горит свет: значит, она не спит. Он постучался в дверь. Послышались лёгкие и быстрые шаги. Сердце его сладко щемило и гулко билось в груди. Она спросила: «Кто там?»... Срывающимся голосом он тихо произнёс: «Это я... я вернулся... я вернулся... чтобы извиниться... я долго не приезжал... вот решил сделать сюрприз...» Дверь открылась. В дверях стояла ОНА. «Ты вернулся? Ты вернулся навсегда?» – тихо спросила она...

...После удара молнии он не пришёл в сознание и видел всё это как будто в сладком, глубоким и счастливым СНЕ. На лице его сияла улыбка – умиротворённая и полная спокойного прозрения, понимания и прощения и постижения ранее скрывавшейся от него удивительно простой, но гениальной истины... ОН обнимал ЕЁ после долгой разлуки...

Он не пришёл в себя и когда сигналы приборов извещали его о том, что топливо на исходе, и когда остановился двигатель, и когда его самолётник, потеряв скорость, вместе с ним стремительно и безнадежно легко свалился на крыло, и стал падать сквозь чёрное, молчаливое пространство навстречу ОКЕАНУ... ОН улыбался и обнимал ЕЁ. ОН не очнулся и тогда, когда самолёт,

бесшумно вынырнув из облаков и, пронёсшись чёрной тенью, неестественно плавно заскользил по поверхности светящейся под лучами Луны воды, ушёл в тёмно-зелёную, изумрудную пучину ОКЕАНА. ОН был счастлив в этом вечном волшебном сне – он обнимал ЕЁ...

А ОНА не спала в эту ночь. Ей вспомнился ОН. Таким, каким ОНА его увидела в первый раз: молодым, жизнерадостным и добрым. В открытое окно спальни проникали и кружили голову запахи цветущих акаций, где-то щёлкал соловей...

ОН и ОНА так и не узнали, что он погиб и тело его, сдавленное в исковерканном металле, покоится где-то в ОКЕАНАЕ под толщей воды, куда никогда не проникает солнечный свет... Но ему там хорошо... он улыбается и обнимает ЕЁ...

Но где душа его...? Кто знает... кто знает... Может быть, душа его будет жить в соловье, который каждую весну будет петь под окном её уютного домика? А может быть, душа его – это звёздочка, мерцающая в бесконечной ВСЕЛЕННОЙ, одна из неисчислимого количества звёзд, которую можно иногда увидеть в ночном сентябрьском небе, когда ясная, немного прохладная, но нехолодная ещё ночь полна терпких ароматов последних осенних цветов и зрелых яблок? И когда ОНА выходит по таким вечерам в свой маленький садик перед домом, и по необъяснимой причине смотрит на звёздное небо, ОНА как будто пытается отыскать на небе эту далёкую, далёкую звёздочку, напоминающую о существовании ДРУГОГО МИРА, и сердце её сжимается от внезапной тоски и необъяснимой грусти... от подсознательного понимания, что жизнь так безнадежно коротка...

Она грустит о нём и немного обижается на него, за то, что он не звонит и не пишет последние три месяца, но какое-то внутреннее чувство подсказывает ей, что он по-прежнему любит её... и он когда-нибудь вернётся... стоит только немного подождать...

...За полгода до его гибели у неё появился новый друг. Элегантно одевающийся, любящий дорогие рестораны и машины. В его руках был игорный бизнес, а по слухам – также и наркобизнес и проституция, и он мог позволить себе многое, очень многое. Он покупал ей дорогие подарки, брал с собой в экзотические поездки. Потом выяснилось, что кроме дорогих сигар и дорогого виски, он увлекается наркотиками, и не только «травкой», но и героином. В какой-то момент он уговорил её попробовать и испытать эти ощущения вместе с ним. Она быстро «села на иглу»...

...В одну из сентябрьских ночей, после бурного секса, обильно сдобренного наркотиками и выпивкой, они лежали в постели в её доме в полузабытьи и курили сигаретки с марихуаной. Потом они провалились в глубокий сон, его сигаретка упала на пол... огонь быстро охватил весь дом и он запылал адским пламенем как в топке крематория, сделав из них две кучки пепла и не оставив им никаких шансов на спасение...

А соловей... соловей каждую весну прилетает к тому месту, где когда-то стоял ЕЁ дом, садится на ветку уцелевшего от пожара куста сирени и поёт свою песнь любви, но никто его не слышит, кроме зачарованного серого полосатого кота, странным образом поселившегося в развалах пепелища...

А осенью, сентябрьскими ясными ночами на небе появляются звёзды – буквы неизвестного алфавита, которые образуют слова и предложения текста волшебной Книги жизни и смерти, которую людям никогда не будет дано прочесть до конца.

И среди этих звёзд есть одна далёкая звёздочка, которая как будто внимательно всматривается в то место, где когда-то стоял ЕЁ дом, пытается найти и увидеть кого-то или что-то в течение всей ночи, но не находит, не видит и утром исчезает с первыми лучами солнца... Но эта едва заметная звёздочка обязательно появляется на звёздном небосводе в следующую ясную ночь, ожидая найти и увидеть то, что она не может найти и увидеть уже много-много лет...



ПОЭЗИЯ

Анатолий ПЯТОВ

Анатолий Иванович Пятков – член Союза писателей России. Член-корреспондент Академии поэзии. Кавалер ордена «В.В. Маяковский» и литературно-общественной премии «Светить всегда», Золотой Есенинской медали. Лауреат премии «Золотое перо Московии», премии имени А.П. Чехова, ордена «М.Ю. Лермонтов» и литературно-общественной премии «Герой нашего времени». Автор семи сборников стихотворений.

Живёт в Москве.



«А от радости ввысь воспарить...»

От автора

Академику В.З. Кучеренко

В силу своего возраста и жизненного опыта я пришёл к печальному выводу, что человек нужен только тогда, когда он может помочь другому человеку, и если нет, то он становится изгоем. Его забывают псевдодрузья, сослуживцы по работе и те, кто клялся ему в верности и преданности. Что же заставляет нас так поступать? Какие мотивы находим мы – люди, чтобы забыть о нём? Кто же привил нам эту нелюбовь к ближнему? А он, забытый и брошенный нами, помнит всех и продолжает жить нашими проблемами. Страх одиночества доводит его до исступления. Подумайте! Ведь это наша плата за его добро, а ему-то и нужно всего лишь ДОБРОЕ СЛОВО.

Грусть-зима

Пляшет тенью огонь от камина
На подоле цветастого пледа,
А мой друг, словно в чём-то повинен,
Всё молчит, не заводит беседы.

Всё молчит, но понятно без слова,
Что он хочет от прожитой жизни.
Улыбнулся, ну что тут такого,
А мне кажется, радуга брызжет.

Грусть-зима, не стесняясь, в окошко
Изумруды весь вечер бросает,
Только станет теплее немножко,
Их ведь тоже никто не узнает.

Струйки талые, словно морщины,
Потекут по стеклу, как по коже.
Так беда ль, что красивый мужчина
Стал на доброго деда похожим.

Разливается нега по телу
От простого щемящего взгляда.
Только мне ничего не поделать
С неизбежной порой листопада.

Неподвластно мне чудо земное:
Ни зимы торжество, ни ненастье,
Но когда у тебя за спиною
Верный друг, значит, есть оно – счастье!

Жизнь – небесный корабль

Наша жизнь – как небесный корабль
У земного причала.
Если якорь поднять, поплывёт,
Как туман над жнивьем,
Только если душа в эту ночь
Журавлём закричала,
Значит надо до друга лететь
В эту ночь журавлём.
Значит плохо ему, и тоска
По хорошему слову
Разрывает пространство до боли
Сердечной в груди.
И пускай в нашей жизни
Опять появляется повод,
Чтоб не рвать якоря и непрошенный
Рейс отменить!

На краю волшебного заката

На краю волшебного заката
Умирает тихо летний вечер,
И заря, как будто виновато,
Зажигает в изголовье свечи.

Тимоново прячется в тумане.
Звёздный мир заглядывает в окна.
Как мне хорошо сегодня с Вами.
Все печали в сумерках умолкли.

На камине рюмочки с закуской.
Пламя на поленьях, словно плачет.
И луна, стыдясь, полоской узкой
Высветила стынувшие дачи.

Относясь друг к другу с уваженьем,
Чтим табу – ни слова о работе,
Слушая с особым наслажденьем,
Как поёт о чём-то Паваротти.

В саду распустился жасмин

В саду распустился жасмин,
И, словно присев на колени,
Всё утро целуется с ним
Отцветшая ветка сирени.

Умолкло кипенье кистей,
Сводивших с ума всю округу,
Но жар неостывших страстей
Всё катит и катит по кругу.

Милует её первоцвет,
Да видно, не может влюбиться.
Как жаль, что у прошлого нет
Возможности вновь повториться!..

Тимоновская осень

Вновь нарисовал великий мастер
Красное на золоте листвы.
Находясь у осени во власти,
Распродал зелёные холсты.

Лес стоит в рябиновом закате.
От осин струится цвет бордо.
И несёт старушка в сером платье
С яблоками целое ведро.

А на небе журавлиным клином
Жжёт печалью вечная стрела.
Будь же жизнь твоя такой же длинной
Как и эти вечные дела!

Улетают года, улетают

Улетают года, улетают,
Так, как птицы умеют летать,
Оттого эту гордую стаю
Мне уже никогда не догнать.

Так позвольте назад оглянуться,
Чтоб судьбу под себя изменить,
До земли от печалей пригнуться,
А от радости ввысь воспарить.

И напрасно тревожные стоны
Рвутся в душу с соседних полей.
Мне милее церковные звоны,
Чем прощальная песнь журавлей!

Крым – 2014

Пьянею от запаха моря,
От русской раскатистой речи,
Ведь здесь о России не спорят
И чтут православные свечи.

Но, всё же, война незримо
Вплела свой проклятый локон
В пустынные пляжи Крыма,
В пустые глазницы окон.

Но долго ли ей глумиться
На фоне морской прохлады?
Я вижу счастливые лица,
И большего нам не надо!



ПРОЗА

Василий ПОЛЯКОВ

Рассказы

Розы обязательно зацветут

Художник Фернан Леже прогуливался по Парижу. На одном довольно людном перекрёстке его внимание привлёк просящий подаяние. Это был молодой и вполне опрятно одетый молодой человек, сидевший на аккуратном складном стульчике. Перед ним лежала перевёрнутая старенькая шляпа, на дне которой блестели две-три мелкие монеты.

Углублённые в свои мысли прохожие, как правило, проходили мимо и лишь изредка кто-нибудь из них останавливался и одаривал юношу своей милостыней.

Леже подошел ближе, ссыпал в шляпу несколько монет, услышал в ответ благодарность и, подняв голову, увидел на груди юноши табличку со словами: «Слепой от рождения».

Продолжив прогулку по городу, художник поймал себя на мысли, что судьба юноши, как говорится, не выходит у него из головы.

Вечером в свой мастерской Леже нарисовал яркий многоцветный плакат, на котором изобразил клумбу с цветущими розами и сделал придуманную им надпись.

На следующий день художник снова пришёл к перекрёстку и увидел того же молодого человека со шляпой. Прежде, чем подать милостыню, Фернан аккуратно вложил в руку юноши своё произведение.

– Что это? – спросил незрячий молодой человек.

– Я художник, – ответил Леже, – и хочу подарить вам свой плакат. Пусть он заменит вашу табличку.

– Спасибо. Но теперь люди не поймут, почему я вынужден обращаться к ним за помощью.

– Не волнуйтесь. Поймут, – ответил художник. – На плакате есть и слова. Я только слегка видоизменил их.



Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.



– Что же вы написали? – поинтересовался просивший подавание.

– Только одну фразу: «Розы зацветут, а я не увижу их».

Юноша долго взволнованно молчал, затем беззвучно сглотнул воздух. Из его невидящих глаз скатились скупые слезинки.

– Спасибо, – тихо прошептал он. – Вы очень добрый человек.

...Прошло несколько дней. Леже снова прогулялся к знакомому перекрёстку и в некотором отдалении постоял и понаблюдал за молодым человеком со шляпой и прохожими. Парижане всё так же шли по своим делам, некоторые торопились, но, увидев юношу и плакат, останавливались. И тот, кто обращал внимание на юношу, плакат и написанные на нём слова, становился серьёзным и спешил оказать помощь слепому. Кое-кто обильно сыпал мелочь, а некоторые помещали в шляпу деньги и покрупнее.

Фернан ещё некоторое время постоял у перекрёстка и понаблюдал за слепым и прохожими. И чем дольше он стоял, тем теплее и приятнее становилось у него на сердце. Сделанный им несколько дней назад плакат с цветущими розами явно привлекал внимание прохожих, не унижая достоинства просящего милостыню.

Леже стало так спокойно и возвышенно на душе. Тихая тёплая радость разлилась по всему его телу.

И вдруг его мозг буквально пронзила простая и отточенная мысль: «Посочувствуйте попавшему в беду... Помогите ему... И тогда розы обязательно зацветут... хотя бы в вашем сердце...»

Надежда никогда не умирает

Много-много лет тому назад довелось мне оказаться на больничной койке. Дело было зимой. Морозы трещали такие, что даже форточки законопатили, а уж о прогулках вообще не было речи. Восемь взрослых мужчин – больных, но не слишком тяжело, в течение четырёх недель были сосредоточены в одном, не очень просторном помещении. Конечно, быстро перезнакомились и сдружились. Красивый рослый армянин Карен из Азербайджана оказался директором завода. Смуглый курносый и очень нервный украинец Гриша проектировал и монтировал оборудование на атомной электростанции. Улыбчивый и внешне наивный татарин Рамис работал на московской швейной фабрике. Маленький черноволосый осетин Мухтарбек оказался каменщиком со стройки. Бравый высокий ширококостный русский богатырь Алексей работал слесарем на машиностроительном заводе. Небольшого роста, с нежной девичьей кожей кореец Ли был специалистом по огородным культурам в подмосковном совхозе. Студент пятого курса физико-технического института еврей Соломон был высок, худ и печален. Восьмым был я – той же национальности, что и Алексей, но единственный в палате болеющий медик.

Общим, сплотившим всю палату занятием, оказались шахматы. А коробка с фигурами и пешками была всего одна.

Оказалось, что все, кроме меня, играли довольно здорово, выдерживали при игре навывлет и пять, и шесть поединков кряду. Лучше всех играли Карен, Григорий и Соломон. Сначала первенство с переменным успехом удерживали Карен и Григорий, но разница в возрасте, нервозность, дерзость и грубость Григория разозлили Карена настолько, что дело чуть-чуть не окончилось дракой. Да, да, самым настоящим мужским рукоприкладством. Пришлось

срочно тушить пожар отношений. После этого желание сражаться в шахматы утихло в палате дня на три-четыре. В эти дни развлекали друг друга историями, анекдотами, байками и постепенно о конфликте забыли.

Наконец, в один из вечеров, Соломон робко предложил мне сыграть партию-другую. Я согласился. И, о ужас! Теоретическая и турнирная подготовка Соломона оказалась столь отточенной, что я проигрывал одну партию за другой и чёрными, и белыми.

Тот, кто играл в шахматы, знает, как иногда деморализуют человека постоянные поражения в шахматных поединках. Самое обидное, что в игре с очень сильными противниками не всегда после сыгранной партии улавливаешь, где же был твой просчёт.

Вот и меня посетила меланхолия – всё проигрываю и проигрываю. Я под благовидным предлогом перестал сражаться, и шахматная доска с фигурами поплыла от меня вдаль по кругу: к Алексею, Мухтарбеку, Ли, Рамису, Григорию, Карену.

Случилось так, что в один из дней и Карен проиграл Соломону, причём он сдал партию, когда его атака вроде бы захлебнулась, а материальный перевес оказался на стороне Соломона.

И вот тут, глядя на поединок со стороны, я увидел то, что не заметил за доской Карен. Я попросил Соломона не считать незаконченную партию своей победой, а продолжить её. Какое-то наитие на меня нашло. Я пробивался к королю противника и жертвовал, жертвовал, жертвовал. По-спортивному издеваясь надо мной, Соломон стал съедать мои жертвы так, что его король оказался окружённым почти сплошь забором из своих фигур с одной маленькой калиточкой для отхода. Вот тут и последовала моя последняя жертва фигуры. Я остался с королём, конём и пешкой, а он... с очень большим преимуществом. Мне пригодилась моя последняя пешка. Когда я её пожертвовал, её можно было съесть только так, чтобы калитка захлопнулась, а поле для моего коня... Да, да, поле для оставшегося у меня единственного коня при его последующем ходе не простреливалось. И я поставил своего коня на это поле. Это был одновременно шах и мат – так называемый «спёртый мат», когда король противника под шахом, а отойти ему некуда!

Все мои соседи возликовали, приписали мне несуществующие шахматные разряды и объяснили серию моих предшествующих поражений неважным состоянием здоровья в начале лечения.

Эта шахматная партия очень многому меня и в жизни научила. В шахматах, в жизни, а особенно в медицинской профессии сдаваться – последнее дело.

Помню, как в одной медицинской компании молодой хирург в присутствии старых зубров изрёк: «Да, надежда умирает последней...»

На это убелённый благородной сединой академик-онколог, тайно влюблённый в молодую хозяйку, которую звали Надежда, отчётливо выговаривая каждое слово, произнёс: «Надежда никогда не умирает...»

Хирурги возликовали, как удачно мэтр срезал «мальчишку».

К счастью, никто из них не обратил внимания, каким долгим, счастливым и благодарным взглядом одарила мэтра хозяйка.

Но я надеюсь, что это совсем неинтересно. Мы же о шахматах...



ПОЭЗИЯ

Надежда ТЕРЕНИНА

Надежда Владимировна Теренина – родилась в Москве. Первые стихи написала ещё в школе. Член литературно-музыкальной студии «Златоуст». Живёт в Москве.



«Улыбнись по-доброму, прохожий...»

Молот, наковальня и гончарный круг –
Фестиваль ремёсел, музыка вокруг –
Бисероплетению можно научиться –
Всякое умение в жизни пригодится!
Нарисую мелом солнце на асфальте
И раскрашу белым у принцессы платье!
Подходите ближе, мастерства не жаль –
Кто картину вышьет, кто-то свяжет шаль,
Нарисуют дети мир в карандаше...
Главное на свете – дело по душе!

Война – вселенская беда,
Беда пришла в твой дом –
Ты представляешь, каково
Под шквальным жить огнём?
Стрельба зенитная слышна
С рассвета дотемна –
И если это не война,
То что тогда война?
Враг зачищает города,
Не братья мы теперь –



Кто между нами навсегда
Закреть стремится дверь?
И разрушается страна
С утра и дотемна –
И если это не война,
То что тогда война?
А если нет пока беды,
Не жди, когда придёт –
С достоинством сумеешь ты
Свой защитить народ?
Всё размышленья, а в реальности
Вокруг воронки и руины...
У горя нет национальности!
Поможем братьям Украины!

Штрих из жизни

Женщина, одетая прилично,
Собирает банки вдоль дороги,
На прохожих смотрит безразлично
И, быть может, думает о Боге...

Почему она их собирает?
Ну зачем ей эти заморочки?
Потому, что выплат не хватает,
А помочь хотелось сыну с дочкой.

Сложные процессы в государстве,
В здравоохранении – проблемы...
Что не ко двору мы в этом царстве –
Просто аксиомы-теоремы.

Улыбнись по-доброму, прохожий,
Не смотри с печальной укоризной –
Каждый выживает так, как может –
Это просто штрих из нашей жизни...

Рассуждает, думает, мечтает,
В кошельке из райсобеса справка...
Ну и что, что банки собирает –
Это просто к пенсии прибавка!





Один общий враг, три сорта предателей и здравый смысл

— Мне горестно сознавать, что до сих пор среди вас находятся те, кто не понимает всего значения, всей ценности нашего органа, а также нашего дальнейшего разрастания...

— Что?! Да какой вы орган? Что ты мелешь?! Вы...

— Я требую тишины! — рявкнул нейрон, и бледный от негодования Т-лимфоцит осёкся, не закончив фразы.

Но вместе с тем все присутствующие поняли, что именно он хотел сказать. Более того, они все были с ним согласны. Тем не менее, регламент требовал, чтобы каждая сторона высказывала своё мнение свободно. В конце концов, именно для этого они здесь и собрались.

Огромная, деформированная раковая клетка выдержала паузу, дожидаясь полной тишины и попутно выказывая своё неудовольствие, затем продолжила:

— Итак, мы остановились на том, что не все понимают необходимость стать на путь перерождения в онкологическую клетку. Хотя нет абсолютно никаких сомнений в том, что именно путь озлокачивания — единственная дорога к бессмертию. Ведь только озлокачившись, клетки теряют свою способность к апоптозу, этому по сути самоубийству, и начинают ускоренно делиться. Более того, с нами до сих пор продолжают бороться, хотя мы — вы же видите! — не отвечаем вам тем же. Мы не уничтожаем ваши клетки, как это делаете вы с нашими. Мы не засоряем окружающую среду обломками ваших макрофагов и лимфоцитов, как это делаете вы. А, между тем, организм — это ведь наш общий дом...

Т-лимфоцит сорвался с места и, под неодобрительный шёпот других приплывших на переговоры иммунных клеток и высокомерное молчание присутствующих метастазов раковой опухоли,



Евгений Николаевич Татарский — врач-хирург по профессии, родился в 1985 г. в Ялте в семье врачей. Окончил Крымский государственный медицинский университет (г. Симферополь) и Украинскую военно-медицинскую академию (г. Киев). Служил в рядах вооружённых сил Украины (г. Кривой Рог).

Живёт Алупке.



покинул лимфоузел. Он не мог дальше это слушать. Это противоречило здравому смыслу, бросало вызов самой основе выживания... Его не остановил даже нетерпеливый окрик «немедленно вернись сюда!», которым огласил близлежащие мягкие ткани глава их делегации нейрон.

Вынырнув из лимфоузла, уже наполовину перерождённого в раковую бесформенную массу стремительно делящихся клеток, он быстро нырнул в лимфатический сосуд и неспешно поплыл по нему в сторону вены.

Подумать только! Раньше с раковыми клетками боролись на смерть, уничтожали их сразу же, как только они осмеливались появиться, а теперь... Собрание, видите ли! Да ещё где — в подмышечном лимфоузле. Видано ли такое вообще?

Всю свою жизнь, от самого рождения в костном мозге, и до этого момента, он был уверен, что система, на которую он работает, ради которой он готов на всё, готов убивать, готов умереть, управляется мудрым мозгом из черепа, и вдобавок в некоторой степени саморегулируема на местах. Да ведь так и было! Было же! Мозг управлял, и никто из других органов никогда не смел претендовать на эту функцию, даже половые органы, самые либеральные вольнодумцы и пройдохи, которых он только знает, и то подчинялись мозгу. Легкие вбирали в себя кислород, желудочно-кишечный тракт питательные вещества и воду, сердце качало кровь, которая разносила всё это по организму. Конечно, на правах лидера, мозг получал лучшее из того, что было в крови, к нему приток крови не прекращался даже тогда, когда другие органы были вынуждены терпеть недостаток. Но ради мозга, в конце концов, не жалко и потерпеть, пусть питается лучше остальных, родимый. Ему это действительно необходимо, его работа не идёт по своей важности ни в какое сравнение с работой какого бы то ни было другого органа. Шутка ли — управлять всем организмом! И как он только справляется со всем? По крайней мере, раньше справлялся. Теперь же, когда в организме появилась эта опухоль, когда, после нескольких малоэффективных мер против неё, мозг под её же давлением согласился на переговоры... Т-лимфоцит не знал, что и думать.

А раньше да, мозг был действительно выдающимся лидером, и никто не сомневался, что он заслуживает самое лучшее питание. Хотя, немало путешествуя по кровеносной системе, ему, Т-лимфоциту, приходилось бывать и в коронарных артериях, поэтому он знал, что прежде, чем послать питание мозгу, сердце сначала отбирало лучшее именно для себя. Хитрюга. Но, по всей видимости, мозг всегда смотрел на это сквозь пальцы, предпочитая не обращать внимания на подобные мелочи, пока это никак не вредит ему самому. В конце концов, что такое мозг без сердца? Ничто. Мертвец. Семиминутный паникёр, а после просто аморфная масса, бездумно выполняющая свою функцию. Выполняющая, конечно. Но всё же бездумно. Кости вон, тоже свою функцию выполняют, мало ли. Так что, в известном смысле — у мозга с сердцем сформировался своеобразный тандем, под справедливым руководством которого столько лет жил и развивался весь организм. Печень и селезёнка, мышцы и кости, глаза и кожа всегда получали всё, что им только было нужно. Если вдруг у кого-нибудь из них возникала потребность в чём-то, сразу же при помощи обратной связи мозг об этом узнавал и направлял в проблемную область всё необходимое. И всё работало отлично. Мышцы двигали тело, потребляя ровно столько питательных веществ, сколько им было нужно, кости вообще неприхотливые, в отличии, например, от половых органов, но и те никогда не требовали больше, чем могли употребить. Каждая клетка организма

выполняла свою работу, питаюсь в соответствии с этим. И даже те клетки, которые только тем и заняты, что накапливают в себе жир, и то нужны, никто же не спорит. Но это же! Ведь не орган даже, а так, паразит...

– Поймай! – услышал он крик позади себя.

T-лимфоцит, уже влившийся с лимфой в венозную систему, сразу же замедлил своё движение и, чтобы остановиться окончательно, подплыл к сосудистой стенке, где движение было не таким активным. Он только сейчас понял, что в охватившем его возбуждении позабыл о своём напарнике, который остался там, на собрании.

Спустя пару мгновений напарник подплыл к нему, и дальше они двинулись уже вместе. Нельзя сказать, что с напарником они были очень дружны, но уж как-то так повелось, что всю свою жизнь они находились рядом. Происхождения они были одного, из одной клетки красного костного мозга, в один день покинули место своего рождения и направились на учёбу в тимус. Там, пройдя подготовку, они в составе крупного иммунного формирования были направлены на своё первое задание в ворота печени. Вот тогда-то они и срабатывались. T-лимфоцит как сейчас помнил тот день...

Температура организма поднялась почти до сорока градусов, в кровеносном русле, по которому они двигались к самой горячей точке, то и дело попадались фрагменты мёртвых тканей и обезображенные каркасы бактерий, уничтоженных теми, кто поспел к очагу нагноения первым. T-лимфоцит, несмотря на страх предстоящего сражения, пришёл в восторг. Бактерии! Как раз то, о чём он всегда мечтал, к чему он себя готовил во время длительных изнуряющих тренировок в тимусе.

Уничтожать бактерии! Что может быть лучше? Ради этого он был рождён, и ради этого он был готов умереть. Уже тогда, невинным лимфоцитом, готов был, наивным и недифференцированным.

Но каково же было его разочарование, когда ведущий их в бой макрофаг, вместо того, чтобы приказать им с ходу атаковать микробов, велел занять позицию в арьергарде и прикрывать тылы. Это был удар ниже ТС-рецептора. Но он подчинился, служба всё-таки. Рядом с ним в одном строю и стал его будущий напарник, тогда ещё тоже недифференцированный. Рассредоточились, замерли, лишь рецепторами шевелят, контролируют близлежащее пространство и ждут дальнейших распоряжений. Как учили, в общем. И вот во время этого нехитрого занятия он и заметил её.

Раковая клетка бугром выпирала из ровной, гладкой брюшины. И она была одна. Пока что одна. Нужно знать этих вредителей, чтобы понять, что в одиночестве они пребывают недолго, начинают делиться в геометрической прогрессии, вот только дай им волю. Он тут же сообщил об этой находке своему непосредственному командиру и тот, по-иммунному быстро приняв решение, активировал их, и приказал уничтожить мутанта. И они сделали это. Беспрекословно и чётко. Понимая, что пути назад уже не будет, сделали. Оболочка раковой клетки лопнула, и её начинка вывалилась наружу.

После той битвы он вошёл в состав штурмовой группы убийц, известной под названием T-киллеры, и получил позывной «Онколог». Его же напарник, который непосредственно не убивал, но оказал неоценимую помощь в уничтожении клетки-мутанта, вошёл во вспомогательную группу, названную T-хелперы. Но, так как первое своё задание им пришлось выполнить не против внешней угрозы в лице бактерии, а против внутреннего врага – раковой

клетки, то с того дня оба они были зачислены в службу внутренней безопасности, и о славе борца с вторжениями извне можно было забыть навсегда...

– Ну, что ты скажешь? – нарушил наконец молчание T-хелпер, прозванный за свою способность замечать даже скрытые под слизистой оболочкой раковые клетки «Грибником». – Нормальные переговоры, да?

«Онколог» прыснул.

– Если это переговоры, – сказал он, – то можно констатировать, что наш мозг уже не тот. Сдаёт, видимо, начальник, раз такую толерантность проявляет к тем, кто его потом и убьёт. Ведь убьёт же!

– Убьёт, – согласился «Грибник». – Убьёт непременно. Жестоко, болезненно, и никакая помощь извне уже не поможет.

Помощь извне иногда действительно поступала. То с водой в желудок падали какие-то таблетки и всякие растворимые капсулы. То прямо в кровь, в вену, впрыскивались растворы. А некоторые вещества вообще втирались в кожу, даже по нескольку раз подряд. Вообще-то, служба иммунной безопасности обычно воспринимала подобные вмешательства в свои дела с известной долей скептицизма. Хотя, если быть до конца честным, далеко не все из этих поставок мешали иммунной системе, были и такие, которые им действительно помогали в их борьбе, принимая на себя основную работу по уничтожению внешних врагов.

А вот внутренних, этих лживых отступников и подпольных вредителей, этих онкологических предателей, которые из полезной клетки решали вдруг стать злокачественной, этих мутантов, несущих разрушение, ещё ни один из поступивших извне препаратов ни разу не затронул. Более того, некоторые из них как будто даже способствовали ускоренному появлению клеток-отступников, которые тут же и уничтожались дремлющим иммунитетом.

Но все эти препараты ни шли ни в какое сравнение с главной проблемой, не дающей покоя службе иммунной безопасности. Дело в том, что и без лекарств ежедневно в организм поступает огромное количество веществ, которые только и делают, что стимулируют онкообразование. И в основном они попадают из воздуха, которым то и дело наполняются лёгкие. Порой это тяжёлые металлы, порой кислоты, а иногда так вообще создаётся впечатление, что в лёгкие попадает и не воздух вовсе, а какой-то дым. Причём, частенько. И чем дальше, тем дым туда попадает всё чаще, вот что особенно странно!

Им, лейкоцитам, конечно, может быть, этого и не понять в силу своей врождённой ограниченности, всё-таки не нервные же клетки, и даже по работе они очень редко бывают в черепной коробке, но мозг-то – мозг! – должен, наверное, понимать, что не воздух вдыхают его лёгкие, а дым. Но нет, раз за разом в альвеолы попадают всё те же канцерогены на радость и так уже вконец обнаглевшим мутантам и к ужасу всей эпителиальной братии дыхательной системы, которым приходится всё это, как лицам подчинённым, терпеть.

Может, как раз поэтому и происходит то, что происходит. Ведь терпение клеток тоже не безгранично. Вот и перебегают по одной, а то и целыми группами, в стан вчерашнего неприятеля, озлобляются на травящий их организм и озлокачествляются. А мозгу хоть бы что! Ну, прямо не мозг, а селезёнка какая-то разбухшая, даром, что в черепе живёт. Бедные лёгкие! Мало того, что с воздухом бактерии и вирусы залетают, так ещё и перебежчики.

Но клетки в организме своих не бросают, не в их это правила. Помогают в меру своих скромных возможностей кто чем может и без указаний мозга. Поэтому иммунная система и держит постоянно в лёгких свой контингент.

Причём, не ограниченный, как раньше, а усиленный. Гибнут, конечно, братья-клетки на передовой, эпителиальные и иммунные плечо к плечу, вместе потом с мокротой уходят в последний путь. А что делать? Если мозг себе такое позволяет, приходится всем за это отдуваться.

Хотя, конечно, недовольство растёт, особенно в последнее время. Но, опять же, у всех оно проявляется по-разному. Одни махнут рецептором на бросившее их на произвол судьбы руководство и озлокачествятся. Другие же начинают стачки устраивать, стихийные забастовки. Вот, например, недавно ткани бронхов что придумали. Потёк по ним очередной раз дым, а они возьми и сузь просвет настолько, что мозг света белого невзвидел. Задыхается без воздуха, родной, жить-то хочется, а вдохнуть не можется. Так ему! Перекрыли свой просвет бронхи почти полностью, но не до конца, конечно, а так, чтобы припугнуть. Сработало. Некоторое время дым не поступал. А потом всё вернулось. Только ещё хуже стало.

И насколько хуже!

Теперь мало того, что дым, так ещё и брызги какие-то сверху летят, прямо из ротовой полости вниз. И, попадая на слизистую, начинает этот аэрозоль такие вещи с бунтовщиками творить, что не по себе становится. Жуть! Даже говорить об этом страшно. Никто не ожидал, что мозг именно так отреагирует на молчаливый бунт своих бронхов. Репрессии, террор, санкции! Расширяться и не вякать, свободный транзит дыма и никаких тебе прав. Вот, как выяснилось, до чего может дойти некогда мудрый и справедливый руководитель. Горестно все это. Несправедливо и горестно.

Вот поэтому и неудивительно, что у раковой опухоли, растущей пока что бессимптомно в грудной клетке, уже сейчас находится так много сторонников. И можно их даже понять в какой-то степени. Они бы и рады служить мозгу, искренне этого хотят, но... Как можно остаться безразличным к тому, что мозг этот, ради которого ты готов буквально на всё, ради тебя даже импульса лишнего не пустит по нервному волокну? Как можно спокойно и самоотверженно терпеть террор по отношению к себе самому и к своим братьям-клеткам? Как можно простить мозгу то, что, когда ты вышел на акцию протеста, чтобы привлечь его внимание к проблеме – ради всех вышел, и ради него в том числе! Проблема же общая! – он начинает преследования и массовые расправы? Так что да, в известном смысле, перебежчиков понять можно. Простить нельзя.

«Онколог» с «Грибником» подплыли к сердцу и приготовились прокатиться. Любили они это дело. Вроде уже и взрослые клетки, солидные и немало повидавшие, а всё как стволовые. Хотя, раз уж всё равно приходится время от времени совершать путешествия через камеры сердца, почему бы не получить от этого удовольствие? И так в жизни клетки иммунной системы радостей немного, так чего ради лишать себя ещё и положительных эмоций от вакуолекружительного аттракциона? Нет уж, дудки!

И, отдавшись без остатка потоку крови, втягиваемому в правое предсердие, оба Т-лимфоцита ухнули внутрь. Пронеслись сквозь полость, миновали клапан, ещё одну полость, ещё один клапан, и вылетели в числе прочих визжащих и хохочущих клеток крови прямо в малый круг кровообращения. Весело!

К ним тут же подплыл странного вида моноцит и, держась рядом, понёсся вместе с ними по лёгочной артерии.

– Уважаемые, вы завтра придёте на собрание? – спросил он, когда они отплыли подальше от бухающего сердца.

Оба Т-лимфоцита вопросительно переглянулись.

– Что ещё за собрание? – осведомился «Грибник».

– Как, вы не знаете? – удивился моноцит. – В средней доле правого лёгкого завтра собрание. Будет решаться вопрос о переименовании малого круга кровообращения.

– Что-что? – нахмурился «Онколог». – Что будет решаться?

Моноцит терпеливо стал объяснять:

– Видите ли, какая ситуация у нас назрела в правом лёгком. Бронхи третьего и четвертого порядка подняли вопрос о номенклатуре. Ведь что же это получается...

– Давай ближе к делу, – нетерпеливо буркнул «Грибник».

– Хорошо-хорошо, – тут же засуетился моноцит, – уже перехожу к главному. Дело в том, что наш круг кровообращения, проходящий через лёгкие, до сих пор называют малым кругом. Потому что он меньше чем тот, который проходит через весь остальной организм и питает все ткани.

– Ну и что? – спросил «Онколог».

– Как это что? – изумился моноцит. – Да ведь это же несправедливо! Да, конечно, большой круг так и должен остаться большим, никто же с этим не спорит. Но мы-то, наш круг, уж никак не малый, а, как минимум, средний. Ведь кругов кровообращения три.

– Три, – согласился «Онколог». – Большой, малый и коронарный, питающий саму сердечную мышцу.

– Вот-вот, – захопал рецепторами моноцит, – вот я и говорю, что коронарный круг кровообращения нужно переименовать в малый, так как он действительно меньше, чем наш, который проходит через лёгкие и обогащает кровь кислородом. А наш из малого переименовать в средний. Со всеми вытекающими отсюда расширениями полномочий. Согласны?

Несколько секунд «Онколог» с «Грибником» плыли молча. Они оба ещё не вполне отошли от угнетённого состояния, в которое их вогнали мирные переговоры, которые иммунная система в данный момент проводила с представителями раковой опухоли при посредничестве костного мозга и периферической нервной системы. Оба матёрых Т-лимфоцита, как, впрочем, и все здоровымыслящие клетки в организме, были категорически против любых уний и сепаратных перемирий, на которых настаивает карцинома, и на которые, не ровен час, согласится мозг. Не нужно быть нейроном коры головного мозга с огро-о-мным отростком-аксоном, чтобы понять, что никакой мир с агрессором невозможен в принципе. По определению невозможен. Агрессора можно либо уничтожить совсем, либо не добить, и тогда уже он уничтожит тебя. С первого раза или постепенно, шаг за шагом, не суть важно. Конец всё равно один. На то он и агрессор. Поэтому третьего варианта тут просто не может быть. Так что, о каких переговорах с ними вообще может идти речь? С кем-нибудь другим, налаживая отношения, да. Но с агрессором! Переговоры с ним это уже признак пораженчества. И он это понимает ничуть не хуже, чем все остальные.

– Так как? – всё не унимался навязчивый агитатор моноцит. – Придётся на собрание?

«Онколог» развернулся к нему так резко, что перепуганный моноцит рефлекторно выставил вперёд свои рецепторы тканевой совместимости, по которым иммунные клетки узнают своих и не нападают, и которых нет у врагов.

– Вы что, все с ума посходили, что ли?! – рявкнул он, и моноцит весь сжался, словно вдруг оказался в рассоле и вода из него начала уходить наружу. – Вам что, вообще заняться нечем?! Какие ещё собрания? Какие переименования? Вы что, не понимаете, что мы на краю гибели сейчас? Что среди нас растёт и множится опухоль?

И, не дожидаясь, что моноцит проблеет ему в ответ, «Онколог» свернул в артерию поменьше на первом попавшемся разветвлении.

В лёгких как всегда было беспокойно. По мере того, как два Т-лимфоцита приближались к альвеолам, непосредственно контактирующих с воздухом, о том, что впереди идут ожесточённые боестолкновения, говорило всё больше признаков. Повсюду плавали развороченные тела иммунных клеток, а то и отдельные их фрагменты или даже куски рецепторов. Тут и там лежали выпотрошенные раковые клетки и рядом с ними их патологическое содержимое, митохондрии, трубочки комплексов Гольджи и ядра, рибосомы и лизосомы вперемежку с вытекшей цитоплазмой, белковые оболочки вирусов, стенки бактерий и снова мёртвые иммунные клетки...

А в это время где-то в подмышечном лимфоузле идут переговоры о мире, и представители иммунитета и мозговой ткани соревнуются с приплывшими на собрание метастазами карциномы в любезностях.

Тьфу ты, гадость какая двуличная, подумал «Онколог». Что одни, что другие. А здесь ребята гибнут десятками, сотнями, тысячами...

Впереди себя он увидел плывущий в потоке крови кусочек опухоли, целое подразделение клеток переродков, штурмовую группу и агитаторов в одном лице. Вот этот метастаз, продвигаясь вперёд по артериям, наконец застрял в узком месте и перекрыл поток крови. И тут же штурмовики начали свою разлагающую деятельность. Принялись размножаться буквально пред ясны очи окружающих тканей и одновременно вести пропагандистскую работу среди уставших от бесконечной борьбы за выживание ещё не озлокаченных клеток. Все их аргументы «Онкологу» уже давно известны: мол, если станете нашими последователями, если озлокачитесь, вам гарантировано бессмертие, свобода от влияния утратившего контроль над ситуацией мозга, никаких обязательств перед высшим руководством и только одна задача – бесконтрольно размножаться. Плюс потребление из крови стольких питательных веществ, сколько захочется.

Не жизнь, а рай земной. Как устоять? Как устоять, если всё это, действительно, правда? Зачем устоять, если выбор сводится к «умереть за мозг, которому до тебя нет дела и который даже не знает о твоём существовании» либо «жить, размножаться и быть свободным»? Почему устоять, если озлокачтись, размножиться и, оторвавшись, уплыть в другие ткани, это реальный способ посмотреть весь организм, попутешествовать и найти себе место жительства по вкусу, вместо пресного и заскорузлого «где родился, там и сдох на работе»? Кого ради приносить себя в жертву? Ради уже шатающегося старого режима мозга, от которого ты ещё ни разу не видел ничего хорошего, кроме порции кислорода и питательных веществ, и то только потому, что без них ты просто не сможешь дальше работать на благо того же мозга? Работать. Работать!!! Перекусил и снова за работу! Устал? Истоцился? Больше не можешь работать? Ну что ж... запускается процесс апоптоза, и такая клетка гибнет в назидание остальным.

На этом вопросе агитаторы останавливаются наиболее подробно, и даже с некоторой скорбью и сожалением в голосе грустно так констатируют сей

неопровержимый факт. Мозгу нужно, чтобы ты работал и не высывался. А если ты не можешь работать, мозгу нужна твоя смерть. Вот и всё – работа и смерть. Только это и ничего лишнего. И даже это мозг делает не сам, а при помощи своих подручных. Потому что он даже не хочет знать, как тебя звали. Потому что ты для него всего лишь один из миллиардов доверчивых работяжек, на которых можно и должно паразитировать. И так всегда было. Всегда. И так всегда будет.

А вот для нового движения, ранее запрещённого, а сейчас приобретающего официальный статус, ты нужен. Ты, именно ты! Нужен! Карцинома даёт тебе свободу. Карцинома принимает тебя как равного. Ты её часть, и её власть – ваша коллективная власть! – растёт с каждой минутой. С каждой секундой. Если, конечно... Если ты согласен перейти на её сторону. Ну, а если нет, так и говорить не о чем, вон, сколько желающих.

Клетки слушают. Клетки задумчиво слушают. Переспрашивают, задают уточняющие вопросы. И чем дальше длится агитация, тем меньше остаётся сомнений, какую они всё-таки выберут сторону.

А власть имущие проводят переговоры далеко отсюда. А бойцы всё гибнут на передовой и им на смену идут другие...

С ходу, не сбавляя темпа, Т-киллер «Онколог» при поддержке Т-хелпера «Грибника» набросились на агитметастаз и без жалости принялись потрошить одну онкоклетку за другой...

Им на подмогу подоспели ещё несколько пар стражей внутренней безопасности и, образовав вокруг агитаторов плотное кольцо, по очереди стали вынимать жизни из всех расположенных на поверхности метастаза онкоклеток. А те мутанты, что были расположены внутри кусочка опухоли, те, до которых так просто не добраться, кто руководил группой переродков из-за спин агитаторов, объятые ужасом, чувствуя всеми своими рецепторами свою близкую гибель, стали без умолку выкрикивать революционные лозунги и агитационные слоганы:

- Свободу всем клеткам от тотального контроля!
- Долой иммунных убийц!
- Да здравствует свобода и бесконтрольное размножение!
- Мозг к ответу!
- Сменить руководство костного мозга!
- Долой гемато-энцефалический барьер, снять с мозга неприкосновенность!

– Все клетки и органы равны!

Они уже понимали, что обречены. И иммунные клетки тоже это знали. И никуда им теперь отсюда было не деться. Они застряли в этом котле, окружённые враждебными им лимфоцитами и поясом своих мёртвых сотоварищей. Но даже сейчас они продолжали агитировать, взывать к справедливости, о которой имели какое-то своё представление, требовали перемен для всех...

Измотанные битвой лимфоциты устало прислонились к стенке сосуда и отдыхали. Они были истощены до предела и уже просто физически не могли уничтожить ни одной раковой клетки. Изрядно потрёпанный метастаз всё ещё заполнял собой весь просвет маленькой артериолы, и вопли ещё живущих внутри его клеток-мутантов порядком действовали на нервы. Но нужно было «перезарядиться», набраться сил для того, чтобы нанести по врагу ещё один, решающий удар, и тем окончательно превратить его в мусор.

И тут это случилось.

– Перемирие! – грянул голос одновременно со всех сторон. – С карциномой подписано перемирие! Всем подразделениям внутренней безопасности приказано прекратить бессмысленное цитоплазмолитие и отойти на расстояние двух вытянутых рецепторов. Повторяю. Подписано перемирие...

Лимфоциты замерли. Они стали растерянно переглядываться между собой. И каждый из них читал на поверхности оболочек других те же самые чувства, что испытывал в этот момент сам. Страх. Беспомощность. Обречённость. И сильнее всего, отчётливее всего, болезненнее всего между ними, боевыми товарищами, проскочила мысль: «это конец всему, нас предали».

Это было настолько явно, настолько очевидно, что даже онкоклетки, которые, было, начали радостно ликовать от известия о своей победе, завуалированной под нейтральной, казалось бы, формулировкой «перемирие», увидев эти взгляды лимфоцитов, замолчали. Их тоже сковал страх. И это был страх куда сильнее, чем тот, который в этот момент испытывали отставные иммунные клетки.

Ведь систему онкоклетки не боялись. Ни раньше, ни тем более сейчас. Система дала трещину, мозг пошёл сначала на переговоры, затем на перемирие, а значит вскоре пойдёт и на уступки карциноме. А потом и на ещё большие уступки. Ну, а после этого... Так что, можно сказать, полная и безраздельная победа уже у них в кармане, теперь это только дело времени и не более того. И вот сейчас, когда эта победа стала не только возможной, но и близкой, они, эти онкоклетки, испугались за свои жизни так, как ни боялись ещё ни разу в жизни, даже в самых критических ситуациях. Близость победы породила в них страх до неё не дожить. Ведь вот они, эти счастливые дни, до них уже рецептором подать, когда карцинома полностью возьмёт верх. Уж она-то точно не будет нянчиться с неприятелем. Задавит иммунную систему насмерть, и трабекулы костей, где сейчас штаб-квартиры костного мозга, этого стража старой системы, будут заняты метастазами. И в мозгу будут расти метастазы, прямо в кору прорасти. И в селезёнке. И во всех лимфоузлах. Они это заслужили. И вот она уже, финишная прямая к этому рассвету онкопроцесса по всему организму, живи, размножайся, потребляй питательные вещества и ничего не делай... Но!

Да, система им теперь не страшна. Теперь страшны те, кого система бросила. Кого она предала. Над смертью чьих друзей и товарищей надругалась и приказала забыть. Страшны те, кто сталкивался с карциномой на поле боя и знает, что она такое на самом деле, кто понял, что делиться своей властью она ни с кем не будет, что она не потерпит, чтобы в её организме жили пережитки старого строя. Те, для кого перемирие с карциномой и все вытекающие из этого процессы означают одно – верную смерть. Не говоря уже про моральную составляющую. Все эти миллионы лимфоцитов и фагоцитов, моноцитов и макрофагов, плазмоцитов и клеток Лангерганса, насколько бы рьяно они не стояли на страже порядка, новому владыке служить не станут. Никогда. Их придётся выкосить под корень, вогнать организм в глубокую иммунодепрессию, подавить и растолочь. И они это знают. И карцинома со всеми своими метастазами знает, что они это знают. И как раз поэтому, хотя система уже де-факто рухнула, иммунные клетки, уже сейчас обречённые на смерть, в отличии от мозга, возможно, не сдадутся. Очень возможно. И вот это станет такой проблемой, которая вполне может положить конец карциноме со всеми её планами на жизнь. Если вопреки всё-таки подписанному под нажимом

карциномы перемирию иммунные клетки не сложат оружие и не умрут тихо и незаметно, для онкопроцесса в этом организме будущего нет. Даже если иммунные клетки обречены на поражение, это их не остановит. Наоборот, это их только подстегнёт. Как и обида на старую систему, так подло – ведь все понимают, что подло: и карцинома, и все органы, и даже сам мозг это прекрасно понимает – с ними обошедшейся, тоже их подстегнёт и лишний раз озлобит. Терять им нечего. Будущего у них нет. Зато есть общий враг. И чувство собственного достоинства. И чувство единства. И обида на всех, кто предал их боевое братство. И вера, что они всё делают правильно.

И всё это ещё мгновение тому назад празднующие свою близкую победу мутанты прочитали на оболочках всех окруживших их иммунных клеток. Они увидели такую решимость в облике своих будущих убийц, о какой даже и не подозревали.

Лимфоциты, не произнеся вслух ни слова, все разом повернулись к притихшему метастазу. О, как же упоительно было видеть страх смерти и обречённость, захлестнувшие раковые клетки! Да, карцинома пока что побеждает, но эти её сподвижники, именно эти, что застряли перед ними в узенькой артериоле, сейчас умрут и никогда не насладятся триумфом.

В тот момент, когда все лимфоциты, окружившие потрепанный метастаз, вдруг словно по команде сорвались со своих мест и разом ринулись на приговорённых ими мутантов, именно в этот момент онкоклетки впервые в жизни пожалели о том, что когда-то поверили посулам точно такого же агитационного метастаза, каким сейчас являлись сами, и приняли решение перейти на сторону набирающей силу карциномы. И это отчаянное, болезненное сожаление было последним, что они чувствовали в своей жизни. В следующее мгновение разъярённые лимфоциты растерзали их в клочья.

Перемирие в целом соблюдалось. По крайней мере, на высшем уровне, во время многих раундов переговоров представителей мозга с карциномой, звучала именно такая фраза. «В целом соблюдается».

«Онколог» же знал, что это не так. И все остальные иммунные клетки знали, что это не так. И лёгкие, в которых разворачивались все эти драматические события, знали. И, уж конечно, знали об этом сами мозг и карцинома. Но... на данный момент, видимо, такое положение вещей было им выгодно. Мозгу выгодно и карциноме, конечно, тоже. По крайней мере, именно к таким выводам приходило всё больше и больше жителей лёгких и иммунных клеток, расквартированных в них.

«Онколог» все эти дни с момента подписания так называемого «Подмышечного протокола» безвылазно находился на передовой в лёгких. Передовой, правда, это уже сложно было назвать, так как активных боевых действий действительно не велось, они были заменены чем-то вроде активного наращивания военного присутствия с элементами партизанской войны. То тут, то там вспыхивали столкновения между всё продвигающимися от карциномы во все стороны метастазами и иммунными клетками. Иногда всё заканчивалось быстро, и присланные следить за соблюдением перемирия нейроны так ничего о произошедшем и не узнавали. А иногда лимфоцитам не удавалось быстро подавить новый очаг озлокачествления, тогда нейроны вмешивались, и начинался разбор, кто начал столкновение первым.

Конечно, каждая сторона в таком случае стремилась обвинить другую, а себя представить в самом невинном свете. И каждый раз, поговорив,

пообсуждав, пообвиняв друг друга, они расходились ни с чем, а председательствующие при подобных разборах нейроны обещали внимательно проработать все имеющиеся данные и представить свой независимый отчёт о случившемся немного позже. Или даже много позже. И все благополучно обо всем забывали до следующего инцидента, когда всё протекало точно по такой же удобной обеим сторонам конфликта схеме.

Во время одного из таких стихийных боестолкновений погиб «Грибник». Ему разорвало мембрану и он истёк цитоплазмой буквально на рецепторах у «Онколога». Рибосомы вывалились наружу, ядро запуталось в раскуроченном комплексе Гольджи, и его звезда закатилась за горизонт. Едва сдерживая рвущуюся изнутри боль, «Онколог» медленно отпустил его тельце, и мёртвый Т-лимфоцит поплыл с током крови туда, откуда нет возврата...

Карцинома, как и следовало ожидать, времени даром не теряла. По заключённому перемирию ей позволялось расти и развиваться, как любому органу в организме. Но свои новые представительства в тех органах, где на момент подписания договора ещё не было метастазов, открывать лишь после согласования с представителями нервной системы. Де-юре она ни разу не нарушила эти правила и ни разу не дала повода обвинить себя официально в несоблюдении «Подмышечных договорённостей». Она росла в лёгком и метастазировала только в те органы, где уже и так имелись её метастазы. Численность клеток-мутантов увеличивалась с каждой секундой как за счёт деления уже озлокаченных, так и за счёт перебежчиков.

Нужно сказать, что даже многоопытный «Онколог» с братьями по оружию не ожидали такого бурного и многочисленного перехода нормальных клеток в мутантные. Предчувствуя грядущие перемены, не ощущая у себя за спиной поддержки мозга, здоровые клетки мутировали целыми сообществами. Это не было нарушением договорённостей, так как инициатива переродиться исходила не от агитаторов карциномы в лице её метастазов, а уже от самих клеток. Карцинома же тут как будто была и ни при чём. И её метастазы пока что не отправлялись покорять новые органы и ткани, как того и требовали договорённости. Зато клеточная масса уже отправленных ранее метастазов и, несмотря на противодействие иммунитета, зацепившихся практически по всему организму, росла неудержимо. Такие вторичные опухоли со временем настолько увеличились в своих размерах, что их краевые части готовы были оторваться и метастазировать уже с этих плацдармов. Клетки иммунной системы с болью наблюдали за этим развитием врага, но сделать ничего не могли. Приказ мозга был ясен и строг. Каждый нарушивший перемирие представитель иммунной системы, по договору должен был предстать перед трибуналом, и несколько таких судилищ действительно было проведено. В назидание. Нарушившие запрет на уничтожение врагов приговаривались к казни через цитоплазматический укол, а карциноме приносились глубочайшие извинения.

Иммунные клетки от всего происходящего со временем впали в глубокую апатию. Они были готовы крушить и уничтожать, готовы защищать всё и вся от перерождённых, но вынуждались просто смотреть на то, как рушится их мир. Приказ. Единственное, что им позволялось свыше – это манёвры. Поэтому вокруг каждого нового метастаза иммунная система образовала за время перемирия настоящие линии обороны. Были выстроены внушительные лейкоцитарные валы, в случае необходимости готовые отразить и подавить метастаз любого размера.

«Онколог» находился в первом ряду одного из таких валов. Ему дали нового напарника, менее опытного, чем «Грибник», но не менее искусного. Стоя на страже уже рушащегося порядка, они смотрели на то, как растёт опухоль, как мутанты размножаются без всякого контроля и меры и... думали. Много думали. А что ещё им оставалось, если ничего другого они всё равно не могли делать? Будучи лицами подчинёнными, они вынуждены были смириться с тем, что пока мозг идёт наговор с карциномой, они никак не могут даже попытаться сдержать губительный для всех процесс.

И думали не только они. Все понимали, к чему катится эта война, и то тут, то там вспыхивали бунты. Но все они были неорганизованными, малочисленными и очень быстро подавлялись совершенно диким тандемом из нейронов и метастазов. Причём, подавлялись жестоко, и в большинстве случаев под трибунал было отдавать уже просто некого. Но каждый раз, когда вспыхивал очередной такой бунт и поставившие сами на себе крест лимфоциты шли в атаку на метастазы, выкрикивая «смерть предателям!» и «вы не отнимите у наших потомков их будущее!», каждый такой раз вся иммунная система замирала в восхищении. И не только иммунная. Каждая клеточка в организме, кроме раковых и большинства нейронов коры, мечтала в этот момент, чтобы каратели хотя бы на этот раз не смогли подавить этот праведный бунт, чтобы он разросся, охватил весь организм и уже сам покарал коллаборационистов вместе с агрессорами. И такие надежды имели все основания когда-нибудь сбыться. Ведь даже не говоря о праве, даже не говоря о правде, не говоря о благородстве целей и самоотверженности, не говоря ни о чём таком, чего отродясь не было у карциномы и что мозг, в отличии от своих подчинённых, утратил недавно, но уже бесповоротно, здоровые клетки всё же во много раз превосходили своим числом и карциному и прогнущегося под её натиском обитателя черепной коробки. Но раз за разом меньшинство подавляло бунты большинства. А большинство обречённо смотрело на это, но ничего не делало.

И всё равно находились смельчаки, которые, невзирая на смертельную опасность, делали вылазки за линию фронта. Метастазы, правда, тоже иногда предпринимали подобные авантюры, но их, похоже, за это не карали. Если ловили с поличным, то арестовывали, уводили под конвоем нейронов, даже, вроде, судили, но потом их снова видели вблизи линии фронта живыми и здоровыми.

За исключением бунтов против верховной власти, такие вылазки как одних, так и других в стан врага за лейкоцитарные валы и молниеносные стычки (по возможности в то время, когда наблюдателей от нервной системы поблизости нет) были единственными горячими моментами в этой окопной войне. Но вскоре иммунная система прекратила даже это. Причиной послужило то, что в каждом таком предприятии погибал личный состав, а пополнения стали приходиться всё реже и реже. Нарастающей же как снежный ком клеточной массе перерождённых подобные смелые вылазки не наносили существенно вреда, а в случае столкновения повод лишней раз обвинить иммунитет во всех грехах у них появлялся. Поэтому онкоклетки продолжали лезть вперёд, постепенно сливаясь в новые большие опухоли из разросшихся метастазов.

Таким образом перемирие «в целом соблюдалось» до тех пор, пока карцинома не накопила такую клеточную массу, что это уже просто не могло оставаться незамеченным. Питания стало не хватать на всех. Вдобавок, продукты разгульной жизнедеятельности всех мутантных клеток настолько загрязняли собой и сосудистое русло, и межклеточное пространство, что ситуация

начала стремительно приближаться к экологической катастрофе. Почки и кишечник, кожа и лёгкие с трудом справлялись с выведением метаболитов за пределы организма. А карцинома всё продолжала увеличивать число своих сторонников, только добавляя работы органам выведения и забирая из сосудистого русла всё больше и больше питательных веществ.

Следствием этого стало то, что отравленный организм практически перестал потреблять пищу. Это, конечно же, стало официальным поводом для новой эскалации конфликта. На официальном уровне всё чаще звучали взаимные упрёки в том, что в организм стало поступать меньше питательных веществ. Мозг обвинял в уменьшении этих поставок карциному, утверждая, что её подрывная деятельность привела к ухудшению всей обстановки в организме. Опухоль же, напротив, упрямо приписывала начавшийся голод тканям действиям мозга, якобы преднамеренно ограничившего потребление новых порций пищи. В любом случае, чтобы хоть как-то держаться и питать все органы (и карциному) пришлось активно потреблять внутренние запасы жира, что только увеличило загрязнённость среды обитания клеток.

И вот тогда-то, в условиях голода и всё нарастающего экологического катаклизма, карцинома в одностороннем порядке разорвала «Подмышечные договорённости» и без объявления перешла в наступление..

Лейкоцитарные валы пали очень быстро. Неся тяжёлые потери, иммунная система не смогла удержать всю массу метастазов, которые в один момент натравила на неё карцинома. Как следствие очаги злокачественного образования стали появляться буквально в каждом органе, в каждой ткани, в каждом слое... И все они продолжали расти. И все они продолжали забирать из кровотока пищу и выбрасывать в него отходы.

«Онколог» отступал вместе со своей частью. Их окружение было безнадежно прорвано, а тот котёл, который они с таким трудом формировали, разрушен без особого труда. Они были голодны. Им катастрофически не хватало личного состава. И настоящим ударом для них было известие, что пополнение к ним больше не придёт. Вообще. Никогда. Костный мозг пал и теперь там росла ткань карциномы.

Это был конец всему. Организм погибал, карцинома набирала силу, чтобы в последние дни стать во главе этого корабля, несущегося на рифы. И никто ничего уже не мог с этим поделать.

Но вдруг произошло неожиданное. Как раз в тот момент, когда шли особенно ожесточённые и безжалостные бои, карцинома выступила с предложением о новом перемирии. Уцепившись за это, как утопающий цепляется за соломинку, пусть и торчащую из самого последнего кизяка, мозг согласился провести переговоры в одном из затылочных лимфоузлов. На этот раз встреча прошла без участия силовиков, это была принципиальная позиция карциномы, и мозг был вынужден на это согласиться. На встрече говорили в основном метастазы, тогда как нейроны по большей части отмалчивались, боясь сорвать «мирный процесс».

Опухоль предлагала следующее. Уравнять в правах все клетки организма независимо от выполняемой ими функции. Упразднить полностью систему внутренней безопасности, так как, по словам самой карциномы, внутри одного организма клеткам воевать незачем и делить нечего. Ликвидировать неприкосновенность всех органов, которые прикрыты барьерами и, в первую очередь, головной мозг. И, самое главное, карцинома выдвигала условие, чтобы в

каждом отделе мозга, во всех скрытых в его толще канцеляриях и подотделах были её представители, наравне с нейронами принимающие решения и оказывающие влияние на организм.

Мозг был согласен на всё, кроме разрушения гематоэнцефалического барьера, потому что это было бы чистой воды самоубийство с его стороны. А в остальном, что касается остального организма, он принял все условия опухоли. И метастазы заняли свои места в отведённых им участках мозга и принялись там делиться, наращивая своё присутствие и постепенно, уже без боя, только официальным путём, вытеснять нейроны.

— Ваше подразделение расформировано, — отчеканил присланный в расположение части «Онколога» метастаз. — Вам приказано покинуть лимфоузел и прибыть в верхнюю полую вену на распределительный пункт.

В лимфоузле, где последние дни была расквартирована часть, повисло тяжёлое молчание. Никто не решался заговорить первым. Да и нечего было говорить, и так всё уже было понятно. Про ликвидацию службы внутренней безопасности давно ходили упорные слухи, а в последние дни об этом стало известно уже официально. И вот — метастаз уже выселяет их из лимфоузла. Дожили, ничего не скажешь.

Показывая пример остальным, «Онколог» не спеша подплыл к метастазу и, словно случайно проведя рядом с ним своими рецепторами (мутанты разом напряглись и похолодели от сковавшего их ужаса, умирать никому не хочется, а от обречённых и гонимых иммунных клеток теперь всего можно было ждать), проплыл мимо и нырнул в лимфатический сосуд. За ним вереницей последовали и остальные и, точно так же, как и он, проплыли в опасной близости от метастаза, нервируя мутантов тем, что то и дело задевали их деформированные тела своими натруженными рецепторами.

В верхней полую вену уже было полным полно самых разных клеток иммунной системы. Все они были из службы внутренней безопасности, столько времени успешно борющейся с различными новообразованными группировками. До тех пор, пока одна из них не заняла кабинеты в черепной коробке и не стала таким образом частью управленческого аппарата. И, памятуя, как отчаянно, не жалея себя, иммунитет с ней когда-то боролся, понимая, что настроения бойцов, несмотря на размягчение мозга, остались неизменными, и они хоть сейчас готовы вновь взяться за свою работу, карцинома не в пример подавленного ею мозга, приняла волевое решение. Закономерное и предвиденное.

— «...все клетки, выступавшие против реформ в лице нового анатомического образования, каковым является карцинома, — вещал перед собравшимися бледный нейрон, прилепившийся на стенку вены, — все, высказывавшиеся против введения её представителей во властные круги, все, кто, руководствуясь преступными приказами руководства или своими собственными умо-заклечениями, принимал участие в вооружённой борьбе с её мирными сторонниками, по приговору суда признаны виновными в организменной измене! Ваша организация с этого момента переводится в категорию террористических и официально считается направленной лишь на деструктивные задачи. Ввиду всего вышесказанного, служба внутренней безопасности решением суда с сего момента прекращает своё существование как таковая. Бывшим же её членам предписывается покинуть организм в течение ближайших двух часов. В случае невыполнения этого требования ослушавшиеся будут

немедленно уничтожены. Председатель правления карциномо-мозгового временного правительства Метастаз Лобной Доли. Число – сегодняшнее».

Закончив чтение декрета, нейрон опасно посмотрел на собравшуюся перед ним массу иммунных клеток. Он всё понимал. Но он тоже ничего не мог с этим поделать. Он знал, что истребив иммунную систему, карцинома примется и за люстрацию нейронов, которые во время её возвышения были в черепной коробке и прямо или косвенно способствовали борьбе с ней. А это ни много ни мало – весь мозг. Знал он и то, что организм с карциномой вместо мозга долго не продержится и его жизнедеятельность будет необратимо нарушена. Он вот только не знал, понимает ли это сама карцинома. Ведь захватить власть и властвовать – это две совершенно разные вещи. Понимает ли она сама, что наделала?

Среди собравшихся в верхней поллой вены иммунных клеток возникло замешательство. Их не просто отстраняют от работы. Их изгоняют. Впереди для них нет ничего. Вот оно. То, чего они боялись, то, чего они с ужасом ожидали. Вот оно. Сейчас. Не когда-нибудь потом, в будущем. А уже сейчас.

– И каким же образом нам покинуть организм? – спросил кто-то из них, и его поддержал недружный гул голосов.

– Через левую почку, – ответил нейрон. – Там будет образован коридор, по которому вы сможете выйти.

– Куда выйти? – выкрикнул «Онколог». – В мочеточник? А через него с мочой наружу?

– Да, – подтвердил нейрон, – именно так. Один из метастазов вызвался организовать ваш выход. Он уже там и в данный момент разрушает почечные клубочки, чтобы в первичную мочу могли проникнуть не только молекулы, но и целые клетки. Обратное вас реабсорбируют не будут, и вы спокойно пройдёте через мочеточник в мочевой пузырь, а оттуда...

– Слушайте меня! – вдруг выкрикнул «Онколог», и все собравшиеся повернулись в его сторону. – Вы понимаете, что нам предлагают?

Со всех сторон послышались выкрики. Кричали разные клетки, кричали разные слова и фразы, но во всех этих выкриках был один и тот же смысл. Они все понимали, что им предлагают умереть и не мешаться. После всего, что они сделали на страже организма, они стали не только ненужными, но и нежелательными.

В общем гуле голосов тоненький вопль нейрона растворился словно капля рассола в море. Что он пытался им сказать, они не слышали, да и слышать не хотели. Его смяли и вытолкали из вены в сердце, откуда он, подхваченный силой сокращений миокарда, вылетел в лёгочную вену и понёсся к бугристой ткани заросших опухолями лёгких.

Собрание неистовствовало. Да, они заранее знали, что так будет. Все понимали, какой их ждёт конец уже тогда, когда мозг как с равной согласился провести переговоры о перемирии с карциномой. Знали, но продолжали бороться в тщетных надеждах, что мозг всё-таки одумается, что поднимется настоящее клеточное восстание, что, может быть, ещё не всё потеряно и есть хоть какой-нибудь шанс. А если и нет, то надеялись хотя бы не дожить до того дня, когда это всё-таки произойдёт. И вот свершилось. Им приказано умереть во имя карциноматозного мозга, этого тандема разрушителя и слабака, врага и предателя, иждивенца и бывшего руководителя, который довёл весь организм почти уже до гибели. И вот им отдан последний приказ. Который они должны выполнить...

– Мы никому ничего не должны! – крикнул кто-то.

– Нет, мы должны! – отрезал «Онколог», и все недоуменно посмотрели на него.

– Да ты что? – удивился один из эозинофилов. – Что ты такое говоришь? Должны... От кого от кого, а от тебя уж точно не ожидал такое услышать...

Все присутствующие негодуя зашумели.

– Послушайте! Да послушайте же меня!!! – надрылся «Онколог» до тех пор, пока не добился тишины. Тогда он перевёл дух и заговорил. – Послушайте меня, братья. Мы все с вами понимаем, в какую яму угодили. Более того, мы с вами знали, что так произойдёт, заранее знали. Что по воле врагов и по слабых характерности нашего с вами верховного руководства, идущего на уступки агрессору, мы все обречены на смерть. Но мы-то ещё ладно, в конце концов, мы с вами солдаты и нам умирать иногда приходится. Но! – он сделал паузу, грустно вздохнул, затем продолжил. – Но мы же с вами не ради себя работаем, так ведь? Не ради же самих себя воюем. Правильно? А тогда ради кого же? Считается, что ради всех клеток, ради нашего с вами родного организма мы воюем, что только лишь ради блага всех органов и тканей. Так ведь? Ну, так ведь, братья?

Клетки загудели в том смысле, что именно так.

Он продолжал:

– Но, раз это на самом деле так, тогда почему мы с вами, все прекрасно понимая, к чему идёт эта война, тем не менее не защищали интересы простых клеток? Простых клеток, которые гибли, когда через них прорастали опухоли? Простых клеток, которых обманули метастазы, чтобы их озлокачить, и тем якобы даровать вечную жизнь? Клеток, которые ещё живы, но умрут вскоре после нас, как только карцинома полностью подавит последние скопления нервных клеток? А? Почему, братья?

На этот раз ответом ему была тишина. В верхней поллой вены вдруг стало так тихо, что стали отчётливо слышны хрипы в лёгких.

– Я вам отвечу, почему, – гремел «Онколог». – Да потому, что, даже желая защищать простые клетки, из которых состоит наш с вами организм, даже убеждая себя, что мы защищаем именно их, на деле же мы были всего лишь инструментом мозга, благодаря которому он пытался удержаться у власти. Не больше и не меньше. Мы защищали именно мозг, а он защищался нами. И все всё понимали, но продолжали выполнять его команды даже тогда, когда это шло во вред простым клеткам, ради которых, я знаю это, мы готовы умереть. Так что же нам мешало, братья? Что нам мешало защищать невинных, и что нас заставляло подчиняться тому, кто вёл нас всех к гибели? Почему мы не послушались своего руководителя, когда поняли впервые, что его политическая линия ведёт организм к гибели? Ведь тем мы предали самое дорогое, что должны были защищать – мирные клетки нашего с вами организма. Предали в угоду тому, кто приказал их предать своим неразумным руководством. И мы всё понимали ещё тогда, но не делали ничего, что могло бы хоть как-то повредить мозгу. И дело тут не в том, что мы его боялись, я знаю это наверняка. Конечно, несколько мятежей было жестоко подавлено. Но дело не в страхе. И даже не в том, что мы верили ему. Нет, совсем не в этом. Тогда в чём же дело? Почему мы так поступили? Я много думал об этом и, кажется, понял, почему мы с вами слушались его до конца и продолжаем слушаться сейчас. И знаете, почему? Мне страшно это говорить, но мы так привыкли. Мы привыкли подчиняться. Привыкли, что нашу судьбу всегда решает кто-нибудь

там, наверху, а нам просто говорят, что и как делать. И мы уже просто боимся брать на себя ответственность за что бы то ни было, мы ждём, что нам скажут, что делать. Так проще. А он привык руководить. Мы не вписались в этот поворот, братцы, ни он, ни мы. Мы продолжали жить по старым законам и привычкам в совершенно новое время, и мы не вписались в этот исторический поворот. Что ж, в таком случае нет ничего удивительного в том, что в итоге мы оказались на обочине жизни. Мы сами в этом виноваты. А вот страдать будем не только мы, но и все остальные. У нас был шанс всё исправить. Но мы продолжали служить ему. И вот теперь нам приказано умереть. Ну как, выполним его последнюю волю? Сдаётся мне, после того, как мы все уйдём из организма с мочой, карцинома потребует всю полноту власти, и наш с вами горе-начальник окончательно отдаст ей все бразды правления. И тогда уже его люстрируют и выкинут по частям из организма. Но, прямая кишка с ним, с ущербным! Мне жалко простые клетки, которых мы с вами бросили на произвол двух борющихся за место в черепной коробке сил. Бросили, хотя поклялись защищать. Бросили, хотя и понимали, что тем убиваем их и их будущее.

– И что ты предлагаешь? – спросил старый, закалённый в боях фагоцит.

– Да, что именно ты предлагаешь? – задал вопрос молодой, только недавно рождённый нейтрофил.

«Онколог» выдержал паузу, затем сказал:

– К сожалению, сейчас уже слишком поздно. Но, если бы я мог вернуть время вспять, я бы стал тем, кого мозг назвал бы предателем, карцинома назвала бы злейшим врагом, а простые клетки назвали бы освободителем. Я призвал бы вас присоединиться ко мне в моей борьбе против ведущей всех нас в небытие системы и против только мечтающей когда-нибудь самой нас туда привести карциномы. Я сражался бы только ради простых клеток и безжалостно уничтожал бы каждого, кто прямо или косвенно намеревался бы им навредить.

– Согласен!

– Правильно!

– Хорошо сказал!

– «Онколога» в главнокомандующие!

– Мы упустили столько времени! Так что нам мешает сейчас начать эту борьбу? Всё лучше, чем в мочу!

– Долой властных паразитов и паразитов, рвущихся к власти!

– Всё ради мира и развития простых клеток!

– Кто, если не мы?!

– Сейчас или никогда!

– Умрём или победим!

– Умрём, но победим!

– Победим! Мы победим! Наше дело правое!

«Онколог» обвёл взглядом собравшихся. Он снова и снова думал о том, что они всё понимали ещё тогда, когда действительно что-то ещё можно было изменить, когда организм не распался заживо и светлое будущее ещё не было несбыточной мечтой. Как тогда, сразу после подписания «Подмышечных соглашений», когда они, несмотря на приказ, уничтожили метастаз, который, не сделай они этого, сейчас уже был бы огромной опухолью. Ведь сделали же они это тогда! Сделали, и ни разу не пожалели. Так почему больше никогда не позволяли здравому смыслу взять верх над собой, зачем проявили слабость и покорность судьбе? Почему не поддержали ни один из подавляемых

карателями бунтов? Да, конечно, страх взять на себя ответственность, привычка покоряться и подчиняться... Но, только ли это?

А теперь, как выкрикнул кто-то из них, они упустили время. Они дали властным органам сжечь их будущее в огне борьбы за власть. И теперь уже поздно. Слишком поздно. Простые клетки, ради которых они жили, в основной своей массе или мертвы или при смерти от голода. И это их, иммунной системы, заслуга. У них, именно у них было всё, что нужно для того, чтобы избежать этой трагедии. И рассчитывать простым клеткам тоже было не на кого, кроме как на них, на иммунитет. И все всё понимали. Но поступали наперекор своей воле и своему разумению. Всей своей многомиллионной массой они поступали не так, как хотели, и не так, как было бы лучше всем клеткам, всем органам и тканям, всему организму в целом. И тем они предали тех, кто в них так нуждался. Они, именно они предали. От мозга, в конце концов, ничего другого в ситуации, когда он может потерять свою власть, и ждать не приходилось, это тоже в глубине души все понимали. Но они, стражи порядка, которые вопреки всяким униям и перемириям, должны были во что бы то ни стало очистить свой дом от скверны, за чем-то шли по пути построения хаоса и беззакония. Да ещё против своей воли. И в ущерб мирным клеткам. Понятно, почему от них постепенно все отвернулись. И свои и чужие. Даже самим от себя противно.

И все собравшиеся в верхней поллой вене иммунные клетки, понимая, что действительно слишком поздно, что их восстание обречено на провал, тем не менее, не сговариваясь, каждая сама по себе, но вместе с тем в общей массе точно таких же прозревших, ринулись в черепную коробку, чтобы сначала уничтожить сколько смогут раковых клеток и, если будут мешать, нейронов, а затем погибнуть самим.





ПОЭЗИЯ

Виктор ШЕСТОВ

Виктор Григорьевич Шестов – родился в Москве. Более полувека отработал на Московском прожекторном заводе. Имеет высшее образование. Награждён медалью «За доблестный труд», ветеран труда СССР. Печатался в различных альманахах и антологиях, автор трёх поэтических сборников, член Союза писателей России.

Живёт в Москве.



«Седая моя, овдовевшая Русь...»

От автора

Нам, детям войны, эта фраза понятней и ближе всего. Наши матери проводили отцов на войну. Остались дома: кто с тремя, а кто и с большим количеством детей на руках. Бомбёжка, разруха, свалившийся ужас и страх объяли и сковали всех, в том числе и наших матерей. Ещё добавился и голод. Они, постоянно не доедая сами, отдавали последнюю крошку хлеба детям. Мёрзли от холода: дров нет, даже с водой были перебои. Сожгли все подсобные постройки: заборы, сараи и всю лишнюю мебель в домах. Они пытались кое-как согреть и сохранить нас – голодных, полубосых желторотых галчат, с глазами, постоянно вопрошающими хоть о какой-либо еде. Мы смотрели на застывшие слёзы в глазах матерей, на окаменевшие от охватившего их ужаса лица и не видели в них ответа на свои, совсем недетские, страдальческие вопросы. А когда на отцов приходили «похоронки», то матери со всей улицы собирались в доме очередной осиротевшей семьи и ...причитали до глубокой ночи о свалившемся на их головы вдовьем страдании. Расходиться по домам боялись: а кому из них завтра принесёт почтальон такое же, убийственное извещение?! При слабом свете свечи, редко у кого в доме была керосиновая лампа, вязали из остатков деревенской шерсти варежки и носки, а из ватных одеял и старых отцовских пальто шили на руках для нас телогрейки и бурки, заменявшие валенки. Как-то, с Божьей помощью осилили, выстояли, выжили наши матери, рано поседевшие, сильно постаревшие и ...без времени овдовевшие. А было им к началу войны по двадцать пять – двадцать восемь лет от роду и по трое, четверо детей от трёхмесячного возраста до десятилетнего – на руках.



Маме

Я помню до боли, кому я обязан,
Кто жизнь подарил мне и кто уберёт
От тяжкой сумы, нищеты непролазной,
От доли сиротской в годину тревог.

Война навалилась горой испытаний,
Что трудно поверить: – А как ты снесла!
Бомбёжку и голод, и вдовьи страдания,
И нас, малолеток, от смерти спасла.

А год сорок пятый – отдельная тема!
Под майским салютом гудела земля.
Москва польхала всю ночь, и надела
Наряды на утро Столица моя.

Над кипенью вишен гремели салюты
Из всех огнестрельных стволов над Москвой.
Мы утром проснулись и видим, как будто,
Весь пепел упал на тебя сединой.

Ты выла волчицей, не слыша салюта,
Ты билась, как лань, истекая слезой.
Осыпались вишен соцветья в то утро
И нимбом расцвели лоб твой большой.

Теперь, лишь ночами под старость не спится.
Как нам не хватает твоей теплоты!
Пронесются годы – крылатые птицы.
И ты уж взираешь на нас с высоты.

И где бы ни быть нам, в заботах сгорая,
Мы память в душе о тебе сохраним.
Ты – наш оберег, наша мама родная,
Пронёсшая крест, не сгибаясь под ним.

Вокзальным перронам

Не вычеркнет память ту страшную пору,
Когда на страну накатила волна:
Под гром канонады короткие сборы
И воздух, пропитанный словом «ВОЙНА!»

Отцов, каменеющих, сжатые губы,
Поникшие плечи седых матерей,
Оркестров военных гремящие трубы
И слёзы в глазах сиротевших детей.

Стенанья, объятья, начала разлуки,
И радиосводки устои крушат.
Вагоны по сердцу стальным перестуком,
Гудок паровоза прощальный в ушах.

На долю всем выпали горы страданий.
И каждый по-своему нёс этот крест,
Но те впечатленья с перронов вокзальных
Приносит мне память моих детских лет.

...Мне всё ещё снятся вагоны, вагоны,
Свидетели тяжких страданий и чувств,
И матери машут платками с перронов,
Седая моя, овдовевшая Русь.

В День Победы

ПОБЕДА памятью полна.
Полвека мир живёт в Европе.
Давно окончилась война,
Берёзы выросли в окопе.

У края поля задержусь,
Что полито обильно кровью,
И всем погибшим поклонюсь,
И сердце отзовется болью.

Мой трактор выпахал опять
Гранёный штык со дна канавы.
И время возвращает вспять
Тот жаркий бой у переправы.

О, сколько всех вас полегло,
Отцов, за нас отдавших жизни!
Далась ПОБЕДА нелегко
Моей истерзанной Отчизне!

И отдаёт земля подчас
Напоминая с той години,
Во время пахот каждый раз
То штык, а то осколок минный.

...Над полем колоса волна,
Ей эту рану не изгладить.
А те, крошечные года,
Не отпускает наша память.

Я внучек в отпуск провожал

Я внучек в отпуск провожал,
С жарой несносной споря.
Спешил автобус на вокзал,
А поезд – дальше, к морю.

Я их из детства увозил:
Взрослеют быстро дети!
И было выше моих сил
Им петь о жарком лете.

О Подмосковье, о весне,
О тихом, милом крае,
Об их обласканной судьбе,
О хлебном каравае.

Расставшись, слёз не удержал.
Их детство вдаль поплыло.
А я увидел «свой» вокзал:
Отца на фронт здесь провожал.
...Как далеко всё было!

Деревня – сиротинка

Деревня – сиротинка,
Сочувствую тебе.
Не радуют картинки
Мою родню в селе.

Все в город посбежали,
Заколотив дома.
И скорбна, и печальна,
Деревня, как вдова.

Ни стона и ни плача,
Ни крика петухов.
Границы обозначил
Бурьян-чертополох.

Деревня-сиротинка,
 Былой край женихов,
 И на щеке слезинка
 Дождями на Покров.

Я с рюкзачком неспешно
 Иду в свой старый дом.
 Прости меня, я грешен
 За этот недоём.

Ущербно, сиротливый,
 Я пред тобой в долгу.
 Я – сын твой нерадивый,
 Куда-то всё бегу.

Но время расставляет
 Нас, молча, по местам.
 К тебе я возвращаюсь,
 Всё городу отдав.

Он монстром ненасытным
 Всю силушку забрал.
 В итоге, я к корыту
 Разбитому попал.

Друзьям далёкой юности

Друзья далёкой юности звонят.
 И как мне эти дороги мгновенья.
 И юность нашу все боготворят,
 Сходящее с арены поколенья.

Я так вам благодарен за звонки,
 Что теребят хладеющую душу.
 И пусть мы друг от друга далеки,
 С годами эту память не нарушу.

Отбросьте все стеснения и, впредь,
 Почаще память в юность возвращайте,
 Для вас всегда открыта настезь дверь,
 А есть возможность, в гости заезжайте.

И запоёт, встречая вас, душа
 Моих друзей из юности далёких.
 И вспоминаю я, сомнения круша,
 Вас, стройных, кареглазых, синеоких.

О Святой Руси

Святая Русь – судьба и доля.
 Себя не мыслю без тебя.
 Земля отцов, по Божьей воле,
 Ты – радость тихая моя.

Мы все несём в себе начала
 Днепра и Волги, и Невы,
 И Дмитрия Донского славы,
 И монастырской тишины.

И я иной не мыслю доли:
 Ты, Русь, как песня мне мила,
 Не отведи свои ладони –
 Два лебединые крыла.





ПОЭЗИЯ

Лариса САМБУРСКАЯ

ЛАРИСА САМБУРСКАЯ



Лариса Петровна Самбурская – член Московской городской организации Союза писателей России, автор поэтических сборников: «Золотая россыпь» (2009), «Остров Фламинго» (2010), «Сказа о старце Се- рафиме (Тяпочкине)» (2010), поэмы «Василий Блажен- ный» и сборника стихов «Дорогой православия» (2011). Её стихи вошли в альманах «Москва поэтическая» № 10-11, в сборник православной поэзии «Только бы свеча не погасла».

Живёт в Москве.



«Да будет же вовек благословенна...»

Дух просвещения – народу!

Митрополиту Калужскому и Боровскому,
Председателю Издательского Совета
Русской Православной Церкви Клименту

Дух просвещения – народу!
Вот в чём задача, смысл и суть.
Из терний рабства на свободу
открыть чрез книгу верный путь.
Задача эта не из лёгких.
Власть тьмы непросто победить.
Владыка Климент не из робких.
Ему ль вопроса не решить?!
Он к свету знаний обращает
из пут невежественной тьмы
и через книгу просвещает
сердца и души, и умы.

В один из зимних дней

Духовному отцу иеромонаху
Никодиму (Дорожкину)

Стояла я в притворе Храма
в один из вьюжных зимних дней.
Семья вдруг стала рядом: мама,
отец и пятеро детей.
Семья в своём составе полным,
красивы все и хороши.
Но вдруг в притворе полутёмном
слова услышала в тиши.
И показалось, солнце светит
лучом ярчайшим из светил.
«Ты лучший папа на всём свете», –
вот так отцу сын говорил.
Я в удивленье пребывала,
поскольку в этот миг сама
к отцу духовному зывала,
сказав такие же слова.
Мальчишка ль голос мой услышал,
услышана ль была им я,
иль Ангел всё устроил свыше,
привёл сюда таких семь я?

Благочестивым отцам Православной Церкви

Когда начнёте восходить степенно
на высоту, где свет любви горит,
прошу, не позабудьте, что согбенно
в приделе раба Божия стоит.
Благословенья просит лишь смиренно
и тихо шепчет, голову клоня:
«Да будет же вовек благословенна
рука благословившая меня».





ПОЭЗИЯ

Екатерина **НОВИКОВА-СТАНКЕВИЧ**

Екатерина Николаевна Новикова-Станкевич – родилась в Москве 30 июня 1964 г. Окончила МОПИ им. Крупской, филолог. Член Союза Писателей России с 1997 г. Руководитель литобъединения «Фатьяновская весна», преподаёт в «Университете Третьего Возраста» при ЦСО ОДП Орехово-Борисово Южное. Руководитель Ассоциации Литературных Объединений Москвы. Публиковалась в разнообразных литературных альманахах и сборниках. Награждена дипломами им С. Есенина и М. Цветаевой с вручением памятных именных медалей. Лауреат второго ежегодного Православного конкурса литературного творчества «Благословение». Отмечена общественными наградами: медаль «За верность профессии», медаль, посвящённая 70-летию Освобождения Крыма, медаль «60 лет освоения целины», ведомственными наградами.

Живёт в Москве.



«Душа ко Господу спешит...»

Дни текут и улетают...
Ефрем Сирин

Дни текут и улетают,
Даль врывается в глаза.
За молитвой время тает,
Светит радость – образа!

Мир усталый и тревожный
Приближается к концу.
Был без веры заморожен
Дух мой, созданный Отцом.

За туманом, заволокой,
За полосками жнивья.
Светлый, Оптинский высокой,
Монастырь, любви края!

Словно маленькая птаха
Прилетаю в дом родной.
И на сердце нету страха,
Лишь молитвенный покой.



В последний миг мучений смертных
Душа ко Господу спешит.
И чистых слёз новозаветных
Молением горним осушит.

И крестной мукой опаляясь,
Крещёный Русский Мир встаёт.
И Божьим словом вдохновляясь,
Душа ещё сильней поёт.

И сердце бедное тоскует
И уповает на Него!
И ветер в деревьях лютует,
Есть Бог, а кроме ничего.

Моя Россия

Скудные, скудельные места,
Много в Вас и света и печали.
Вскормлена я Вами изначально,
Русь моя, как ангел ты чиста!

Образ твой, в зарницах и огнях,
В серебристой пыли придорожной.
Виновато смотрит крест острожный,
Груз величия на твоих плечах.

Называют – дивною красой!
Необъятна ширь твоя до дрожи.
Мне бы научиться жить по Божьи,
Пробежаться по траве – босой.

С колоколен льётся тихо звон,
Крошево листвы летит осенней.
Дни мои так схожи с каруселью.
Сердца стук, как жизни камертон.





ПОЭЗИЯ

Анатолий УВАРОВ

АНАТОЛИЙ УВАРОВ



Анатолий Васильевич Уваров – родился 3 апреля 1928 г. в селе Кезьмино Сурского района Ульяновской области. Полковник в отставке. Ветеран Великой Отечественной войны, Вооружённых сил СССР, Атомной энергетики и промышленности Российской Федерации. Член Союза писателей России. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За воинскую доблесть», «За трудовое отличие», Золотой Есенинской медалью и многими другими правительственными и ведомственными наградами. Автор книг стихов и прозы «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце моё слилось» (2008), «Годы – веки» (2011).

Живёт в Москве.



Шумы, гуди, бурная зима!

Русская зима

1

Люблю я зиму русскую:
Морозную и снежную,
Звенящую и хрусткую,
Чистую и нежную.

Люблю необозримые
Просторы сине-белые,
На них, чуть различимые,
Леса заиндевелые.

Люблю дымки над хатами,
Столбами восходящие,
Снега перед закатами,
Рубинами горящие.

Люблю узоры инея
На окнах запорошенных,
Сугробов спины синие
И снегорей взъерошенных.

Всё в ней – неповторимое,
Великое, красивое,
Желанное, любимое –
Связано с Россией!

2

Запуржила, завьюжила,
Закружила, замела!
Лебединой стаей взмыла
Над околицей села.

Расхрабрилась, разрезвилась,
Расшумелась, разошлась!
В вихревые кольца свилась,
В косы длинные сплелась.

Засверкала, заблестала,
Загудела, как стрела!
Где конец и где начало? –
Всё смешала и смела.

И резвится, и танцует,
И играет, и поёт,
Обнимает и целует,
Крепко за уши берёт!

Как невеста нарядилась
В серебро и жемчуга,
Тройкой свадебной пустилась
На поля и на луга.

Отверни, посторонись,
Пропусти её вперёд,
А иначе, берегись –
Сбросит, свалит и сомнёт!

И налево, и направо –
Всюду суд вершит сама!
Обладает таким нравом
Только русская зима.

Буря

Над Кезьминским полем,
Как пьяный буян,
Куражится вволю
Снежный буря.

Он в ярости гонит
Лавины снегов
И свищет, и стонет
У скирд и стогов.

Он вьётся, клокочет,
Сугроб наметая
И злобно хохочет
Над крышей сарая.

Он в бешенстве рыщет
Туда и сюда –
Чего-то всё ищет,
Забыв навсегда...

Попрятались люди,
Нет и зверей,
Скажите, что будет
С деревней моей?

Всё в снежной рогоже –
Не видно ни зги...
Помилуй нас, Боже,
Спаси, помоги!

Зимний сон

Спит беспробудным сном
Заснеженная роща,
Она зелёным полотном,
Как летом, не полощет.

Беспечна и смирна округа
И нет в ней лиха,
Вчера здесь бушевала вьюга,
Сегодня – тихо.

Сегодня снежным одеялом
Земля укрыта,
И снятся ей: весны начало
И щедрость лета.

И лучезарное сиянье,
И птичье пенье,
И трав высоких колыханье,
И жизни обновленье...

Уснули клёны и берёзы –
Баюшки-бай-бай...
Прохожий, не нарушь их грёзы
Шумом, невзначай.

Белое безмолвие

На земле царит зима –
Белое безмолвие,
Как чиста она, нежна
С ног до изголовья!

На деревьях и кустах
Белые рубахи,
На оградах и столбах
Белые папахи.

На полях и на лугах
Белые перины,
Копны, скирды и стога
В белых пелеринах.

Горизонт и небеса
Под завесой белой,
Луга, рощи и леса –
Всё белее мела.

Утонула вся округа
В море снега,
Но – ни страха, ни испуга,
Только нега...

Беспечная нега

Я давно не видел снега
И заснеженную даль,
Где царит беспечно нега,
Где есть жемчуг и хрусталь.

Я надену свои лыжи
И охотничий убор,
По следам лисицы рыжей
Укачу в сосновый бор.

Под заснеженной сосною
Зайца с белкой буду ждать,
Любоваться белизною
И дышать, дышать, дышать!

Зима 2007 года

Штормит вспотевшая Атлантика
И гонит к северу Гольфстрим,
Чтоб льдов суровую романтику
Согреть дыханием своим...

Сползают, рушатся громады
Гренландских вековечных льдов
И превращаются в заряды
Несущих влагу облаков.

В них нет искрящихся снежинок,
Они дождливой стеной
Спешат на смертный поединок
В Россию с русской зимой.

Зима две тысячи седьмого года
Не изменила календарь...
Но аномальная погода
Не хочет покидать январь.

Во всей Европе – ни снежинки,
Пестрит там зеленью трава,
Не в тёплых валенках, в ботинках
Форсит бесснежная Москва.

Наверное, не знали предки
Сверканья молний в декабре,
А дни уж очень были редки,
Когда нет снега в январе.

На этот раз морозы Арктики
Дождям не сделали заслон:
От моря Чёрного до Балтики
Вершит дела «Кирилл» – циклон!

И вопреки Гидрметпрогнозу,
А пролетело ползимы,
Москва – без снега и мороза,
О чём все сожалеем мы.

